

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн

МОЙ ИДЕАЛЬНЫЙ СМЕРЧ

Игра с огнем

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Annotation

Еще совсем недавно Мария и Дэн были совершенно чужими друг другу людьми. Он совсем не замечал ее, а она безответно была влюблена в другого. А теперь они – известная всему университету пара, окутанная ореолом взаимной нежности и романтики.

Их знакомство было подобно порыву теплого весеннего ветра. А общение напоминало фейерверк самых разных и ярких эмоций. Объединив усилия и даже заключив секретный договор, они желали разбить влюбленную пару, но вдруг поняли, что сами стали парой в глазах других людей. Знакомые, друзья и даже родственники уверены, что у них все совершенно серьезно. И чтобы не раскрыть свой «секрет на двоих», им пришлось играть роль влюбленных.

Сможет ли притворство стать правдой? Какие тайны хранит человек, которого называют идеальным? И не разрушит ли хрупкие чувства девушки неистовый смерч?

Огонь в сердцах – то искры небосвода,
Который воссиял закатом алым.
Неудержимая победа и свобода.
Луч света путникам в лесу усталым.

Огонь в глазах – то солнечные блики,
Нагретая в песках прибрежных медь,
И даже тех, в чьих душах холод дикий,
Такой огонь не может не согреть.

Огонь в руках – сердца то самых смелых,
Девиз которых: «Искренность и честь».
Пускай в любви и дружбе неумелы —
Зато неведомы им зависть, злость и месть.

Но стоит помнить – раздувать чрезмерно
Огонь в руках, глазах или сердцах
Нельзя. Всего лишь шаг неверный —
Там, где горело пламя, будет прах.

Резвясь с огнем, о, ветер беззаботный,
Запомни, что ты можешь невзначай
Опасному пожару дать свободу,
С ним вместе выпустив губительную хмарь.

Пусть пламя лучше нежит, светит, греет.
Пожар, увы, совсем не то умеет...

Небо успокоилось и больше не поливало дождем улицы, площади и проулки. Оно, насухо выжатое, обессиленно висело над городом, приняв снотворное из тихого, успокаивающего шелеста миллионов листьев, с которыми играл ночной ветер. Во время грозы он восторженно скрипел качелями, гнул стволы и ветви деревьев, угрожающими порывами стучался в окна, а теперь словно выдохся и вполне миролюбиво гонял мусор и осторожно дул на лужи – ему нравилось наблюдать за легкой рябью.

В луже, крохотным морем разлитой в одном из дворов засыпающего города, рябь сменилась волнами и брызгами – по темной воде, рассекая ее мощными колесами, проехал черный внедорожник.

Отражение света фонарей в дворовом море тут же обиженно задрожало, забор исказился, угол дома распался надвое. К шуршанию листьев добавился неторопливый глухой звук мотора.

Миновав лужу, громоздкий автомобиль, неспешно скользя по мокрой черной дороге, подъехал к массивному пятиэтажному дому, окутанному после яркого ливня, как и все прочие дома в округе, приползшим с реки липким туманом, и остановился около одного из подъездов. Однако выходить из внедорожника никто не спешил. И если бы кто-то смотрел сейчас в окна этой машины, он бы, правда, не без труда, разглядел в темном салоне силуэты молодой пары. А если бы мог видеть сквозь темноту, то на водительском сиденье увидел бы крепкого молодого человека, одна рука которого лежит на руле, а вторая свободно обнимает за плечо девушку, чьи длинные волосы собраны на затылке в высокий светлый хвост.

Хотя у Федора и Насти свадьба должна была состояться совсем скоро, уже в июне, они все еще продолжали устраивать себе свидания, как будто бы познакомились не три с половиной года назад, а на прошлой неделе. Будущие молодожены ездили в кино и в кафе, устраивали пикники и посещали боулинг-клубы, гуляли по набережной и по Мосту влюбленных дураков и даже ходили в походы или ездили на горнолыжную базу.

Правда, из-за того, что Федор постоянно был занят на работе, да и его невеста тоже без дела не сидела, в последнее время свидания проходили не так часто, как им обоим хотелось. Можно даже сказать, редко. К тому же молодого человека могли вызвать на службу не только во время прогулок или посещения кафе, но и посреди ночи, и он был обязан явиться по первому требованию. Бывало и так, что за ним приезжали во время законных выходных или отпуска, и даже тогда Федору волей-неволей приходилось подчиняться и уезжать на свою почти что секретную работу.

– Останешься у нас? – спросил старший брат Маши свою будущую супругу, приоткрыв окно и наслаждаясь прохладным воздухом, таким, который бывает только после ливня – в нем до сих пор еще витал свежий запах грозы.

– Ну, раз ты меня уже сюда привез, то явно останусь, – рассмеялась Настя, в этот момент большее удовольствие получающая от прикосновений, нежели от воздуха. – Ты ведь хитрый.

– Совсем немного. Мама будет тебе очень рада, – сказал Федор, с улыбкой глядя на Настю.

– Ты уверен? – заволновалась та, вспомнив, сколько времени на часах. – Я не поздно?

– Естественно, уверен. Мама рада тебе всегда. А уж как я буду рад ночью, зайка... – И он, замолчав, повернулся к невесте и осторожно коснулся широкой ладонью ее лица.

Если бы рядом с этой парочкой находилась Маша, она бы с ума сошла от удивления: при ней брат всегда вел себя так, словно ему все еще было пятнадцать лет. А сейчас был совершенно другим! Заботливым, серьезным... и взрослым.

Надо сказать, любящие братик и сестричка Бурундуковы только и делали, что с детства задирались и обзывались, устраивали разборки и жаловались родителям, изо щренно «стуча» друг на дружку. Правда, в уже чуть более старшем возрасте, когда Федька всерьез начал увлекаться боксом, ему часто приходилось защищать сестренку от местных хулиганов или от мальчишек, с которыми шумная и вредная маленькая Машка частенько ссорилась, ей, видите ли, казалось, что они хотят ее обидеть, поэтому иногда она обижала первая. К тому же, малявка, как ласково звал ее Федор, постоянно хвасталась всем, что у нее есть брат-боксер, который может «здорово навалить и больно треснуть». В юности парня это сильно

раздражало, ведь приходилось разбираться с пацанами, но сейчас, когда сестра вроде как стала девушкой, Федя был бы не прочь услышать из ее уст эту фразу вновь, только адресованную уже какому-нибудь из кавалеров. В том, что они у Маши есть или вот-вот появятся, Федор и не сомневался!

Хоть прошло уже много лет, но отношения между братом и сестрой так и остались детскими. Кому-то они казались трогательными, кому-то – глупыми, но за фасадом взаимного дурачества скрывалась прочная родственная связь, которая была сильнее многих.

А еще Федор считал, что по-прежнему ответствен за сестрицу, и продолжал ее своеобразно опекать (Машка назвала бы это «допекать»), не упуская возможности лишний раз подколоть ее. Тогда она жутко злилась и раздражалась смешными тирадами – ну, прямо как в детстве. Ее брата это очень веселило.

– Пойдем, Настасья? – предложил Бурундуков. – Хорошо, что дождь кончился. Можно будет прогуляться, если хочешь. Ты же любишь по темноте.

– С тобой не страшно, вот и люблю, – отвечала его невеста, озорно глянув на Федора – парнем он был высоким, крепким. С таким не часто связываются в подворотнях.

– Надо было сказать, что не со мной любишь, а меня любишь, – пробурчал тот.

Будущие молодожены уже собирались выйти на прохладную после дождя улицу, как Настя вдруг, чуть прищурившись, подалась вперед и сказала со смехом:

– Ой, Федь, а это не твоя сестренка?

– Машка? Где? – тут же стал вглядываться в даль он. Насколько Федор помнил, Мария клятвенно обещала рассерженной маме, что все выходные будет готовиться к зачетам.

– Да вон же, на мотоцикле, с мальчиком, – улыбнулась Настя.

Около самого подъезда, действительно, в свете единственного во дворе яркого уличного фонаря виднелся красно-черный мотоцикл, в котором Федька тут же признал «Honda VFR», нехилый и дорогой байк, стоивший раза в три или в четыре дороже этого внедорожника, кредит за покупку которого Федор выплачивал уже второй год. Первый раз с балкона он марку не разглядел, а теперь был удивлен, что у друга сестрицы такой дорогой личный транспорт. Да, это и вправду дружок их малявки!

– А-а-а, мотоциклист, – прищурившись, протянул он. – И снова я тебя вижу. Не поздновато ли для вас, малыши?

Темноволосый высокий парень с широким разворотом плеч, которого Федор, хмыкнув, тут же мысленно прозвал «сопляком», стоял к сидящим в авто спиной, а вот лицо Машки было хорошо видно. Она что-то выговаривала своему другу, а тот, касаясь то ее локтя, то ладони, то плеча, изредка склонялся к левому уху и что-то говорил. Волосы и одежда обоих, кажется, промокли насквозь, словно они долго гуляли под дождем. Федька поморщился. Во-первых, он считал, что Мария не была способна на любые проявления романтики, как неспособен к глубоким душевным переживаниям австралийский кенгуру (сестра, впрочем, думала о нем точно также). А во-вторых, Федор продолжал считать ее глупой малявкой, вокруг которой крутится много подозрительных сопляков. В том числе и этот!

– А ничего так у паренька фигурка, – продолжала с интересом разглядывать мотоциклиста Настя. – Наверное, и личико должно быть милым.

В Бурундукове-младшем моментально проснулись собственнические инстинкты, передающиеся из поколения в поколения.

– Эй! Я почти твой муж, а ты пялишься на какого-то малолетку!

– Не какого-то, – живо возразила Настя, – а на друга твоей сестры и моей будущей

золовки!

– Ну и что, – уперся Федор, продолжая разглядывать парня. Мотоциклист ему пока что активно не нравился. Торчит почти в полночь с сестрой под их окнами, едва ли не в обнимочку! Сейчас еще лапать начнет, вообще красота будет. Точно придется тогда идти парню «милое личико» фонарями украшать. Не теми, что во дворе, другими.

– Как что? – не поняла Настасья, дразня жениха. – А вдруг Маше он очень нравится? Хм, а есть в нем что-то обаятельное. Жесты, что ли...

– Ты что, по спине определила, что он обаятельный? На расстоянии? – постучал пальцами по рулю Федька, подавляя в себе желание раз пять посигналить парочке и ослепить их яркими фарами. – Я понять не могу, что это за фрукт. Из богатеньких мажоров? Надо бы имя его узнать и действительно по базе пробить, кто таков и чем занимается.

– Ты совсем того. Ой, смотри, а он ей все время на левое ухо что-то говорит, – явно развеселилась Настя, наблюдая за будущей золовкой и ее другом. – Знает, как найти подход к девушкам.

– Имеешь в виду, полушарную асимметрию? – вспомнилось Федьке из курсов по технологиям манипулирования, что правое «женское» полушарие отвечает за эмоции, и так как оно управляет левой стороной лица, то лучше всего говорить комплементы женщине или же петь колыбельную ребенку именно на левое ухо, чтобы активировать это самое правое полушарие. – Так, может, он этот, пикап ер?

– Да ну, брось. Маша не такая дурочка, чтобы попасться.

– Именно, что такая, – проворчал Федор. Наивность и врожденная недоверчивость каким-то мистическим образом одновременно уживались в его сестричке.

– Как мило они смотрятся... Молодцы, ребята! – вглядывалась Настя в Марию, которая смотрела снизу вверх в лицо парня, и на ее частенько недовольном или ехидном личике появилась нежная улыбка. Будущая родственница этой девушке с высоким хвостом на затылке нравилась и чем-то даже напоминала саму себя в юные годы.

– Э, парень, ты не обнаглел ли? – полушутливо-полусердито сказал Федор, глядя, как высокий, потенциально красивый, по мнению невесты, хлыщ наклоняется к сестре с вполне явным намерением – запечатлеть поцелуй. К его облегчению, этого все-таки не произошло, эти двое вдруг стали хохотать. – Не, ну вообще! И он ее еще бурундучком называет! Я сам в их переписке видел. Нет, он мне определенно доверия не внушает!

– Федя, ну что ты как маленький, мы ведь тоже у подъезда целовались, – мягко укорила жениха Настя. – И меня ты тоже по-разному ласково называл. Дорогой мой, не лезь в их отношения. И как тебе может не нравиться парень, если вы даже не знакомы?

– Сейчас мы и с ним познакомимся, – тут же загорелись светло-карие, как и у Марии, глаза Федьки. Если бы Настя вовремя не схватила жениха за руку, он бы точно выскочил из машины, чтобы досрочно начать знакомство.

– Федор! – строго велела она будущему мужу. – Оставайся в машине и не порть Маше свидание.

– А если он к ней приставать начнет? – возмутился парень.

– Не начнет.

– Я что, по-твоему, этих малолеток не знаю? Сам таким был пару лет назад, – нахохлился Федька, продолжая оглядывать скептическим взглядом Марию и хлыща.

– Вот оно что, – многозначительно произнесла ревнивая Настасья. – Ну-ка, расскажи мне поподробнее, каким ты был?

– Да так... Обычным таким... – замялся Федька, и воинственность в нем поутихла. – Слушай, давай в супермаркет за тортиком съездим? – улыбнулся он во весь рот, совсем не горя желанием рассказывать невесте что-либо из буйного прошлого. – Ты же любишь сладкое, Настен?

– Люблю, – сердито отозвалась та. – Поехали.

«И мешать им не будем», – подумала про себя девушка.

Федор еще раз окинул взглядом мотоцикл, запоминая номер – решил пробить его на досуге, чтобы побольше разузнать о парнишке, при условии, конечно, что этот недешевый байк принадлежит ему.

Больше он не пытался познакомиться с парнем младшей сестры. По крайней мере, этим вечером. Внедорожник уехал прежде, чем Чип и Дэйл, не сдержавшись, решили, что на прощание весьма неплохо будет вновь поцеловать друг друга.

Ветер продолжал колыхать листву, заставляя шептать одной ей понятные слова, а заодно растрепал светлые пряди девушки и запутался в темных волосах обнявшего ее юноши. Не забывал он и о ряби в луже, в которой продолжали безмолвно отражаться огни. Но не успели утихнуть миниатюрные волны, вызванные колесами тяжелого внедорожника, как появились новые – от колес совсем другого автомобиля. На место машины Федора подъехала другая – серебряная дорогая иномарка, бесшумная и плавная, похожая на коварного, умеющего выждать жертву хищника. И если бы кто-то смотрел в ее окна, то не смог бы никого увидеть – тонировка надежно прятала тех, кто был в салоне.

– Это она. Это точно она, – произнес в микрофон телефонной гарнитуры человек, сидящий за рулем, глядя на Машу и Дэна. – Я все проверил, как только услышал про...

Собеседник резко перебил его, вынудив замолчать.

– Да, брат, я не промахнусь, – произнес он спустя полминуты. – Да, я постараюсь все сделать правильно.

– Чертов кретин, твою же мать, – сорвал с себя гарнитуру парень, как только звонивший отключился, и с яростью бросил на пустое сиденье рядом. – Зачем я это сказал? Почему я? Именно сейчас! – Он нервно и с силой провел пятерней по лбу и волосам, словно пытаясь убрать их назад, и вдруг неожиданно ударил по рулю кулаком. После пару минут парень посидел с закрытыми глазами, пытаясь успокоиться, а затем, резко нажав на газ, уехал в неизвестном направлении.

Дэн и Маша не обращали внимания на разъезжающие туда-сюда автомобили, они были заняты собой. Вернее, друг другом: фея и человек-ветер.

А небо так и продолжало спать, укутавшись в одеяло из облаков.

Когда я открыла дверь квартиры, я очень надеялась, что мама – жаворонок по натуре – уже спит. Но нет, она ждала меня в полутемной прихожей, закутавшаяся в теплый халат и очень недовольная. В гостиной работал телевизор – негромко раздавался голос ведущего полуночных новостей. Кажется, никого, кроме нее, дома не было. У папы, наверное, как всегда, образовалось что-то срочное на работе, братишка тоже куда-то пропал. Одно лишь котэ вылезло из шкафа, чтобы встретить хозяйку. Оно умильно смотрело на меня и облизывалось. Наверное, только что отужинало, вернее, отполуночило. Я зачем-то помахала Ириске, и в зеленых немигающих глазах появилось вполне закономерное удивление. Мол, ты чего хозяйка, я и на кис-кис отзываюсь изредка, мне тебе что, лапой помахать в ответ или хвостом?

Мне почему-то хотелось улыбнуться – такое хорошее настроение было, хотя я понимала, что сейчас большой огненный дракон в лице мамы настигнет бедного несчастного орленка, чтобы задать ему хорошую трепку или съесть.

– Пришла? – не слишком любезно поинтересовались у меня.

– Пришла. Привет, – включила я в прихожей свет. Мама, увидев меня, ахнула и уперла руки в боки.

– Что за вид, Мария? Ты почему вся мокрая? Под дождем, что ли, бегала? Да ты с ума сошла!

– Случайно попала под дождь. Мам, все в порядке, – неуверенно улыбнулась я и принялась разуваться. Хорошо, что она меня в другой кофте не видела, насквозь промокшей!

– В порядке? Немедленно переодевайся! И чай горячий выпить не забудь, чтобы не простудилась, с медом. Ты где была так долго, красавица моя?

– В библиотеке. Я же говорила, что туда иду, – вместо того чтобы соорудить смиренное выражение лица, я вдруг опять беспричинно улыбнулась, глядя в пол, а потом, испугавшись, прикрыла губы кулаком. Как же на душе хорошо!

– В библиотеке? – подозрительно спросила мама.

– Да, сидела там допоздна. Готовилась... к зачету, – почти пропела я. До сих пор это странное легкое пьянящее головокружение! Такое приятное, как поцелуи под дождем.

– Допоздна? Что ты мне лапшу на уши вешаешь. Библиотека по субботам до семи часов работает! – разоралась на меня мама тут же. Ох, и зла же она на меня была! Я бы на ее месте тоже злилась. Кому приятно, когда так нагло обманывают? – Это в какой такой библиотеке ты сидела? В ирреальной, из другого измерения?

Это она моих фэнтези-книг начиталась, вот и говорит так. У нас все книжки – на двоих, папа с Федькой только смеются. Один вообще почти не читает, второй только научную фантастику.

– Да там ночное отделение есть, – пробормотала я. – Чтобы за деньги ночью заниматься.

– Да ты что! Какая библиотека прогрессивная стала. – Меня таки окатило волной родительского гнева, смешанного с беспокойством. – Я ей звоню-звоню, а она трубку не берет!

– У меня звонок был отключен, – виновато сказала я. – Прости.

– Маша, – сердито посмотрела на меня мама, которая явно была не в духе – в очень большом «не в духе», который плавно перерастал в «драконизм» – профессиональную болезнь многих мам, беспокоящихся о своих непутевых отпрысках. – Немедленно отвечай, где и с кем ты была.

– Мам, в библиотеке, в ночном отделении, потом, правда, одноклассницу встретила, мы с ней немного погуляли и под дождь попали. А с телефоном так получилось глупо...

– Да у тебя все по жизни глупо да нечаянно получается! У твоего отца такие проблемы, у нас кадровые перестановки, у Федора скоро свадьба, все стоят на ушах, а ты делаешь, что хочешь, и в ус не дуешь! – еще больше завелась мама. Ага, я видимо, стала катализатором ее плохого настроения.

– А где, кстати, папа? – попробовала я перевести разговор. Но я не манипулятор Смерчинский – у меня этого не получилось.

– У него срочный оперативный выезд. И не заговаривай мне зубы. Ну-ка, ну-ка, неужели ты связалась с плохой компанией? Или?..

– Ты что, мама! – округлила я глаза. – Какая плохая компания? Я же говорю, одноклассницу встретила!

– Ну да, новая компания тебя не испортит. Это сделаешь ты. И переоденься уже наконец, не стой в мокром.

Я покорно прошествовала в свою комнату и облачилась в домашнее. Состояние легкого полета меня так и не покидало. Однако когда я вышла из своей комнаты, чтобы помыть руки, вновь была атакована.

– Думаешь, я не знаю, с кем ты была? – Мама окинула меня тяжелым взглядом.

– С кем же?

«Да, с кем же?» – вопрошали зеленые глаза котэ. Ему было просто любопытно.

– Со своим другом, – торжественно произнесла она. – Наврала мне, что ушла в библиотеку, к зачету готовиться.

Она нас видела из окна? Или ей уже соседка пожаловалась с первого этажа? Вот я непредусмотрительная... А вот это стремно, что мамочка так думает – больше всего она терпеть не может ложь. Ох, и достанется же мне сейчас.

– Ты же сказала, что я с плохой компанией связалась... – вздохнула я. – Где логика, мам?

– Не перебивай мать! Что это у тебя за манеры, Мария? Ты связалась с...

В это время входная дверь открылась, и в прихожую ввалились довольный жизнью брат, в руках которого был торт в большой коробке, и его девушка Настя. Мама, на время забыв обо мне, поздоровалась с будущей невесткой, выслушала ее извинения по поводу позднего визита, великодушно махнула рукой (Настю мама любит), пожурела за что-то Федора, а потом принялась жаловаться на меня и мое безответственное поведение.

– Шаталась весь вечер непонятно где, даже ни разу не позвонила! Да что там позвонила, ни разу трубку не взяла! Я весь вечер переживала. Мария, немедленно признавайся, где была и с кем? – опять взяла она меня в оборот.

– Мама, я в библиотеке...

– А в каком виде пришла! – не стала слушать меня родительница. – Вы только посмотрите на нее. Красотка! До сих пор волосы мокрые. И это она так готовится к зачету! Федя, поучи уму-разуму свою сестрицу!

– Чего ее учить? Она ж у нас тупенькая, – зевнул брат.

Я возвела очи к потолку. Котэ, задрав хвост, обнюхивало Настины туфли. Девушка только улыбалась, слушая маму. Та начала говорить что-то еще более патетическое, я же покорно слушала. А в это время на моем телефоне, лежащем на полочке в прихожей, раздался звук эсэмэс.

«Бурундукова, завтра день Икс, не забывай об обещании!» – высветилось на экранчике сообщение от Димки.

– Ага! – торжественно воскликнула мама. – Мои звонки ты не слышишь, а чужие сообщения читаешь без проблем!

– Мам, да я же звук только сейчас включила!

Я, проклиная про себя Чащина, которому так не вовремя вздумалось послать мне сообщение, быстренько переставила режим в телефоне на бесшумный, вернее, на вибрацию. Еще какое-нибудь сообщение придет, и мама вообще взбесится!

– Ты скрываешь от нас этого молодого человека! Значит, с ним что-то не так, – продолжала мама уверенно. – Из-за него ты стала врать собственной матери и ночью приходить домой в таком виде! Он что, бандит?

У нее прямо пунтик на бандитах – опять же из-за работы. Зато я поняла, что мама меня из окна не видела, иначе бы говорила про мотоцикл, а не про бандитов.

– Да не ночь же еще, так, поздний вечер, – вяло попыталась возразить я.

Наша перепалка продолжалась бы очень долго, и в результате я, скорее всего, не смогла бы завтра никуда пойти с Чащиным, потому что мама вранье терпеть не может больше, чем недобросовестных граждан. Она бы точно посадила меня под домашний арест и взяла бы под жесткий контроль, дабы я готовилась к зачету, но меня неожиданно спасли.

– Мам, – сказал вдруг Федька, который в нашу «беседу» не влезал, потому что при Насте вел себя пайнкой. – Да что ты к ней пристала? Все в порядке. Я видел Машку, когда она в библиотеку шла. Мимо на машине проезжал. И... вечернее отделение там есть. Платишь деньги и сидишь хоть всю ночь.

– Да? – озадачилась мама. К словам старшего сына она всегда прислушивалась больше, чем к моим, хотя и ругала его за то, что он постоянно меня задирает. Правда, сейчас Федя мне, напротив, помог. Неслыханное дело – старший брат меня покрывает! Что это с ним? И Настя странная. Стоит за его широченной спиной, а ее голубые глаза смеются.

– Вот видишь, мам, – улыбнулась и я во все зубы, не растерявшись. – Даже Федька видел, а ты мне не веришь.

Мама подумала немного, прочла мне еще одну нотацию, для порядка попытала насчет парня, а потом и вовсе ее гнев, слава богам умиротворения, спал.

– Ну, раз никто еще не желает спать, тогда давайте хоть чай попьем перед сном, – решила она.

– Давайте, я вам помогу стол накрыть? – тут же вскочила Настя. По-моему, она нашу маму немного побаивается, без пяти минут свекровь, как-никак.

– Спасибо, Настенька, – умилилась мама.

– Я тоже могу помочь, – вызвалась я.

– А ты иди в ванную. Прими горячий душ, а то точно заболеешь, – сказала мама и уволокла будущую невестку за собой. Федька очень насмешливо уставился на меня. Его аура просто-таки состояла из иронии, смешанной с любопытством.

– О, спасибо, я не ожидала от тебя, обезь... братишка, – хлопнула я озадаченно Федора по плечу.

– Я что, в твоём представлении какой-то монстр? – проговорил он несколько сварливо.

– Ну, как сказать, – уклонилась я от прямого ответа. Спас меня, как-никак, мой брат родной!

– Слушай, правда, спасибо.

– Правда, пожалуйста. Только, звезда балета, постарайся отвечать на звонки и не пропадать где попало до ночи. Не беспокой мать. – Федька погрозил мне пальцем и добавил вдруг очень насмешливым голосом: – Чтобы завтра со своим парнем познакомила. Ясно? И не палитесь вы так больше перед подъездами.

– А?

Братец, увидев мое выражение лица, расхохотался на всю прихожую.

– А я завтра с Димкой встречаюсь, – пробормотала я как-то затравленно. Он нас со Смерчинским видел! Надеюсь не то, как мы целовались? Моя тонкая душевная организация этого не переживет.

Да... Вот ужас-то какой! Папа, Федька с Настей, скоро и мама до Дэнчика доберется. А потом и его родственники достанут меня – чего уж там, дедушку-то я уже знаю.

Орел стыдливо закрылся крыльями.

– У тебя еще и Димка какой-то есть? – тут же наклонился ко мне Федька и стал буравить подозрительным взглядом. – Ну, ты даешь, сестрица. Слегка непорядочно с двумя вертеть, не находишь?

– Это мой одноклассник. Мы по делу встречаемся, – одарила я нелестным взглядом старшего брата.

– Ну ладно. Я же тебя не так воспитывал. И, да, – окликнул меня он, явно гордясь своим поступком, – рабства ты не избежала.

– Фе-е-едя, – протянула я устало, – ну хватит, а? Действительно, детсад и горшки на полках.

– Ты мне на нашей свадьбе понадобишься, – загадочно произнес родственничек. – Поможешь нам кое в чем, или я тебя маме так заложу, что ты все лето будешь сидеть дома и мыть полы, как Золушка, твоя ближайшая приятельница. Усекла, мелкая? А так ты отработаешь мои слова тем, что на свадьбе и на девичнике будешь моим... шпионом. – В светло-карих глазах брата зажглись веселые огоньки. Судя по тому, как он пытался не засмеяться, брат готовил что-то фееричное.

– Федь, знала, что ты болен, но не настолько же. Я тут одну больничку хорошую знаю. Давай, я тебя туда на третий этаж определяю, для душевноб... страдающих? – миролюбиво, вполне искренне предложила я.

– Я сейчас свои показания изменю, и тогда тебе наказания не избежать, – пригрозил брат.

Я тут же заткнулась и торопливо сообщила, что готова побыть и шпионом, и бароном Мюнхгаузеном, если нужно.

– Дети! – позвала нас мама, которая все никак не могла привыкнуть к тому, что мы никакие уже дети. – Идите за стол!

– Идем! – на весь дом гаркнул Федор.

– Сейчас! – крикнула и я.

– Что ты так орешь громко? – одновременно спросили мы друг у друга, а потом одновременно заржали, брат хлопнул меня по плечу (я чуть не присела), я в отместку попробовала пнуть его пониже спины, правда, не преуспела в этом, и мы дружно направились за стол. Горячий душ по настоятельному совету мамы я приняла уже после позднего чая. А потом, поболтав с Настей, все же пошла в свою комнату, прихватив телефон.

«Здорово. Чащин, я вообще никогда и ничего не забываю. Во сколько ты мне «стрелку» забиваешь?» – вспомнила я, что так и не ответила однокласснику.

Ответ от него пришел на удивление быстро.

«На 17.00, пойдет?» – и в следующем эсэмэс он написал название неплохой пиццерии, находящейся не слишком далеко от моего дома.

«Пойдет. И не смей заказывать много, я не миллионер!!» – тут же предупредила я Дмитрия, который, между прочим, как и другие парни, кушал немало. Пару раз, когда мы большой компанией сидели в столовой, он даже таскал у меня булочки и пирожки. А однажды, недосчитавшись салата, который стремительно исчезал в чащинском рте, я от злости чуть на него чай не вылила.

Было это еще в начале второго курса, на большой перемене, и, самое обидное, на глазах у Никиты и его одноклассников, которые обедали за столиком в другом конце зала! Как же я разозлилась на Димку тогда! Так опозорил перед любимым парнем. Ведь я не просто на него

чуть чай не вылила, я еще и за ним гоняться стала под смех сокурсников. Чащин от меня успешно отбился, а потом поймал, прижал спиной к себе и не больно, но обидно заломил руки. Я, используя не самые добрые выражения, поинтересовалась, за что он так со мной, собственно, поступает, а этот дурак на всю столовую сообщил с готовностью, что это за то, что я утром у него на семинаре списывала. Взрослые с виду парни-старшекурсники с эконома, проходящие мимо нас, заушмылялись и называли малолетками. И Ник это слышал – я просто уверена! Это многие слышали. Димка тоже. Он отпустил меня и с готически-мрачным выражением лица предложил умникам выйти для разговора. Они хоть и казались взрослыми, одеты были в пиджаки, а в руках держали дипломаты, выйти согласились. Бедным парням из нашей группы пришлось бросать трапезу и вставать, чтобы поддержать Чащина. И все они действительно пошли во двор. Маринка и Лида меня едва удержали, чтобы я не бросилась следом за мальчишками. Хитрая Марина и еще кто-то тут же поскакали в деканат сообщить о том, что наглые экономисты хотят отмутузить наших несчастных парней, а к нашему столику вдруг подошел Никита, с которым мы уже были «официально» знакомы.

– Что-то с Димой? – спросил он лично у меня, и я тут же почувствовала, как предательски дрожат колени. – Нужна помощь? Я не успел подойти сразу.

Его помощь не понадобилась – охрана не дала драке даже начаться... Но с тех пор мне казалось, что Никита смелый. А еще я долго переживала – вдруг ему показалось, что я даже говорить нормально не умею – все заикаюсь.

Странно, вроде бы совсем мало времени прошло после пыльной бури в парке, а имя Кларского вспоминается без былой дрожи в коленках. Чудеса в действии. Главный кудесник – Смерчинский. Да, Дэн, наверное, посланник Аполлона или его земное воплощение. А вокруг него летает стая пухленьких купидонов – бесконечных дружков, одолженных у сестрицы Афродиты.

Представив Черри и Ланде в виде купидонов, я захихикала в подушку. Тело пухленького голенького мальчика с нежной кожей и колчаном стрел любви, увенчанное злобной зеленоволосой физией – это еще то зрелище!

– Денис, – вслух сказала я, усаживаясь на кровати по-турецки, чтобы проверить, а не дрожат ли эти самые колени, выглядывающие из-под подола короткой ночной рубашки, когда я произношу имя Смерча. – Дэн. Дэнни. Дэнв.

Ничего не дрожало, я не волновалась, мысли не путались (они скромным хороводом кружились над портретом Сморчка). Все было легко и чуть-чуть волшебным.

– Де-нис, – по слогам произнесла я, по-новому превыкая к этому имени. – Денис, Денис, Денис. Хм... Денис.

Нет, определенно, мои ноги ничего не чувствуют – никакой дрожи или мурашек. Только в груди почти незаметно разлилось тепло. И не только в груди – в правой ноге тоже. Это наглое котэ улеглось прямо на нее, тараща в темноте светящиеся зеленым глаза. Я погладила Ириску излишне нежно – она восприняла это за тисканье и сбежала в другой угол кровати, где вольготно разлеглась на подушке.

«Зато у тебя друг богатый =) Деньжат не подкидывает, что ли?», – пришло новое сообщение от ехидного Чащина.

«Мой друг больше подарками откупается, умник!» – написала я, зевая. Друг. Смерчинский – мой друг. А что, забавно получилось сегодня... Даже и не думала я о таком. А-а-а!

Вспомнив то, что произошло в парке, я, испытав неожиданный прилив адреналина, забарахталась в постели, прижимая к себе одеяло, а после резко села.

Никогда не думала, что признаюсь в том, что я без ума от чьих бы то ни было губ! А у Смерча губы властные, в отличие от мягкого взгляда.

Я захихикала, вновь вспоминая Смерчинского, и его ладони у меня на плечах и на талии, и то, как он касался своей щекой моей щеки и как ласково и легонько – как будто кружево из облаков дотрагивается кожи! – целовал виски.

Головокружение вернулось – оно как будто бы притаилось где-то в подкорке, а теперь вернулось вновь, покаявшись легкостью и мое сердце.

– Дэнчик, – сказала я вслух опять. И вздохнула. – Дубина несчастная...

И с этими словами рухнула на спину, с головой укрывшись одеялом.

Телефон возвестил меня, что пришло новое сообщение.

Маша и знать не знала, что пока проверяла свою нехитрую теорию «дрожания коленок», под дверью у нее стояла крайне удивленная мама со стаканом горячего молока, в котором ею заботливо был размешан гречишный мед. Вера Петровна хотела напоить им дочь перед сном, чтобы та действительно не разболелась перед зачетами.

Сначала хранительница домашнего очага семейства Бурундуковых просто подошла к полуприкрытой двери – Маша с детства боялась запираť ее, потому что вечно ей казалось, будто злобный бабай из-под кровати ее достанет и унесет себе в логово. Феде раньше даже сторожить приходилось младшую сестренку от этого самого мифического бабая, держа в руках игрушечную саблю и пистолет: только тогда Мария и засыпала, надо сказать. Потом страх у младшей дочери исчез, а вот детская привычка не запираť дверь осталась.

Вера Павловна уже было открыла рот, чтобы позвать Машу, как услышала какую-то возню, после которой дочь отчетливо произнесла:

– Денис.

Тонкие брови Веры Павловны взметнулись вверх от удивления. А дочь продолжала:

– Дэн. Дэнни. Дэнв.

«Ничего себе, Машка влюбилась в какого-то Дениса. И не хочет меня с ним знакомить, негодница!» – со смехом подумала про себя Вера Петровна. А дочь продолжала развлекать ее дальше:

– Де-нис. Денис, Денис, Денис. Денис.

«Ничего ее заклинило, прямо как меня на первом курсе, – вдруг вспомнился первый возлюбленный Вере Петровне. – Я же тоже тогда маме врал, что в библиотеку ходила... Это, наверное, у нас семейное. Хотя Феденька же сказал, что видел Машу около библиотеки. Или он ее покрывает? А впрочем, не важно. Дома – и слава Богу».

Женщина подождала пару минут (в это время Машка хихикала и разговаривала с кошкой), а потом вошла в комнату, застав дочь лежащей поперек кровати, закинув ногу на стену и отчаянно с кем-то переписывающуюся.

– Маша, не спишь еще? Выпей молоко, – сказала Вера Петровна и попыталась подглядеть в телефон, но дочка предусмотрительно вышла из режима эсэмэс-сообщений. Женщине оставалось только, как в детстве, накрыть дочь одеялом до самого носа и выйти.

Выпив молоко, некстати принесенное мамой, которая явно решила стать полуночницей, я вновь вернулась к переписке с Димкой.

«А как проживает моя протекция?» – не преминул задать любимый вопрос Димка.

«Отлично!» – обрадовала я его. Смерч и билетики обещал мне достать. Господи, какой же он прелестный... бывает иногда.

«В смысле??» – не понял Дмитрий. Я раззевалась, как бегемот. Спать хотелось все сильнее.

«В прямом. Мой любимый поможет сдать англии таким тугодумам, как мы, хе-хе-хе! Подробности завтра, балда. И не опаздывай. Я ждать тебя не буду!»

Еще чуть-чуть поболтав по эсэмэс и обменявшись «любезностями», мы распрощались до завтра. А я опять вспомнила о Смерчике. Хм, интересно, где этот индюк сейчас? Дома греется, в теплой кровати? Под одеялом, поедая, как дитя малое, что-нибудь сладкое или сидя на подоконнике с кружкой горячего чая и сигаретой? А, он же правильный мальчик, не курит. Странно, вроде бы вредная привычка, а мужчинам так идет, они такими независимыми становятся, если в их пальцах появляется сигарета.

О, мышинные божества, я назвала Смерчинского мужчиной. Это конец начала конца начал.

Вспомнив брюнетика с приветиком, я, чуть посомневавшись, набрала его номер. Однако звонить все же не стала, а написала сообщение.

«Ты дома?»

То, что девушки не должны писать первыми, меня ни капли не волновало. Хочу и пишу. Интересно мне, где мой лжепарень торчит!

«Дома, надеюсь, ты тоже», – через минут десять, когда я уже исползала всю кровать, написал мне Смorchок.

«Спасибо, что довез. Ты думаешь, почему я первая тебе пишу? Есть причина! Я же обещала тебя убить, когда ты ко мне приставать стал, так вот, готовься в понедельник на кровавую расправу, потому что я, Мария Бурундукова, своих слов на ветер не бросаю!!:)» – написала я длинное сообщение и отправила его с улыбкой. Подумать только, а еще совсем недавно я мечтала вот так вот ночью переписываться с Ником.

«Можно без расправы, Бурундучок? Я очень жизнелюбивый...».

«Если ты исполнишь все, что обещал, тогда подумаю! Желание, origami, поездку...» – вспомнилось мне, и я опять зевнула, словно бы зевком подтверждая свои слова.

«Поездка уже была, Чип. Остальное исполню, не бойся».

«А я и не боюсь. Не моя прерогатива, деточка ты моя. Когда?» – Я опять забарахталась в постели. Вроде бы всего лишь невинная переписка со Смерчем, а столько новых эмоций!!

«Закрой сессию, партнер, тогда и поговорим, идет?» Я искренне восхитилась этим словам, а потом нахмурилась.

«Ну ты и наглый!» Слово «партнер» вновь стало раздражать намного больше, чем «Бурундук».

«Я просто забочусь о тебе, и даю стимул к тому, чтобы ты успешно закончила этот год. Ты меня недооцениваешь. Я страдаю, может быть:*)».

Страдает он! Как же. Ежедневно, по пятнадцать минут, с секундомером в руках. Я перевернулась на живот и, качая головой в такт песенке про любовь, правда, какую-то мрачную и нежизнеспособную, в стиле исполнения солиста любимой группы, стала набирать ответ, в котором ясно выразила свою точку зрения относительно того, что я думаю о страданиях Смерча.

В следующем сообщении он словно прочел мои мысли и вдруг написал:

«Я тут подумал, что звать тебя партнером немного кощунственно. Предлагаю в целях тайной и глубокой конспирации называть друг друга иначе (_8(I)).»

Загадочный смайлик мне не понравился. Правда, приглядевшись, я поняла, что это графическое изображение Гомера Симпсона. Пока я всматривалась в известного мультяшку, Смерч прислал еще одно сообщение:

«Будем обращаться друг к другу банальными «милая» и «милый» или привычно: Бурундучок и Смерчик, а?»

«Это когда я тебя Смерчиком называла, ветрило противное??»

«Начни сейчас, Бурундучок:)»

«Я тебя в понедельник точно... того. Ну ты понял:)», – пообещала я со смехом парню. Смеха он, естественно, не слышал. Зато я испугалась, что его услышал весь дом, и временно затаилась. Пока таилась, умудрилась задремать.

«Мне все равно понравилось тебя целовать:) В понедельник, думаю, мы продолжим наше близкое знакомство. Да?»

Я, к сожалению, не расслышала вибрирующего звука последнего сообщения, пришедшего не сразу, а минут через десять. Телефон ласточкой выскользнул из руки на подушку. И я, наконец, провалилась в долгожданный глубокий сон, и снилось мне, что большой орел с гордым клювом то и дело развлекается тем, что превращается в милашку-фею. Она, явственно распространяя вокруг себя клубничный аромат каких-то невиданных мне духов из ягодной амброзии, обкладывает большими спелыми ягодами красного цвета мою постель. А затем вновь становится орлом, чистящим перышки – чтобы через пару минут вновь трансформироваться в наглоглазую фейку с замашками ехидного гопника.

А потом мне снилось что-то романтическое и очень личное, чувственное, а что именно, я так и не смогла вспомнить. Когда проснулась – солнце уже вовсю пыталось проникнуть в мою комнату, – перед глазами то и дело возникал знакомый профиль с ямочками на щеках, который манил, как магнит. И я поняла, что мне точно снился господин Смерчинский собственной невыносимой персоной.

О чем мы вчера переписывались?..

А обладатель этих самых ямочек на щеках, так и не дождавшись ответного сообщения от своего Бурундучка, лежал на теплом полу в своей комнате, свободно раскинув ноги и руки, как Витрувианский человек^[1], вписанный в окружность. Окружностью в данном случае стал мягкий ковер, вернее, не сам ковер, а овал, вычерченный внутри него, мягкого квадрата ручной работы, выполненного из натурального шелка.

Ковер цвета топленого молока можно было считать особым украшением комнаты Дэна. Он устилал середину просторной комнаты с огромным, от пола до потолка французским окном с видом на крутой живописный берег реки и был подарен Денису мамой несколько лет назад. Текстильное изделие создавали в Иране по ее специальному заказу несколько месяцев, и выглядел он неброско, но очень красиво. По краям чудного ковра глаза радовали многочисленные коричнево-изумрудные узоры. Внутри же, в круге, были вышиты несколько сонетов Петрарки на итальянском языке – как и положено, по четырнадцать строк каждый. В самом центре ковра красовалось схематичное, но нежное изображение девушки, которая, по замыслу мамы Смерча и создателей ковра, должна была олицетворять единственную любовь жизни великого поэта – прекрасную Лауру.

Неподходящую в современном мире любовь к итальянской культуре Возрождения

темноволосый парень унаследовал, вероятно, от деда. Не зря тот даже собственный клуб назвал в честь великого Данте и обустроил его в лучших традициях «Божественной комедии».

– Если бы ты не был моим внуком, я бы у тебя этот ковер экспроприировал, – однажды несколько лет назад, смеясь, заметил дед, пришедший на один из семейных праздников, зайдя в спальню к внуку. – А вкус у тебя имеется, хоть ты еще совсем мальчишка.

– Идиот, – хмыкнул Петр, как только дедушка вышел. Он терпеть не мог, когда тот хвалил кузена. – Тащишься по такой ерунде? А тебя ведь в школе крутым считают. Ты типа эстет? Мапочка подарила ковер, и ты в восторге?

– А ты типа завидуешь? – с улыбкой спросил Денис, который действительно ценил качественные вещи и уют.

– Кто? Я? Чему? – зло усмехнулся Петр. В подростковом возрасте у него был просто ужасный характер.

– Кто? Кажется... Да, кажется, это ты. – В голосе Дэна ящеркой скользнуло веселье. – Чему? Наверное, все же мне. – Он пожал плечами и добавил: – Просто у тебя настолько низкая самооценка, что рядом со мной ты чувствуешь себя... как бы это сказать... – юный Смерч подмигнул брату. – Немного неуверенно. Так ведь?

– Так ведь.

Темноволосый парень в очках, с такой же улыбкой глядя в глаза Дениса, резко схватил вазу, в которой стояли цветы, и театральным движением вылил воду на дорогой ковер. Следом на него полетели и цветы, на которых Петя хорошо, от души, потоптался. Денис жутко рассердился. Несколько секунд он смотрел на подаренный ковер, давая возможность брату почти беззвучно, но довольно посмеяться, а после схватил Петра за грудки. Тот в долгу не остался.

В общем, братья подрались, и даже гневные окрики вернувшегося деда не смогли их остановить – чтобы разнять парней, потребовалась помощь нескольких мужчин.

Кстати, почти никто из друзей, часто бывавших в доме Смерчинских, не придавал большого значения этому светлому ковру, хотя тот был самой дорогой вещью в комнате Дэни. И одной из самых дорогих вещей во всей богато и со вкусом обставленной квартире, располагающейся в элитном жилом комплексе.

Когда Черри, который однажды едва ли не прожег сигаретой дыру на шелковом изделии, узнал от Смерча, что едва ли не ежедневно беззаботно топчется по целому состоянию – хоть и небольшому, то некоторое время пребывал в крайнем изумлении. Его он выразил с помощью не совсем приличного, но крайне эмоционального выкрика и изогнутых бровей, и с тех пор старался в районе ковра сигареты больше не смолить. А Дэна в шутку стал называть «буржуем экстра-класса».

– Ковер за пару лимонов – это ненормально, – заявил панк. – Это дерьмово!

– Нормально, – тут же сказал Ланде, один из немногих друзей Смерча, который разбирался в искусстве и в его произведениях, высоко их оценивая. – Этот ковер прекрасен. Сидя на нем, я попадаю в древнюю Персию.

– Ты в дурку попадаешь, – хмыкнул Черри, который Ланде никогда не воспринимал серьезно. – Только подумай, Дэнов, а ведь эта неваляшка всегда сидит на полу, когда приходит к тебе. В Персию пытается проникнуть!

– Сам такой, – глубоко оскорбился тогда будущий актер.

– Ну, прямо, не брутальный норвежец, а выходец из детского сада, – расплылся не в

самой дружелюбной улыбке Черри. – Алло, гном, у Дэна нет выхода в параллельные миры, прикрытого ковром!

– Брейк, ребятки, – весело расставил руки в стороны хозяин квартиры. Он всегда примирял этих двоих.

Наверное, иногда он сам и Чип выглядят так же, как и Черри и Ланде, когда беззлобно цапаются. Также забавно.

Дэн озадаченно прикусил запястье. Обычно девушки на него вешаются, а вот Чип... Она старательно отталкивает. Вернее, отталкивала. А сегодня с ними что-то случилось. Но случившееся им понравилось. Ему – точно. Да и ей не могло не понравиться.

Впервые за эти годы он ощутил забытое, но такое знакомое чувство, которое и сам не мог описать.

Смерч еще раз посмотрел на широкий экран телефона. Мария пока что не ответила на его последнее сообщение. Самое важное сообщение в их сегодняшней переписке. А ведь он даже не сразу смог отправить его – пару минут размышлял на тему «А стоит ли?». И когда отправил, все с тем же волнением ждал от нее ответа.

К тому же долгие поцелуи в парке и около подъезда не прошли даром – сейчас парень желал не только, чтобы светлоглазый чертенок отвечал ему, но и находился рядом – на этом же полу, а еще лучше, на кровати.

Смерч посмотрел вверх, на звездный потолок. Звезды, переплетенные в созвездия, слабо светились в темноте. Дэн так часто смотрел вверх, что невольно запомнил не только расположение звезд и созвездий, но и их названия, подписанные рядом с каждым небесным светилом. Парень без труда находил их на ясном ночном небе, удивляя и старых друзей, и новых знакомых. Особенно большое впечатление это производило на девушек, с которыми ему посчастливилось оказаться под темным небом с разбросанными по нему звездами.

Молодой человек вновь перевел взгляд на экран телефона – ответа все не было. То, что девушка не отвечает, слегка напрягало Дениса. Он был очень подвижным и, несмотря на видимое спокойствие, ожидание его невероятно нервировало и тяготило.

Он не выдержал и позвонил Бурундучку – так в последнее время он называл Чипа про себя. Она просто не брала трубку.

Хотя у Маши часто бывали самые разнообразные проблемы со связью, о том, что они вновь у нее появились, Смерч как-то не подумал. И что она и сейчас просто-напросто не слышит звонка, уснув под одеялом, ему тоже не пришло в голову. Он решил, что Бурундучок просто не хочет ему отвечать после той самой важной эсэмэски. Этот факт хорошего настроения тоже не добавлял.

– Испугалась? – прошептал он, глядя на все тот же экран смартфона с изображением смеющейся во весь рот Машки.

Фото для контакта, чтобы на экране видеть того, кто звонит, синеглазый парень сделал тайно, когда они в очередной раз занимались миссиями, отслеживая Клару и Ольгу. Надо же, к чему это привело.

– Ты же еще совсем маленькая, – задумчиво сам себе ответил парень, вспоминая поцелуй. Сначала мягкий, неловкий, удивленный, а потом задорный, яростный, на адреналине, с крепкими объятиями, сбитым дыханием и волной неизвестного восторга. И все это приправлено струями дождя.

Целуя теплый мягкий дождь,
Забудешь про свою утрату.
За маскою дождя найдешь...
Меня. Ты будешь очень рада?

Дэн вдруг вспомнил слова из одной песни, которая часто играла в его наушниках. Песня, по обыкновению, заканчивалась не очень хорошо, но эти строки врезались в память надолго – как кастетом нацарапали на чьей-то коже, наживо.

Да, давно он не чувствовал ничего подобного. Даже не так. Он чувствовал подобное только с одной девушкой, с той, которую звали Инна. Но ее очень давно не было рядом.

Парень потер подбородок рукой. Нет, не нужно было писать последнее сообщение. Чип наверняка не так поняла про близкое знакомство. Скорее всего, теперь она его слегка опасается. Или не слегка.

Да, наверное, девочка смутилась, испугалась его напора и решила использовать несвойственную для себя стратегию «укладывания на дно». Ведь он же сам сто раз повторял, что они всего лишь партнеры, друзья по несчастью, спутники по дороге к общей цели, и никакие отношения между ними невозможны! А когда ему захотелось этих самых отношений – к тому же все вокруг считают их парочкой, почему бы и нет? – она спасовала. Или просто поняла, что ошиблась?

Да, к тому же ведь она в полной зависимости от этого своего Клары, странного, очень странного типа, который явно ведет какую-то идиотскую игру. Да, насчет него нужно серьезно поговорить с малышкой Ольгой. А ведь он, Дэн, так и знал, что все, что удалось собрать насчет Кларского – не совсем верная информация. Искаженная. Или, скорее, неполная... Аннет, милая карманница и превосходная актриса, явно чего-то испугалась. Нет, не чего-то – кого-то. Кого-то из «объектов», и явно не Ольгу. Светловолосую девушку Дэн знал с самой школы, и очень хорошо. Не было никаких причин ее бояться.

А вот с этим Ником все оказалось совсем не просто. Причина явно в нем. Денис не совсем точно смог понять психологический портрет этого парня: да, он консервативен, вежлив, спокоен внешне, внутри же, напротив, напряжен. Привык производить хорошее впечатление, одевается хоть и строго, но со вкусом, привлекателен, доброжелателен, обходителен, не скуп, спокоен, хорошо учится, не вступает в конфликты, друзей у него не много – он интроверт, зато все знакомые о нем хорошего мнения.

Но Дэнв сделал вывод, что он – опасный противник. И при всем этом любит драться. Или ему пришлось это делать. По крайней мере, недавно точно дрался: костяшки на правой руке все еще сбиты, чуть выше сгиба локтя виднеется из-под длинного рукава глубокий тонкий косой порез, как от ножа. От природы наблюдательный Дэн случайно заметил этот порез, когда рукав спутника слегка задрался, в то время как глупая Мария пялилась на лицо Ника, а Ольга не сводила глаз с самого Смерчинского. Да и с ногой у парня было что-то не то: кажется, он немного, почти незаметно, но прихрамывал. Интересно, если у него что-то с конечностью, то зачем Никита ходил весь вечер по парку вместе с Олей, которая, к слову, любит всякого рода прогулки и вообще движение? Мужественно терпел боль из-за Князевой? Неужели у него такие сильные чувства к ней или просто не хотел показывать ей, что с ним что-то не в порядке?

Кстати, когда Дэн осторожно расспрашивал знакомого парня из потока Клары, тот растрепал, что видел как-то в раздевалке на боку Никиты рваный шрам от кастета. Тогда Смерч подумал – мало ли, драка, а теперь все стало постепенно проясняться. Мальчик совсем не прост, но о нем Дэн подумает завтра, потому что сегодня его мысли все больше и больше занимает милый Бурундучок с горячими щеками и холодными пальцами, которые он позволил греть у себя на шее.

«Длина ушей составляет одну третью длины лица», – вдруг вспомнилось ему из пропорций, описанных да Винчи в Витрувианском человеке. Он поднял руку вверх, вспоминая с улыбкой уши Марии, в которых она носила забавные сережки в виде цветов с пятью лепестками из серебра, украшенного капельками красного огненного камня, кажется, рубина. Судя по всему, у нее пропорциональное лицо. И не только лицо.

Парень вновь прикусил запястье – от нетерпения. Зачем он вообще к ней полез там, под дождем? Ответ был прост – ему захотелось сделать это, а Смерч привык делать то, что ему хотелось. Даже если это был сиюминутный порыв. Да, ему хотелось ее целовать и наслаждаться ее теплом в этот холодный вечер и ее удивлением одновременно. К тому же рядом с Чипом стало очень светло, как будто бы она действительно на время умела становиться этой своей Клубничной феей.

Из девчонки в его глазах она как-то слишком быстро превратилась самую настоящую деву, правда, строптивую, но очень привлекательную, так и норовящую самым наглым образом очутиться в его фантазиях. Черт, а она бы точно назвала его фантазии больными, как уже однажды это сделала! Ее напористость и уверенность его чертовски заводила.

Улыбнувшись ярким воспоминаниям, парень еще раз позвонил Марии.

Ее телефон почти беззвучно завибрировал рядом с головой, но девушка не расслышала вибрации мобильного, только лишь перевернувшись на другой бок, обняла подушку. В это время ей как раз начали сниться те самые «романтичные и очень личные, чувственные» сны, которые она никак не могла вспомнить на следующее утро. Если бы Дэн знал, что ей снилось, то наверняка, он тут же предложил бы ей сделать сновидение реальностью, мало того, ему бы самому очень захотелось сделать это. Но он ничего не знал, уперто продолжая считать, что Машка не берет трубку, потому что просто не знает, как ей себя теперь вести с ним: как с партнером или как с парнем?

Смерч еще несколько раз проверял, есть ли ответ от затаившегося Чипа. Последний – когда только что вышел из душа, в котором долго стоял под струями горячей воды. Но и тогда, почти через полтора часа, он не увидел от нее ответа. Дэн тряхнул головой, чтобы влажные, кажущиеся сейчас иссиня-черными волосы полукольцами не падали на лоб и не закрывали глаза, потер еще мокрое лицо ладонями, которыми совсем недавно держал лицо объекта своих фантазий – той самой девушки, которая стала ему невероятно нравиться, посмотрел в окно, на темное небо, где мутным желтым пятном выделялась луна, выглянувшая из-за туч. И за пару минут как-то внезапно решил, и что делать с Ником, и как вести себя с Бурундуком – решения всегда приходили к Смерчу быстро и довольно неожиданно, например, в том же душе или когда он брился. А потом, с размаху упав на большую низкую кровать, обзвонил Черри и еще нескольких друзей, которые были способны в это время суток отправиться куда-нибудь, где можно было повеселиться.

Парни, естественно, тут же согласились. Денис вызвал такси и переоделся. Натянув

джинсы и застегнув ремень, стоя с футболкой в руке, он вдруг заметил на столе томик лучших произведений эпохи Возрождения и вспомнил вдруг, что мать, когда ей что-то хочется узнать, в шутку гадает по книге – задает вопрос и открывает книгу на любой странице.

– Ну, Мари, почему ты мне не отвечаешь? Я ведь тебе нравлюсь, правда? – чтобы отвлечься от мыслей, он взял в руки книгу и открыл ее где-то посередине. На тонкие, с теснением страницы падал свет фонаря, смешавшись с тусклыми лунными лучами. Попал Дэн не куда-нибудь, а на сонет Петрарки, посвященный возлюбленной Лауре.

Я вижу лук Любви, что вновь натянут.
Но вряд ли беды новые нагрянут —
Страшнее, чем привычная беда:
Царапины не причинят вреда,
А сердце больше стрелы не достанут.

– Good. Я скоро начну, как и Клара, верить в судьбу. – Стихи явно не могли быть отражением объективной реальности.

Ответ Дэна вновь не впечатлил, он поморщился, досадуя на себя, что поддался женской забаве. Отбросив книгу на кровать, он облачился в футболку и стремительно вышел из комнаты. Книга, словно бы желая доказать теорию существования судьбы, злорадно открылась на еще одном сонете Петрарки.

Влюбленные похожи друг на друга,
Когда в обоих жизненная сила
Обители свои переменила.

Заглянувшая утром в комнату сына мать подумала, что Денис вдруг увлекся великим поэтом эпохи Возрождения, как в средних классах, и тихо рассмеялась.

А Смерчинский уже через час находился в одном из лучших клубов города, который, кстати говоря, был главным конкурентом «Алигьери», ни в чем ему не уступая: ни в музыке, ни в блеске, ни в ценах. Он пожимал руки знакомым, пил безалкогольное пиво, смеялся, шутил, перекрикивал гремящий хаус.

Дэнву нужно было освободиться от напряжения – хотя бы с помощью драйва, живущего в ночных заведениях и исходящего от любителей клубной жизни. В потоке цветомузыки и шумных звуков образ Марии умудрялся расплыться, а потом и вовсе исчез.

Они веселись почти до самого утра, отрывались под громкую, бьющую по легким музыку, а потом, когда вся компания подошла к барменской стойке, ему все-таки удалось найти среди гостей девушку, которая внешне напоминала Марию: та же тонкая фигура, те же короткие прямые светлые волосы, те же порывистые движения. Только губы совсем другие,

не такие, как у Бурундучка, да и в платье Чипа он никогда не видел, но для чудесной ночи и эта миловидная девочка ему вполне подойдет. Ведь, кажется, он очень ей понравился.

Утром я встала на удивление легко, с ясной головой, хорошим настроением и привкусом клубники на губах. Странно, перед сном же молоко с медом пила. Распахнула я глаза почти в семь часов, даже чуть раньше. Встала, сладко потянулась, как кошка, подошла к окну и сразу заметила, что вокруг все стало немного другим: цвета ярче, вещи объемнее...

«Доброе утро, планета!» – оказалось, огромный яркий плакат, разноцветные буквы которого вобрали в себя всю палитру радуги, всю ночь бережно готовился заботливыми головастиками, ставшими от неясного, смутного пока восторга розово-золотистыми, как вон те рассветные облака на ясном светло-голубом небе, что виднеются мне из окна.

Вдохнув все еще пропитанный влагой воздух полной грудью, я вспомнила, что мне снилось что-то необыкновенное – по ощущениям еще более ласковое, чем... Чем...

Дыхание на секунду перехватило. И тут же вспомнился вчерашний вечер. То, что было во время ливня.

...чем поцелуи Смерча.

Мы не обращали внимания на Ольгу и Никиту, не обращали внимания на дождь, не обращали внимания на ветер и холод, мы вообще ни на что не обращали внимания, мы просто долго-долго и упоенно целовались... Как будто бы нам громовым голосом с неба сообщили, что если мы перестанем делать это, то в мире начнется апокалипсис, а если продолжим, вложив в это все свои тщательно скрываемые эмоции и желания, то всюду воцарится счастье. А так как мы все-таки были Чипом и Дэйлом – глупыми спасателями-бурундуками, то нам пришлось выбрать второе. Потому что они «всегда спешат туда, где ждет беда».

Лица, руки, шеи – все было мокрым от дождя, и мне казалось, что я в объятиях человека, сотворенного из воды, хотя, наверное, он думал точно также.

Прохладные капли падали на лоб, стекали из-под ресниц, попадали на щеки и губы, и даже во рту был привкус проливного дождя – такой же, как у родниковой ледяной воды, которую из ковша пьют усталые путники, проделавшие долгий путь в гору. Холодная одежда липла к телу, а мы этого не замечали, но когда мои ладони замерзли, и Дэн грел их, приложив к своей влажной шее – одна из них полностью закрыла блестящую татуировку.

Он запускал руки в мои мокрые волосы, чему-то едва заметно улыбаясь. И гладил по спине, вырисовывая замысловатые узоры. И позволял мне обнимать себя так сильно, как мне в тот миг хотелось, и я касалась его плеч, просовывая пальцы под ворот его футболки, цеплялась за них, поднималась на цыпочки, требуя нового поцелуя.

Я не знаю, сколько это продолжалось, может быть, десять минут, может быть, час. Но все происходило очень просто, само собой, как будто бы так и должно было быть. Ни тени сомнения, ни смущения, а только лишь упоительный восторг. Простой, безыскусный человеческий восторг в чистом, неразбавленном виде. Концентрированный восторг. Истинный.

Я вспоминала все это, и образы, звуки дождя и дыхания, прикосновения друг за другом просыпались в моей памяти. Мне все больше хотелось смеяться.

Если бы Маринка и Лида пристали ко мне с вопросом: «Расскажи, как это было?!», я бы ничего им не сказала. Лишь загадочно бы поухмылялась, как сова, и многозначительно посмотрела бы на подружек, поиграв бровями.

Я бы промолчала не потому, что стеснялась или потеряла дар речи, а просто потому, что думала – эти воспоминания могут принадлежать только двум людям: мне и ему. И делить их с кем-то еще совсем не хотелось. Мой Смерчинский, мой поцелуй и мои воспоминания. Мои и больше ничьи.

Наверное, я бы просто сказала девчонкам, что мы долго целовались, не вдаваясь в подробности и не описывая свои истинные ощущения, которые я, кажется, буду хранить долго – в специальном потаенном сундучке души. Я бы добавила, что это было круто, и похвасталась, что у Смерча широкие плечи, ловкие и ласковые пальцы и удивительно наглые губы, и добавила, что он в этом деле – целовательном – настоящий профи!

Наверное, куда бы подробнее я рассказала подругам о том, как мы бегали по дорожкам парка друг за другом по пузырящимся от дождя лужам, весело смеялись и хором ругали недоумевающего Черри, которого Анька отправила вон из парка, как только вернулась с «задания». Она написала сообщение Помойке, чтобы они резко делали ноги, и парни послушали ее! А еще мы фотографировались на цифровик Смерчинского, который оказался водонепроницаемым. Обнимались, строили уморительные рожицы, улыбались, и я все пыталась незаметно заснять Дэна с рожками, то и дело ставя за его головой, но он каждый раз замечал это и ловил меня за руки.

Чуть позднее Дэн догнал меня у детского розового паровозика, в котором обычно катались совсем уж малыши и который стоял сейчас неподвижно, обнял одной рукой и уставился на меня каким-то шальным взглядом. Он не спешил отпускать меня, смотрел прямо в глаза, а наши носы касались друг друга, как будто мы со Смерчинским оба были эскимосами, решившими попрактиковать свой необычный поцелуй.

– Что? – осторожно спросила я тогда, глядя то на мелькавшую в небе, справа, тонкую белую молнию, то на него. Губы у Смерча были полуоткрытыми, как у ребенка, увидевшего новую игрушку, которую злая мама долго не покупала ему, а потом раз – и подарила на Новый год.

– Ротик закрой, муха залетит, – не поленилась сказать я, не отпуская его плеч – о да, моя душа добралась до них и заставила пальцы крепко-крепко в них вцепиться.

– Просто смотрю, – отозвался он полупшепотом, который я с трудом расслышала из-за шума дождя, бьющего в асфальт тяжелыми струями с маниакальным упрямством. И почти тут же в который раз раздался гром – но не пугающий, а приглушенный, отдаляющийся.

– В глаза? – спросила я, разглядывая его мокрые слипшиеся ресницы.

– В глаза, – согласился Смерч.

– Зачем? – удивилась я, сильнее его обнимая. Дэн, не отрывая немигающего взгляда, откинул назад свои потемневшие и потяжелевшие от воды волосы.

– Хочу запомнить их выражение, – серьезно ответил он.

– Ты сможешь их сфотографировать, – важно разрешила я.

– Отличная идея!

Миг, и мое лицо осветилось вспышкой – Дэни достал фотоаппарат отработанным движением фокусника.

Не знаю уж, как это смотрелось со стороны, но мы, обескураженные друг другом, мокрые уже едва ли не насквозь, но одинаково довольные происходящим, фотографировались и дурачились, и нам казалось, что мы знаем друг друга тысячу лет.

Веселье закончилось в тот момент, когда я вдруг достала из кармана телефон, чтобы посмотреть время, и увидела с десятков пропущенных звонков от мамы. Пришлось ей

перезванивать, выслушивать ее гневные крики, объясняться, врать, говорить, что я бегу домой из библиотеки, косясь при этом на тихо смеющегося Смерча.

– Если я не приду домой в ближайшие полчаса, мама меня убьет, – загробным голосом сказала я ему, когда связь отключилась. Мама обещала меня собственноручно задушить, когда я приду домой. Она, оказывается, звонила мне уже несколько часов и совершенно безрезультатно – у меня был отключен звук.

– Я довезу тебя, Чип, – тут же сказал Дэн. По идее, это должно было звучать, как предложение, но мне показалось, будто бы он просто ставит меня в известность о принятом решении.

– На твоём «Выфере»? – обрадовалась я, тут же вспоминая красно-белого красавца. – А ты ведь обязан мне одну поездку!

– На нём. Раз обязан, то повезу, – согласился парень.

– Какой-то ты странный, – сказала я, решив попереживать из-за гнева мамы непосредственно дома.

– Я? Я обычный. А ты... тебе нравится...

– Мой букет! – перебила я его вдруг, сама не зная почему. – В кафе мы забыли мой букет! Его стопудово кто-нибудь да спёр!

– Я подарю тебе новый. – Денис протянул мне руку и сказал: – Побежали до байка, Чип? И мы действительно побежали.

Дождь неожиданно закончил своё сольное выступление, как только мы покинули опустевший парк под удивлённый взгляд контролёра на выходе. Он просто взял и перестал идти, как будто кто-то на небе вырубил его, нажав на панели «Погода» кнопочку «Остановка дождя». Странно, но как только гроза кончилась, на улице стало прохладно, и даже мне, которая умудрялась не мерзнуть в двадцатиградусный мороз зимой, захотелось оказаться около какого-нибудь костра или ещё лучше камина, закутанной в шерстяной плед, с бокалом согревающего красного вина в руке. Наверное, во всем была виновата мокрая одежда, которая противно липла к телу. А может быть, действие концентрированного восторга кончилось, и мы вернулись в своё нормальное состояние.

От ветра по рукам пробежали мурашки. Я зябко поежилась, уже жалея, что мы так беспечно гуляли во время грозы. И что на нас нашло? Это было наваждение майской грозы или порыв двух душ, которые устали от одиночества? А может, это всего лишь игра? И станет ли этот вечер точкой невозврата?

Сегодня Дэн оставил свой байк не на улице, а на платной стоянке, и до неё мы добрались за пять минут.

– А чего ты попросту его не бросил? Тебе же всегда везет, – несколько глумливо спросила я, когда мы подходили к стоянке, перепрыгивая через лужи. Честно сказать, Дэн через них перешагивал, а вот мне приходилось прыгать. Зато мы шли, держась за руки. Кроме нас, народа на обычно многолюдной, шумной улице не было. Только проезжали туда-сюда редкие автомобили со все ещё работающими дворниками.

– Тут нигде нельзя оставлять транспорт, вот и все. Черт, холодно, – произнес синеглазый, закусывая губу. Его пальцы в моей ладони действительно стали холодными. Я, чуть подумав, остановилась и с улыбкой запасливого человека, вещи которого, несмотря на всеобщие смешки, все-таки принесли пользу, вытащила из рюкзака на свет любимую оранжевую кофту с высоким горлом, длинными рукавами и широким металлическим замком. О ней я вспомнила только сейчас. Обычно у меня ещё и обувь запасная есть – сейчас

она пришлась бы крайне кстати, но именно сегодня я ее выложила, чтобы рюкзак не был тяжелым.

– Давай, я тебе на плечи накину? Теплее будет, Дэн, – искренне предложила я спутнику, так как знала, что ему действительно холодно. Пару раз Смерч говорил, что с трудом переносит холод и вообще часто мерзнет (тогда я обозвала его девчонкой, но он не обиделся и сказал, что все равно крут).

Синеглазый очень странно на меня посмотрел, чуть помешкав, взял из моих рук кофту, явно согревая в ней пальцы, и скомандовал:

– Я отвернусь, а ты переоденься.

– Чего-чего? – показалось мне, что я ослышалась, и я даже ладонь к уху приложила. С Ветерком явно что-то не то. Может, ему мозг продуло?

– Мы сейчас поедem на скорости, тебя может продуть, заболеешь, – отозвался парень, потирая ладони. – Переоденься. Все равно на улице никого нет.

– Так это тебе же жутко холодно!

– Я могу потерпеть, а вот ты точно простынешь. – Он одарил меня обаятельной улыбкой, огляделся, как воришка на вокзале, и поволок меня под узорчатую арку дома напротив.

– А сам? – сердито спросила я у него, оглядываясь по сторонам. С двух сторон меня закрывали стены, с третьей – Дейл. А четвертая все равно выходила в пустынный двор.

– У меня сильный иммунитет. – Он наклонился ко мне, погладил по щеке и в очередной раз напомнил о своей замечательной удачливости.

Я, почти растаяв от прикосновений, все же заставила его отвернуться и, зорко проследив за тем, чтобы он не подглядывал, переоделась в сухую теплую кофту.

Кажется, он и правда, не поворачивался в мою сторону, но улыбка у Дэна была шикарная, в смысле, веселая, как у пингвина-хохотуна.

– Почему ты на меня так подозрительно смотришь? – весело спросил меня он.

– Да так, – уклончиво произнесла я.

И мы поспешили к стоянке. Приехали домой быстро – почти все дороги были пусты. Зато дождь начался вновь, правда, уже не такой сильный. Дэн остановился около самого моего подъезда, продолжая глядеть на меня все также странно – и это заставляло меня нервничать. С ним что-то происходило, и я никак не могла понять, что именно. Из-за этого я даже в полной мере не могла наслаждаться нашей поездкой, да и в этот раз парень не спешил набирать скорость – ему явно не нравились скользкие дороги.

– Малыш мой, ты мне обещал кое-что рассказать! – вспомнилось мне в общем-то самое главное, когда я снимала шлем и отдавала его в руки Смерчу. А еще вспомнились слова Черри про сестру Ольги. – Что еще за тайны мадридского двора, поведаешь?

– Обещание есть обещание, Бурундук, – кивнул он совершенно серьезно, глядя не на меня, а на яркий фонарь.

– Жалеешь? – неожиданно спросила я самым добродушным тоном, но обожгла брyнета яростным взглядом сумасшедшей ревнивицы. Подумать только, и откуда что взялось? Наверное, мой взгляд говорил Дэну, что если его ответ будет положительным, то кое-кто – и это явно буду не я – вновь станет мерзнуть – только уже в ближайшей луже. Вон, неподалеку от нас целое море раскинулось.

– Нет, – совершенно спокойно и, как мне кажется, искренне ответил он. – А ты?

– О чем? – не сразу сообразила я, потому что в душе возликовала – совершенно неожиданно для самой себя.

– О Кларе, о ком еще?

Я посмотрела под ноги, наклонилась к земле, выдернула замызганный и грязный одуванчик, повертела его в руках и ответила наконец беспечным тоном:

– Не-а.

– Не-а? – Голос Смерча был недоверчивым.

– Не-а, – повторила я и на какое-то время замолчала, собираясь с мыслями, а потом продолжила чуть хрипловатым голосом: – Он, конечно, клевый, умный, стильный, красивый, обворожительный и обаятельный – короче, он намного лучше тебя, Смorchок, но сегодня я кое-что поняла.

– И что же? – вежливым тоном спросил мой собеседник и по совместительству личный водитель.

– Кажется, я сдалась, – ответила я и, глядя на несколько растерянное выражение лица Дэнва, пояснила как-то совершенно спокойно: – Ну, не сможем мы быть вместе, и все. Я это сегодня поняла окончательно и предельно ясно. Я жутко завидую Троллю, что у нее есть возможность быть с Ником. – Я вновь повертела цветок в руках – на подушечках пальцев осталась грязь. – Но сам посуди, я три года боялась подойти к нему, не предпринимала почти никаких попыток, чтобы быть вместе, лишь следила за Кларским издавeка и мечтала, – все же призналась я. – Я вела себя в его присутствии, как настоящая дурочка: цепенела, краснела, смущалась... Только сегодня я на удивление вела себя более или менее адекватно в его присутствии! И я говорила себе: «Ничего страшного, Маша, надо просто привыкнуть, и тогда в следующем семестре ты сможешь его завоевать». А через семестр бездействия твердила опять: «Ничего страшного, в следующем году вы точно будете вместе!» И вновь ничего не происходило, потому что Никита и не думал обо мне, а я сама ничего не делала. И все это опять повторялось. Круг за кругом. Наверное, за три года вошло в привычку. – Я усмехнулась. – В общем, я пораскинула остатками мозга, который ты мне еще не успел выесть, доставала со стажем, и поняла. Поняла, что между мною и Никитой не может быть никакого будущего, разве что кроме дружеского. Я бы хотела с ним дружить и знать, что у него все хорошо. Знаешь почему? – спросила я. – Наверное, даже не потому, что он влюблен в другую, а потому, что у меня любовь ненастоящая. В смысле, я, правда, его люблю, но, кажется, как идеал, а не как человека. Поэтому мне и страшно всегда было рядом с ним. Кому не страшно будет рядом с идеалом? Вдруг идеал подумает, что ты какая-то не такая – трагедия всей жизни.

Дождь вновь закончился – уже насовсем.

– Я долго думала, почему Ник? Почему именно он так запал в мое сердце? И однажды поняла, что он похож на одного человека, которого в детстве я считала героем.

После всей этой тирады на сердце стало легче.

– Вот как? – Смерч мягко взял у меня из рук одуванчик. Он ничего не говорил, просто слушал, но мне казалось, что Дэн полностью поддерживает меня. Я удивленно на него взглянула, покачала головой, а парень вдруг, как всегда, не говоря ни слова, пересек дорогу, отбежал на несколько метров в глубь детской площадки, и уже через полминуты вернулся с красивым здоровым одуванчиком яркого желтого цвета в руках.

– Возьми, мучай его, – радостно произнес он.

– Спасибо, господин Забота. Мне в общем-то было хорошо и с тем одуванчиком. Но все равно спасибо. Ты странный, – чуть помедлив, сказала я.

– Наверное. Бурундук, обещай, что не будешь ругаться? – спросил он.

– За что? – насторожилась я.

– Просто не будешь, и все. Что бы я тебе ни сказал сейчас. – Он близко-близко приблизился ко мне. А я, совсем забыв, что дома меня ждет собственный дракон – мама, подалась вперед. К нему, как будто бы Дэн мысленно приказал мне это сделать.

– Что, – подозрительно уставилась я на брюнета, – осуждаешь меня? Хочешь сказать, что ты от Князя никогда не отступишься, так? Хм, неужели решил наш разнесчастный договор разорвать? Ну, валяй. Не буду злиться, – сказала я сердито. И чего ему эта Ольга далась? Не видит, что она другого любит?

– М-м-м, – он очень наглым образом провел носом по моим волосам, – я хочу сказать немного не то. Бурундук, нет, Маша... Мари, Мария, Марья...

– Да говори уже!

– Это похоже на детский сад, и я даже не знаю, как правильно тебе объяснить, и чувствую себя глупо, но, ты знаешь... Ты знаешь, я не люблю Олю. Я немного пошутил. – Это было сказано таким милым тоном нашкодившего ребенка, что я сначала остолбенела, явив собой статую удивления, а потом ткнула одеревеневшим пальцем в его солнечное сплетение.

– Насчет чего ты пошутил, борода драная? – хрипло спросила я, скривив губы в подобии глупой ухмылки. Я ему душу свою наизнанку вывернула, а он издевается!

Улыбка сделалась еще краше, в синих глазах Дэнни, которые в темноте казались темно-серыми, засветились опасные манипуляторские огоньки, замаскированные под детский наивный взгляд. Он виновато взглянул на меня и сказал:

– Маш, я, правда, хотел, чтобы малышка Ольга рассталась с Кларой, но насчет того, что она – моя любовь, я слегка преувеличил. – И он беззащитно и вместе с тем горько рассмеялся. У моего орла глаза мигом запеленало тьмой, он со злорадным криком спикировал на Дановскую башку, выставив острые цепкие когти.

– М? Чего? Немного пошутил? Слегка преувеличил?! – отшатнулась я от парня, чувствуя, как от гневного дыхания, заполнившего легкие, грудная клетка просто-таки ходит ходуном! – Да ты меня за нос водил, лягушка безмозглая? Об этом ты хотел мне рассказать?!

И с размаху пнула его по колену, так, что, не ожидавший этого Смерч аж согнулся. И тут же замахнулась на него снова. Не зря, не зря меня брат мучил в детстве, когда приемы показывал! Вот козел! Обманывал меня! Использовал! Издевался!

Обида застелила глаза, и хотелось крушить все, до чего дотянусь. Как же так?

– Эй-эй! Прекрати! – крикнул Смерчинский, не ожидавший такой бурной реакции. – Маша, успокойся! Ты же девочка, а не боксер!

– Я кикбоксер, – попробовала я еще раз достать его ногой, но Смердяк ловко уклонился и одним махом оказался за забором, на территории цветника.

– Нет, ты девочка, милая и умненькая. Прекрати себя так вести!

– А ну, вернись, поганец, – прошипела я ему вслед, злясь и одновременно... и радуясь? Радуюсь?! Невероятно! – Вернись! Ты мне врал! Я тебя пришью, сукин ты сын!

Сукин сын возвращаться не захотел – мало того, он еще и засмеялся! Мне стало еще обиднее, хотя эта странная, едва различимая в гремучем вареве других эмоций радость не проходила.

– Чип, я обманывал, но ничего плохого тебе не сделал. Слово даю, от нашего сотрудничества ты только выиграла бы, – попытался он меня убедить.

– Ты, гном, я тебя поймаю и прикончу, – кровожадно пообещала я, надвигаясь на

Смерча, как зомби, только руки вперед не выставила. Забор я тоже преодолела.

– Не надо. Я пока еще хочу жить, – изрек Дэнв, прислонившись к дереву, верхушки которого как раз достигали окна нашей кухни, и добавил лукаво: – Желательно, с милой девушкой. Не с Ольгой, – поторопился добавить он.

– А твои желания не учитываются, Сморчок. Врать надо меньше. К тебе расплата пришла, – шла я на него. Парень бесстрашно следил за моими движениями. Ему до сих пор было весело. А я, как всегда, не вовремя запнувшись за какую-то корягу, остановилась.

И вдруг до меня в полной мере дошло. Вот это новости! Он не любит ее, зеленую нежить! Нет, лучше так: «Господи, спасибо, что он не любит ее!» Я вдруг так обрадовалась этой новости, что вся моя злость по поводу того, что Дэнни меня обманывал, испарилась вместе с туманом. Я, обозвав Смерча еще парой нецензурных выражений, вернулась назад и пнула пару раз колеса ни в чем не повинного «Выфера», но добилась только того, что на первом этаже с шумом распахнулось окно, из которого вылезла по пояс сонная и очень злая соседка – тетя Клава, заревевшая белугой:

– Наркоманы несчастные! Хватит свои разборки устраивать под моими окнами! Я сейчас полицию вызову, выродки эдакие! Все вокруг своими шприцами закидали! Вон из палисадника. Вон! Ворье, хулиганы, жулики! – обозвала она нас напоследок, явно с кем-то спутав.

– Мы не такие, что вы, – произнес Смерчинский очень спокойно, но из палисадника все же вылез. Я поспешила за ним.

– Такой красивый, статный, здоровый, – сильнее высунулась из окна тетя Клава, – а наркоман! Где совесть-то потерял, парень?

– Зачем вы так, я добропорядочный, – отозвался Дэнни.

Тетка, глядя на него, орать стала меньше. Видимо, таких интересных нариков давно не встречала.

– Да-а-а?

– Да. Знаете ли, я даже не пью, – серьезно сказал парень. – И не курю. А своей будущей жене верен уже сейчас.

– Ну-ну, неужели? А чего по полисаднику нашему прыгал и орал как резаный?

– Да кого вы слушаете? – не выдержала я, вспомнив, как меня оболгали в парке, выставив беременной. – Да он только что с зоны откинулся! Ограбить вас хочет. Медвежатник он.

– Медвежатник... Бурундукова? – пригляделась ко мне тетя Клава. – Матери завтра доложу, с кем ты тут шляешься! Совсем уже обнаглела – с преступниками связалась. Ох уж мне эта милицейская семейка!

И она захлопнула окно с шумом не меньшим, с которым его открывала.

– Это про тебя она сказала – выродки, – злорадно сообщила я Дэну, вернувшемуся ко мне все с тем же виноватым взглядом широко раскрытых глаз. Эмоции меня между тем почти отпустили. – Ну, ты и сволочь.

– Хорошо, хорошо, пусть про меня, – вновь поднял он руки вверх. – Маш, ты простишь меня, такую вот сволочь?

– Нет. Тебя, такую вот сволочь, я не буду прощать, – отказалась я и скрестила руки на груди.

– Я думаю, что простишь. Сволочь ведь честно раскаивается. Чип, а у тебя будут проблемы из-за этой женщины?

– Моя мама тетю Клаву не переваривает. Она вечно на Федьку жаловалась... – хмуро отозвалась я. – Эй, не переводи разговор! Вы что, с Ником сговорились надо мной поиздеваться?

– С ума сошла, партнер? Он вообще ничего не знает. – Смерчинский попытался меня коснуться, но я так грозно на него поглядела исподлобья, что Дэн убрал руку и просто встал рядом со мной.

Я, потерроризировав его еще немного и для порядка как следует обругав, только уже тише, потребовала объяснений насчет его наглого, беспринципного вранья.

– Моей целью было расставание Ольги и Клары, – вновь повторил Денис, став совершенно серьезным.

– Отлично! А я тебе зачем была нужна в таком случае? – взвилась я.

– Я рассудил, – хмуро сказал он, глядя не на меня, а в темное небо, – что в помощники мне нужна девушка, которая будет бороться. За Ника. Если борешься – есть надежда на успех, если действуешь просто из интереса – ее становится меньше. В бою лучше дерутся не наемные солдаты, атакующие чужие края, а патриоты, обороняющие родную землю. Поэтому мне показалось, что если работать вместе с тобой, то у нас все получится. И мы сделаем так, чтоб ты осталась с Кларским, а он оставил в покое Ольгу.

Он ловким движением убрал листик с моей головы.

– Бред какой. Может, ты действительно употребляешь? И я что в твоём понимании – патриот Кларского? А почему твердил, что влюблен в Князеву? – поинтересовалась я сердито. – Сказал бы, что просто хочешь их разлучить, и не строил бы из себя влюбленного.

– Для твоего психологического комфорта, – было мне ответом.

Я ушам своим не поверила.

– Да-да, именно так, Чип, – вздохнул парень и взъерошил подсыхающие темные волосы. – Нам надо было оказаться в одинаковых условиях, иначе ты бы не согласилась на всю эту... – Он замолчал, подбирая нужное слово.

– Аферу, – вставила я.

– Пусть так. Ты должна была думать, что тоже знаешь о моем секрете – о том, что мне тайно нравится девушка, которая общается с твоим Ником. Тогда бы мы, с твоей точки зрения, были в равных положениях. Психологически ты была бы защищена знанием моей тайны, – заковыристо выразился Смерчинский. – Я просто хотел, чтобы у нас получилось добиться нашей общей цели, Маша. И в уме не было тебя обидеть или навредить. Хотя я и не предполагал, что мы настолько сблизимся, что мне захочется самому рассказать тебе обо всем.

Я нервно подергала за металлический замок кофты. Может, он и прав, но это все равно не оправдывает его лжи! Или... оправдывает?

– Знаешь, Смерчинский, то, что ты говоришь – чистой воды идиотизм, – честно высказала я свою точку зрения, но почему-то веря в его слова. – А зачем тебе надо разлучить Тролля и Ника? Если тебе Олечка не нравится, может быть, к Нику интерес есть? – подозрительно поглядела я на Смерча. Тому мои слова не особенно понравились.

– Я расскажу тебе однажды, – пообещал он.

Я недовольно фыркнула.

– Она тебе реально не нравится? – вдруг вырвалось у меня.

– Ну, она скорее для меня как сестра, – задумчиво отвечал парень.

– Как сестра, вы только подумайте! Хорошо хоть, что не как брат. Но ведь ты на Князиху

иногда... так влюбленно смотрел! – вспомнилось мне.

– Да? – слабо улыбнулся парень. – Тебе показалось. Она, честно говоря, напоминает мне ту, которую я люблю, любил, вернее. Глагол в прошедшем времени – так будет правильное.

– А это не Лазурная ли... – озадаченно протянула я. И увидела, как тени на лице Дэна стали вдруг более острыми, резкими, а глаза стали похожи на моря, в которых тонут корабли. Нет, я это не видела, это было лишь игрой воображения, но все же я почувствовала необъяснимую тоску, которая исходила от Дэна. И затаенную глубокую боль. Мне стало не по себе.

– Маш, не спрашивай об этом. Сейчас не спрашивай.

– Но...

– Пожалуйста.

И я не стала задавать этих вопросов. Даже злиться перестала. Просит – помолчу. Вдруг буду я Сморчка расспрашивать, а он как заплачет у меня на руках, что я тогда делать буду?

– А зачем ты за все это взялся? Какая тебя нужда заставила «развести» Ольгу и Ника? – угрюмо спросила я после недолгого молчания.

– Об этом я расскажу тебе потом. Прости, я дал обещание тому, кто попросил меня это сделать, что я все оставлю втайне. – Опять не стал ничего прояснять этот обнаглевший тип, словно бы невзначай дотрагиваясь до моего локтя. Я и сама не замечала, как его нехитрые прикосновения успокаивают меня. И сколько бы я ни пыталась развести его на правду, он молчал и играл в партизана. Правда, пришел в себя, и я не чувствовала больше его этого душевного холода, случайно прорвавшегося наружу. Зато он так осмелел, что даже попытался меня поцеловать – конечно же в знак примирения, но я, правда, вовремя отстранилась и с удовольствием пронаблюдала, как на его лице с правильными приятными чертами появилось недовольное выражение. А после заявил, что мне надо быть сдержаннее и не давать своим эмоциям брать верх над разумом.

– Ты меня окончательно вывести решил? – сердито спросила я, зорко следя за его рукой. Ха! Ну, хоть теперь мне Князева не конкурент! Раз ее этот дебил не любит.

– Да, – отозвался Дэн, вновь наклонился ко мне и все же сделал, что хотел – поцеловал. Сначала в висок, потом в нос, затем в щеку, и только потом уже его губы коснулись моих вновь: очень мягко, медленно, неторопливо. Дэн умел делать так, чтобы девчонки рядом с ним таяли. Но я была бы не сама собой, если бы не проследила за тем, чтоб его глаза закрылись первыми!

А еще я жалела, что у меня нет длинных ногтей – чтобы до крови вцепиться в его мерзкие плечи.

– Мне пора, – сказала я через несколько минут, с явной неохотой отстраняясь. Еще бы каплю сумасбродства в наш коктейль чувств, и я бы сделала все, что он меня попросил. Наверное, если бы Дэн не сказал мне правду об Ольге и не утаивал бы от меня свое прошлое, сумасбродства с моей стороны было бы куда больше, чем одна капля. – Мне пора, меня мама ждет.

Он сглотнул, подняв голову вверх (я не сдержалась, пощекотала его под подбородком, как свое котэ), и только кивнул растерянno, на прощание осторожно поцеловав в скулу.

– Что, Смерчинский, я тебе так понравилась? – лукаво глядя на парня, спросила я напоследок, чувствуя, что взяла маленький реванш за ложь.

– Конечно. Но, по-моему, это ты не могла от меня оторваться, – весело отвечал он мне, глядя по волосам – не себя, меня, естественно. Понятно теперь, почему мое котэ любит,

когда его по башке гладят...

– Н-да?

– Ага, точно. Я классно целуюсь. Правда? – самоуверенности ему было не занимать. Вот на кого мне надо равняться!

– Неправда. И сегодня я ненавижу тебя куда больше, чем всегда, парень, – сказала я злорадно, взяла его руку и без стеснения положила прохладную ладонь Дэна чуть выше уровня собственного сердца, припечатав ее сверху своей ладонью. – Чувствуешь, мерзавец, как мое сердце бьется от ненависти?

«Почу-у-увствуй это!» – набросали тут же игривые головастики на большой стене, а орел в подтверждение пару раз покачал головой.

– Чип, а потом ты скажешь, что я тебя лапал, – деланно укоряющее произнес Денис.

И он поспешно вырвал руку, а я захохотала, увидев его большие глаза и тупую улыбку, и смылась в подъезд, на ходу обзывая себя озабоченной особой и думая, что со мной не так. Перед тем как захлопнуть дверь, я все же крикнула парню пару добрых слов о том, что он все-таки редиска и слизняк.

– А ты очень миленькая, – отозвался он, надевая шлем, и помахал мне.

Я слышала, как быстро он уезжает, словно бы испугавшись чего-то. Не надо было его руку к себе едва ли не на грудь класть. Не думала, что наш Дон Жуан от этого так смутится. А это оказывается чертовски приятно – смущать людей!

Вот так вот и прошел тот вечер, насыщенный событиями настолько, что дух захватывало. Столько эмоций за столь короткое время я давно не получала. А все он виноват, кто же еще.

Я осторожно подошла к зеркалу, висящему напротив кровати, и вгляделась в свое отражение: сонная, со взлохмаченными волосами и стоящей дыбом челкой, почему-то бледная, зато с довольной улыбкой на устах, взявшейся непонятно откуда.

Интересно, я нравлюсь Дэну?

Вспомнив о нем, я машинально провела пальцем по губам и сама перед собой засмушалась, как девочка-ромашка. Нет, точно, нравлюсь, чего бы он меня, такую милашку, стал просто так целовать – и не один раз?

«Жизнь прекрасна», – гирляндами загорелись огромные фиолетовые буквы где-то на подкорках сознания. Даже несмотря на то, что он мне солгал, я была в хорошем настроении. Я расчесала волосы, протерла лицо освежающим тоником и даже намазалась кремом, недавно подаренным мне Настей. Все это время думала о Дэнве, не уставая улыбаться – дремлющее на стуле котэ явно удивилось моему поведению: с утра я обычно бываю злая, как не кормленный трое суток дикий кабан.

Потом я вспомнила о нашей переписке и схватила с подушки телефон, попутно заграбастав подаренного мне Денисом музыкального синего тигренка с зеленым сердцем. Ого, наш малыш мне пару раз звонил, да и что за дивное эсэмэс мне Смерчинский прислал! Я, пару раз прочитав текст сообщения, тут же набрала ему радостный ответ, но, к сожалению, не смогла отправить – оказалось, у меня закончились деньги на счету. От разочарования я даже застонала и пнула кровать.

Ну, как всегда! Я мобильный неудачник, девчонки правы! Ладно, положу деньги, тогда и отвечу ему. Но я хочу пообщаться со Смерчем прямо сейчас...

Может быть, мне удастся отловить парня в «аське»? Я тут же включила комп, однако онлайн Дэна не было, чему я искренне расстроилась. Зевая, я выползла из комнаты,

поплетясь на кухню, чтобы попить водички, столкнулась с мамой, которая уже с утра пораньше что-то готовила на плите и одновременно слушала радио. Виджей, излишне сильно радующийся раннему утру, призывал всех проснуться и «начать жить бодро!». Обычно такие лозунги ни свет ни заря меня раздражали, сегодня же я против них ничего не имела.

– Чего-то ты рано встала, – сказала я, с интересом суя нос в кастрюли.

– Мне сегодня нужно много успеть приготовить! – как-то нервно отозвалась мама, одной рукой листая книгу с рецептами, а другой доставая что-то из холодильника.

– Зачем? – С чашкой горячего чая в руке я уселась с ногами на табуретку около открытого окошка, за которым, прячась в зелени цветущих яблонь, чирикали воробышки.

– Как зачем? – оторвалась мама от чтения рецепта. – Сегодня же Настины родители придут.

– Да? – Я стащила со стола кусочек сыра, который мама хотела потереть в одно из блюд.

– Да, Маша, да. Я же говорила тебе недавно, что сегодня ее семья придет к нам в гости, – продолжая рыться в холодильнике, отозвалась родительница. – У меня столько сегодня дел!

– Ну, вы же уже знакомы. – Вспомнилось мне, что действительно родители как раз недавно говорили о том, что родственники Настасьи придут к нам в это воскресенье. Я тогда, помнится, тут же возжелала познакомиться с ее братом, которого она постоянно хвалила.

– Ну и что? – с жаром возразила мама, как стрекоза, летая по небольшому пространству кухни. – Маша, подай мне лук. Нет, этот слишком маленький, другой. А это слишком большой. Свадьба у детей через три недели, а мы все еще не слишком хорошо знакомы. Нужно лучше познакомиться, да и в деталях обговорить бракосочетание. Хорошо еще, что Лина взяла на себя все эти предсвадебные заботы.

Лина Антоновна – мама Насти, женщина невероятно энергичная. Она обещала устроить «грандиозную свадьбу» и очень активно к ней готовилась – куда активнее самой Насти, которая хотела скромное семейное торжество. Однако ее мама считала, что свадьба должна быть настоящей свадьбой, то есть справленной с размахом!

– Кстати, Мария, не забудь, что вечером ты обязана быть дома и присутствовать на вечере, – строго сказала мама.

– Я? Ма-а-а-м, но я же к зачету готовлюсь, – вспомнила я, что вообще-то вечером должна встретиться с Димкой.

– Ничего страшного.

– Мне в библиотеку надо.

Мама критично оглядела меня, поедающую теперь уже нарезанную для салата колбасу, и заявила:

– В библиотеку? Что же. Тогда и иди с утра. А чтобы вечером как штык была дома. Гости в шесть часов придут. И перед походом в библиотеку, – мама как-то коварно выделила эти слова особенной интонацией, – дорогая моя, уберись.

– Куда?

– Не куда, а где.

– Где? – трагически прошептала я.

– Везде. Все должно блестеть и сиять. В гости не только родители Насти придут, но и еще несколько их родственников, да и наших тоже.

– Но моя подготовка к зачету... – опять начала я, потому что больше всего ненавидела убираться.

– Думаю, ты вчера уже очень хорошо подготовилась – столько времени в библиотеке проторчать, это же с ума сойти можно! Если что – сегодня ночью подготовишься еще, в том же вечернем отделе, – Мама оторвалась от нарезки морковки и посмотрела на меня очень подозрительно. Нет, вы только поглядите на нее! Ей нравится меня мучить!

– Я уберусь, мама... – Я скисла. С одной стороны, интересно поглядеть на Настиних родителей и вкусненького откусать за праздничным столом, а с другой, я же не могу свое слово не сдержать? Как я с Димкой встречу тогда?

Я постучала пальцами по столу и залпом допила чай.

– Я возьму твой мобильник, ладно? Мне позвонить надо старосте, чтобы кое-какие изменения в расписании узнать, – сказала я маме, выскальзывая из кухни и натываясь на брата, щеголяющего в одних домашних шортах, и растрепанную Настю. Они целовались, однако, увидев меня, отпрянули друг от друга и стали старательно смотреть в разные стороны. Пуритане!

Я громогласно поздоровалась.

– Доброе утро, малявка, – небрежно сказал Федор.

– И тебе привет, обезьяна.

– Молчи уж.

– Все ссоритесь? – миролюбиво спросила Настя и поспешила на кухню к маме – помогать. Я тоже честно предложила свою помощь, но поскольку кухня у нас была не слишком большая, а заниматься уборкой тоже кому-то надо было, то мама выгнала меня.

– Пока тебя куда-нибудь не унесло, – сказала она и добавила загадочную фразу: – В объятия к библиотекаря.

– К кому-кому?

– Иди уже, – подтолкнула меня к выходу родительница. – Ой, Настенька, а что твой папа предпочитает из мясных блюд?..

Что ответила ей Настя, я не слышала. Крикнув, что начну уборку, как только позвоню, я поспешила в родительскую комнату, нашла там ее телефон и набрала номер Димки.

– Да? – Он взял трубку почти сразу, и голос у него был хриплым, чужим.

– Рота, подъем! – рывкнула я басом. Так меня, вернувшись из армии, брат любил будить. – Боевая тревога!!

– Что, Бурундукова, с ума сошла, а сказать некому об этом? – осведомился Димка.

– Ну ты и... А как ты узнал, что это я? – искренне восхитилась я.

– Поверь, я тебя всегда узнаю, – отозвался одноклассник. – Чего тебе не спится, ты же сова?

– Ах, меня разбудили крылья любви. Они у меня на спинке прорезаются, – отвечала я. – Щекотно.

– Это ты от Смерчинского, что ли, звонишь? – поинтересовался Димка все тем же хриплым голосом и прокашлялся. Дыхание у него было тяжелым.

– От Хренчинского, – не стала я вдаваться в подробности. – А чего это ты так дышишь часто, друг мой? Занимаешься непристойностями?

– У кого что болит, воистину... Пока ты там сидишь со своим любимым, я, между прочим, на пробежке, – обиженно отозвался парень.

– Ты бегом занимаешься? – искренне удивилась я.

Димка, конечно, не то чтобы накаченный малый с огромными трицепсами и совершенными бицепсами, но вид у него вполне спортивный, и, честно сказать, он на физре

из парней самый лучший на всем потоке. Кстати, пару раз он даже за честь университета вступался на спортивных олимпиадах, спартакиадах и на межуниверситетских соревнованиях. В этом они были похожи со Смерчем: оба любили мячики, только если Дэнни, насколько я помнила, увлекался баскетболом и волейболом, то Дмитрий занимался футболом. Еще на первом курсе мы всей группой пару раз ходили поддержать его в составе команды сначала факультета, а потом и университета.

– Занимаюсь и тебе советую, – отозвался Димка тем временем, и я, кажется, услышала, как мимо него проехала машина.

– Ладно, занимайся дальше. Слушай, Дим, у меня форс-мажор, – призналась я. – Ну, из-за нашей встречи.

– Что, парень не отпускает? – прямо спросил Чащин.

– Какой парень? – сначала не поняла я.

– Денис который. Он же Дэнни, он же Дэн, он же Смерчинский, он же...

– Он же Смердяк, я поняла, кого ты имеешь в виду, – перебила я друга. – Дурак ты, Чащин. Буду я еще о таком своего... парня спрашивать. Дело в другом. У меня сегодня предки встречаются с предками невесты брата, вечером как раз. И я должна присутствовать на этом торжестве. У Федьки свадьба скоро, – пояснила я. – Вот старшие хотят поближе познакомиться. Поэтому давай встретимся пораньше, часа в два, скажем, идет? У меня дел сегодня много, ужас просто. Я тут за Золушку.

– Идет, – повеселел голос Чащина. – А я-то подумал, ты пожадничала меня угощать, Бурундукова.

– Я щедра, как никогда, – хмыкнула я, рассчитав, что как раз к половине второго убраться я точно успею, съезжу на встречу с Чащиным и вернусь часам к пяти. А в шесть как раз ужин начнется. – А еще я, кажется, знаю, что делать с англичанкой... – И я пересказала ему о нашем со Смерчем разговоре относительно сдачи экзамена по иностранному языку. Дмитрий стал еще веселее, и распрощались мы на прекрасной ноте, даже никак не обозвав друг друга.

– Эй, – напоследок сказала я ему, – раз уж я переносу нашу встречу, коллега, давай встретимся где-нибудь в хорошем месте в центре. Лида ходила со своим парнем в кафе «Сырное и ледяное чудо», сказала, что там жесьть как круто. Пойдем туда?

– Окей, коллега, – тут же согласился Чащин. – Если там так круто, как ты говоришь, Бурундук, то пойдем туда. Но название меня пугает.

– Если бы ты стоял рядом, я бы тебе вмазала – за Бурундука, – огрызнулась я.

– Смерчинский тебя так называет – ему что, можно, а мне нет? – возмутился парень на том конце провода.

– Ага, но ты же не Смерчинский. У тебя, надеюсь, таких проблем с левой височной долей нет, как у него, – тут же согласилась я с легкостью.

– Почему с левой? – слегка растерялся Дима.

– Потому что она за память отвечает. Кажется. А Смерчинский постоянно забывает, что меня нужно называть Машей.

После разговора с одноклассником я, подумав кое о чем и зачем-то опять похихикав (мама, зачем-то зашедшая в комнату, удивленно на меня посмотрела, но ничего не сказала), набрала и номер Смерчинского. Нечего ему спать в такое прекрасное утро! Особенно после таких сообщений!

В отличие от Чащина, Дэн трубку не брал долго – прошла почти целая минута, пока он

соизволил ее поднять.

– Да? – дыша куда чаще, чем Димка, сказал негромко Дэн. Я от неожиданности едва не закашлялась.

– Что? – спросила я. – Ты тоже пробежками занимаешься?

– А? – выдохнул он с недоумением. – Какими пробежками?

– Уличными, Смерчинский. Хотя кто тебя знает, у тебя, может, и спортивный зал дома есть, – отвечала я. – Там и занимаешься.

– Нет, я не на пробежке, – произнес Смерч, пытаюсь выровнять дыхание. – С чего ты взяла?

– Ты так пыhtiшь мне в трубку, что еще мне остается думать? – резонно спросила я. – Хм, а ты там, может, кого-то насилуешь или еще что-то в этом шаловливом духе, а я тебя отвлекаю?

– Чи-и-и-п... – досадливо протянул он. В отличие от Дмитрия, который вроде бы находился на шумной улице, фоном для Смерча была тишина.

– Ладно, ладно. Может, на тренажерах занимаешься? – еще раз с легкой душой предположила я.

– Ага, – хмыкнул вдруг Дэн. – На тренажере. На выносливость. Подожди, я сейчас, – велел он вдруг совершенно другим голосом: более взрослым, без вечных смешинок.

– Чего подождать? – тут же любопытствовала я, развалившись на мягкой маминой кровати. На лицо мне падали солнечные лучи, и в душе было щекотно-щекотно, как будто бы все мои мысли-головастики разом решили меня пощекотать своими перепончатыми лапками.

Орел сидел на подоконнике, подставив перышки под прозрачные игривые лучи, и наслаждался теплом, а мой ветрило занимался непонятно чем.

– Это я не тебе, – бросил Смерч в это время.

– А кому? – тут же заинтересовалась я.

– Да так... Не важно. Чип, что-то случилось? Ты от кого звонишь? – Он все еще не мог отдышаться, да и стал каким-то нервным, что ли.

– От мамы, – сообщила я ему и проявила неслыханную для себя заботу. – Ты не заболел? У тебя голос хриплый.

– Я? Нет. Ты в порядке? – почему-то спросил парень.

– Я в полном порядке. И я вообще в отличном настроении. Только что прочла твое сообщение. Извини, я вчера просто уснула, не успела ответить. Только сейчас увидела, что ты прислал, но со своего мобильного не ответила, потому что на нем в придачу еще и деньги кончились. А твоя эсэмэска повысила мне настроение, Дэн. Странно, никогда не думала, что сообщение от тебя улучшит мне настроение, – болтала я, лежа на спине и закидывая ноги на стену. – Ты сейчас дома?

– Да, только не у себя, – осторожно отвечал парень.

– А у кого? – хотела все знать я.

– У Черри, – негромко отозвался Сморчок.

Мне нестерпимо захотелось его увидеть. Ах и ох, ну у него действительно классные губы... Мысли тут же подобрались и поспешно нарисовали на своих вечных плакатах огромные светло-розовые губы, больше напоминающие мультяшные женские, а не Дэновские мужские.

– Привет этому обалдую, – почему-то мне было радостно слышать о Черри, этом дураке,

который вчера помог провалить нашу «операцию».

– Он сейчас немного занят, – задумчиво сказал Дэн, – и отвлечь его я совершенно не в силах, Бурундучок.

– Ну и плевать. Я же тебе звоню, а не ему, – сказала я, совершенно не расстроившись. – Дэнчик, так что ты имел в виду, когда писал мне это свое сообщение, а?

Он замолчал – теперь я не слышала ничего, даже его дыхания.

– Ну-у-у? – протянула я с досадой. – Дэнчик-хренчик?

В клубе они были до самого раннего утра: четверо парней и пять девушек, с которыми ребята познакомились этой ночью. Черри, хотя и угостившийся некоторым количеством алкоголя, оставался почти трезвым и поглядывал на сегодняшний выбор Дэна удивленно: девочка была обычной, хотя, конечно, миленькой, веселой и очень заводной – от нее прямо-таки исходила энергия, но как-то сильно она напоминала зеленоволосому некую Марию Бурундукову, известную ему и его друзьям больше как Чип. Тонкая и подвижная девушка со светленьким каре, блестящей улыбкой и громким смехом, наряженная в легкое, изумрудного цвета платье, буквально прилипла к Дэну. Тот же сегодня вел себя на удивление странно: то долго, почти без остановки, танцевал-прыгал на танцполе под пьянящую транс-музыку, то почти неподвижно сидел на мягком диване, заказанном для их компании на балкончике в зоне ВИП, закрыв лицо ладонями, то сосредоточенно выискивал кого-то глазами, хватаясь за сотовый телефон. И только заприметив девочку Нику около девятиметрового бара внизу, познакомившись и очаровав ее за пару минут, успокоился, став прежним Смерчем.

После бешеного отрыва на протяжении шести часов вся компания загрузилась в огромный восьмиместный джип, принадлежавший одному из друзей Дэна. За руль сел единственный трезвый – то есть сам Смерчинский, которому, кстати, владелец авто доверял так, что даже дал ему недавно запасные ключи. После недолгих раздумий ребята поехали домой к Черри, объявившему, что в его квартире никого нет. Однако он немного приврал. Дверь веселым и не совсем трезвым, вернее, совсем не трезвым парням и девушкам открыл сонный Ланде в одних длинных, похожих на пляжные шорты, трусах цвета морской волны, на которых были изображены розовые раковины, фиолетовые дельфинчики и зелененькие пальмочки. Волосы парня были собраны в высокий хвост, достающий до шеи кончиками светлых волос, а на лице застыла гримаса королевского презрения.

– Явился, – с неудовольствием покосился полунорвежец на Черри, который умудрился приехать не с одной, а сразу с двумя девушками – они говорили, что являются лучшими подружками, и теперь в шутку сражались за внимание зеленоволосого парня, целуя и щекоча его с двух сторон.

– А ты же сказал, тигренок, что у тебя дома никого нет, – захихикала одна из них, поглаживая пальцами его яркую татуировку в виде гротескного чудовища на плече.

– А это и есть никто, – захохотал Черри. – Кристина, Аля, Никто. Знакомьтесь!

– Ну, знаешь ли! – топнув ногой, обутой в объемный красно-белый тапок в виде мутировавшего гриба-мухомора, воскликнул беловолосый. Он явно был не рад гостям в количестве девяти штук. – Вообще рехнулся! Алкоголик!

– Он все больше и больше похож на твою женушку, которая ждет тебя дома после вечеринок, – расхохотался один из молодых людей, держась за косяк – мир вокруг резво шатался. – Только скалки в руках нет!

– А ты заткнись, – с обидой отозвался Ланде. Все парни ему были хорошо знакомы. – Вы

скоро все сопьетесь, идиоты. Денис, ну ты хоть что-то сделай! Чего они сюда все приперлись?

Смерч, оторвавшись от страстного поцелуя с миленькой девушкой Никой, удивленно взглянул на старого друга и ответил:

– А, Ланде, успокойся, все в порядке...

– Он сейчас это сделает, прямо здесь, в прихожей, – оценил степень увлеченности Смерчинским светловолосой леди тот же самый друг. – Эй, вы бы в комнате, что ли, уединились, а, Дэнни?

– Можно в его комнате, – тут же ткнул пальцем в тонкокостного Ланде зеленоволосый. – Там кровать удо-о-обная! Он ее из самой Германии выписывал. До границы с нами ее доставили за пару дней, а по России перли почти три недели. Ну и бушевала же наша промокашка! А теперь она никому не позволяет на нее ложиться. Оберегает.

– Моя кровать специальная, ортопедическая, с определенным дизайном, идиот! – побледнел от гнева Ланде. – И никого я туда не пущу. Боже... Нет, мать вашу, что за рассадник порока в этом доме? И почему я должен это терпеть?

– Потому что ты осел, – беззлобно сказал Черри. – Поехал бы с нами, познакомился бы с герлами...

И парень, пошатываясь, скорее от тяжести двух представительниц прекрасного пола, повисших на его руках, чем от алкоголя, зашел в огромный округлый холл со множеством высоких окон, в который без каких-либо переходов перерастала прихожая. Двухуровневая квартира с балкончиками, колоннами и просторной лоджией, заставленной изящными вазами и небольшими скульптурами, произвела впечатление на всех девушек, за исключением Дэновской – ее, видимо, интересовал лишь красивый брюнет, и они тут же, бесцеремонно оттолкнув опешившего от такого нахальства Ланде, бросились изучать первый этаж.

А тот, вдруг приложив одну руку к самому сердцу, совершенно не своим голосом, а твердым резковатым баритоном процитировал Лермонтова:

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока^[2].

– Мне стыдно, что я тебя знаю, чувак! – заржал один из парней, лениво прохаживаясь от одной стены, занавешенной всякими яркими театральными афишами, к другой, на которой мрачно сияла маска африканского божка.

– Какой забавный, – хихикнула одна из девушек Черри, Кристина, разглядывая вазы. – Можно, я с ним немного побуду?

– Можно, – ухмыльнулся панк. – Если догонишь.

Ланде и впрямь поспешно отступал к витой лестнице с резными золотистыми перилами, ведущей на второй этаж. Смерч, вдруг вновь оторвавшись от новоявленной подруги, вдруг тоже произнес задумчиво:

Спроси, зачем в пороках он живет.
Чтобы служить бесчестью оправданьем?
Чтобы грехам приобрести почет
И ложь прикрыть своим очарованьем?^[3]

И рассмеялся – только совсем не весело. Сонеты Шекспира он, сам того не желая, запоминал наизусть сразу же, как только прочитывал. Другим тоже стало смешно – показалось, что Дэн мастерски передразнивает Ланде.

– Еще один! А вроде бы только вы тут трезвые, – еще громче заржал парень. – Черри, брат, выпивка есть?

– Бухла навалом, – ухмыльнулся тот и жестом гостеприимного хозяина указал на барную стойку. Ланде только рукой лицо прикрыл трагичным жестом, стоя на лестнице.

– Пошли, – сказал в это время Дэнни Нике, проводя тыльной стороной ладони по лицу, – пошли наверх, детка?

– Как скажешь, – завороченно прошептала она и обняла его за пояс.

– Влюбилась, что ли, за пару часов? – проводила ее взглядом одна из девушек. – Вот дурочка...

– Что стоим, френды? – весело спросил Черри. – Проходим тоже! Тут есть неплохое мартини – для девочек. Ну и для нас, – он заговорщицки посмотрел на друзей, – здесь что-нибудь найдется. А потом дружно последуем примеру Дэна, комнат много, есть где активно провести время.

Ответом ему был дружный гогот парней.

В чью комнату его занесло, Смерч так и не понял – просто осознал, что через пару минут после того, как попал в квартиру, оказался на просторной кровати, застеленной фиолетовым одеялом, а рядом с ним теплая, живая девушка с очаровательной улыбкой, пирсингом в пупке, горячим дыханием, и к тому же очень похожая на Марию.

– Ты такой... такой... – прошептала она, стягивая с парня футболку.

– Какой? – прижимая ее к себе, спросил Денис между поцелуями.

– Идеальный. Ты такой идеальный... Я боюсь, что ты растаешь и окажешься только моей иллюзией. – Светлые глаза Ники, которая так же, как и Чип, не любила тени и подводки, притворно округлились, и девушка звонко рассмеялась, усаживаясь на Дэна сверху и грациозно наклоняясь к нему.

– Не исчезну, – отозвался он хрипло. – Не бойся, малышка. Иди ко мне.

Их поцелуй настойчиво прервал зазвонивший мобильник парня. Кто-то долго, настойчиво и нудно названивал ему и явно не собирался отступать.

– Кто это? – даже слегка рассердилась девушка. Как и Маша, она была очень эмоциональна. Подсознание – да и сознание – Смерча уже устало вести сравнительный анализ двух девушек. – Не бери трубку, Дэн, солнышко, давай дальше...

– Если я не возьму, они будут звонить еще долго, – разумно отвечал Дэнни, который сам был не рад тому, что их увлекательное занятие так беспардонно прерывают. Он убрал правую руку с оголенной спины Ники и достал из кармана джинсов тонкий ярко-желтый смартфон.

Номер был незнакомый. А с незнакомых номеров ему часто звонили девушки и девочки. Но обычно в семь утра они этого не делали, предпочитая вечер и ночь, а не ранние часы. В такое нестандартное время обычно Смерчинского тревожили многочисленные друзья, попавшие в неприятности. Людская глупость вообще не знала предела, но знала его телефонный номер.

– Да? – спросил он, часто дыша и закусывая губу, глядя на Нику, положившую голову ему на плечо и проводящую пальчиком по ящерке на шее.

– Что? Ты тоже пробежками занимаешься? – тут же, без приветствий, поинтересовался очень знакомый голос, хоть и искаженный связью.

– А? – выдохнул парень с недоумением. – Какими пробежками?

– Уличными, Смерчинский, – отозвались тут же и самым легкомысленным тоном добавили про какой-то спортзал и тренажеры. Все естественные желания, свойственные парням его возраста, мигом куда-то пропали, как только в трубке послышался этот хамоватый и уверенный голос, принадлежащий Чипу.

– Подожди, я сейчас, – велел парень недовольной Нике, вставая с постели. Та с обидой покосилась на него, но промолчала – и Дэн вдруг почувствовал облегчение от того, что Маша не слышала голоса его очередной милой подружки на пару дней.

– Чип, что-то случилось? Ты от кого звонишь? – Он все еще не мог отдышаться, да и нервничать начал. Он – обычно спокойный и уверенный в собственной удаче! С этой девчонкой что-то случилось? Зачем она звонит ему так рано, если любит поспать подольше? Что с ней?

– От мамы, – отвечала Машка и почти что заботливым тоном вдруг поинтересовалась: – Ты не заболел? У тебя голос хриплый.

Дэн был натурой впечатлительной, поэтому тут же умилился словам Чипа, которая, по всей видимости, беспокоилась о нем.

– Я? – Дэн кинул еще один взгляд на надувшуюся Нику и вышел из комнаты. – Нет. Ты в порядке?

Кажется, его тон был сух, но неожиданный звонок так изумил Смерча, что он до сих пор не мог прийти в себя.

Машка тут же сообщила ему, что она в отличном настроении и в полном порядке. Дэн сел на пол, откинувшись спиной к стене, и пока слушал своего Бурундучка, вдруг понял, что на плече у него уютно устроилось маленькое клыкастое чудовище по имени Вина. Оно осторожно почесывало задней когтистой лапой длинное острое ухо, касаясь перепончатым крылом волос и щеки мальчика-ветерка.

Чем больше Мария болтала, тем тревожнее становилось Дэну – он по неосознанной и неконтролируемой привычке так сильно прикусил кожу на запястье, что на ней остался белый след от зубов, моментально покрасневший. Так он познакомился еще и с Тревогой, продолжая почти механически отвечать на вопросы Чипа, он наблюдал как Тревога, в виде грозового сизого облака, бесцеремонно подплывает к его голове и злорадно ухмыляется, глядя сверху вниз и готовясь к дождевой атаке.

– Дэнчик, что ты имел в виду, когда писал мне это свое сообщение, а? – А вот этот вопрос, заданный девушкой как-то по особому мягко и по-кошачьему хитро, посвятил явно не плебейскую душу Смерчинского в орден Сомнения.

Он стоял на одном колене, приклонив голову перед Королевой, возглавляющей этот орден и касающейся его плеча острием меча, чтобы посвятить его в рыцари, когда его впервые в жизни называли Хренчиком.

Он не смог сдержать смеха, и тогда, словно веселая огромная собака с белой шерстью и умными синими глазами, заслышавшая зов любимого хозяина, к Денису прибежала Радость, чтобы усесться у его колен и облизать лицо.

– Маша, хорошо, что ты мне позвонила, – вдруг сказал он в телефон, почти касаясь его губами – так близко придвинул телефон в ярко-желтом пластиковом чехле к лицу. – Что имел в виду? Я просто хотел сказать тебе: совершенно не жалею, что мы познакомились. Серьезно, – на мгновение он замолчал, вслушиваясь в тишину, царившую теперь по ту сторону телефона. Дэну, который привык полагаться на интуицию, показалось, что девушка замерла в ожидании его слов.

– М-м-м, – промычала Бурундук что-то невнятное.

– Мы здорово провели вчера время, правда? Я хочу, – второй раз в жизни этому уверенному внешне молодому человеку было неловко говорить что-то девушке, – я хочу, чтобы у нас была еще одна такая встреча. Как ты на это смотришь, Чип? Мы все же пара в глазах общественности, Ника и Ольги, нам стоит поддерживать имидж.

Его голос становился все увереннее и увереннее. Только что поднявшийся по лестнице и направляющийся в свою комнату невероятно довольный жизнью Черри, на котором по прежнему висели подружки, услышав слова друга, мигом просек ситуацию и, мягко развернув девушек назад, вновь потащил их вниз, зажав им, на всякий случай, рты.

– Девочки, тихо, молчим и пьем. – Он вручил каждой озадаченной девушке по полному бокалу белого вина, разлитого кем-то заботливым. – Смерч решает жизненно важные проблемки.

– Личного плана? – спросила Кристина.

– Личного, ага.

– Вы чего вернулись? – поинтересовались двое других парней, которым вдруг вздумалось играть со своими спутницами в карты на раздевание. Карты, большие и красочные, они нашли на старинном столике и теперь всю их эксплуатировали.

– Смерч проблемы со своей Марьей-искусницей решает. Не стали мешать.

– О-о-о, неужели у Дэна с ней все серьезно? – протянул один из парней, глотая хорошее чешское пиво прямо из бутылки. В это время его хитрая подружка тут же принялась подсматривать карты.

– Еще бы, – хмыкнул Черри, открывая пиво и себе.

– А я думал, это все приколы... Дэну же не нужны постоянные девушки! Ему нравятся леди на пару дней. Э-э, ночей.

– А я тебе говорил, что не приколы! Им наши ребятки такое представление перед их универом закатили, – тут же заспорил третий парень. – Ты просто там не был, не знаешь.

– Я в другом городе был. А ты был?

– Был. И даже репетировал. Ну и повеселились же мы классно. Народ решил, раз Смерч после Инны наконец-то девочку себе нашел, это надо отпраздновать. Я был одним из сетевых организаторов, – похвастался парень.

– А что за Инна? – тут же влезла Кристина. – Вы же про какую-то Марию болтали?

– А это тебя не касается, моя лапочка, – щелкнул ее по носу Черри. – Тут на первом этаже есть очаровательная комната, может, мы пройдем туда?

...Я дождалась его ответа. Святые апостолы, я ждала его с волнением, как будто бы вернулась на пару лет назад, скажем, курсу к первому, и меня заставили разговаривать с Ником о французских поцелуях!

– Мы здорово провели вчера время, правда? Я хочу... – Да, мне стыдно, но я даже дыхание задержала, когда Смерч говорил мне это по телефону. – Я хочу, чтобы у нас была еще одна такая встреча. Как ты на это смотришь, Чип? Мы все же пара в глазах общественности, Ника и Ольги, нам стоит поддерживать имидж.

– Если только имидж, – сказала я, стуча себя по левой стороне грудной клетки – так я подавала сигналы сердцу, чтобы оно прекратило стучаться о ребра, как гротескный пленник о прутья решетки. – Ну, Смерчинский, ты загнул. Прямо вообще.

– Значит – отказ? – осведомился он.

– Не дожدهшься, – отвечала я. – Давай, валяй, пойдем на твою встречу.

– Я рад, Бурундучок, что ты быстро согласилась.

– Радуйся, что я вообще согласилась.

– Конечно. Но ты бы все равно согласилась, – услышала я в ответ довольный голос Смерча. – Я смог бы добиться твоего согласия. Кстати, я думал, что ты вчера меня испугалась.

– Люблю самокритику, – заржала я. – Но не переживай, не надо комплексов, ты не такой страшный, как тебе кажется.

Его смех заставил меня улыбнуться.

– Я о другом: я думал, что ты испугалась наших возможных отношений.

– Ты извращенец?

– Нет, вроде бы.

– Садист?

– И к этому не тянуло.

– Мазохист?

– Если только глубоко в душе.

– Фетишист? – продолжала я.

– Да нет же, – протянул он. – К чему милая девушка задает такие вопросы?

– Если ты не ненормальный, Смерчинский, то чего мне пугаться отношений с тобой? Тем более, как ты верно подметил, все и так думают, что мы пара. Это ты виноват, – не сдержавшись, добавила я.

Мысли-головастики тем временем затеяли новую игру: нарисовали ярко-алый термометр хорошего настроения, уровень которого все повышался и повышался. Орел одобрительно следил за этим действием и, кажется, что-то подсказывал головастикам. Наверняка ничего дельного.

– Чип, ты все-таки бываешь необыкновенно мила. Кстати, а мне все же нравится, как ты целуешься, – заговорщицки прошептал парень, выделив интонацией местоимение.

– Спасибо, – царственно отозвалась я. – Ты тоже неплох.

– Маша! Ты убираться думаешь или решила всех друзей обзвонить? – появилась на пороге мама. – Я же ясно сказала, что сегодня у нас важный день! Да что же ты за дочь такая?

– Да, мам, я сейчас, – отозвалась я поспешно. – Эй, короче, я согласна. Когда у нас randevu будет?

– Когда получишь все зачеты, – было мне хитрым ответом. – Не раньше. Видишь, как я за тебя переживаю?

– Ладно-ладно, – заторопилась я. Меня тут зовут... Но от тебя я еще жду исполнение желания и оргазма!

– Я все сделаю, Чип. Это же я.

– Вот поэтому я и сомневаюсь... Дианочка, – из-за мамы я переврала его имя.

– Кто? – поперхнулся он. – Как ты меня назвала?

– Диана. Хорошая ты подруга, настоящая.

Мама хмуро на меня покосилась, и мне пришлось, быстренько свернув разговор, выйти из комнаты и браться за дело. В гостиной, прихожей, комнатах родителей и брата я убиралась добросовестно: все привела едва ли не в идеальный порядок и даже не заметила, как время пролетело – все думала о Смерчинском, да и мама следила, чтобы я ничего не пропустила. Как она меня еще и окна мыть не заставила, ума не приложу, хотя протирать мне их стеклоочистителем все же пришлось. От усердия я даже чуть со стула не навернулась, хорошо, брат рядом был и успел поймать. Зато в своей комнате только сделала видимость того, что хорошо убралась, разбросанные вещи кое-как запихала в шкаф, подперев его сноубордом для надежности, да и пыль протерла только на видных местах...

После того как я не без помощи все той же Насти, которая взяла на себя кухню, закончила многострадальную уборку, время уже подходило к часу дня.

Мама, сжалившись над нами, решила устроить кратковременный обед. Они с Настей, бегавшей по всему дому, зарабатывая очки одобрения, решили сделать необыкновенный пирог по какому-то хитрому рецепту. Тренироваться решили на мне и Федьке и состряпали пробную, так сказать, версию, которой мы и отобедали. Впрочем, получилось у них совсем недурно. С легкой душой я принялась хвалить Настю и одновременно чуть-чуть дразнить брата, мол, как ему повезло с девушкой, а вот ей с ним...

– А вы знали, что Машка с двумя парнями одновременно встречается? – не забыл отомстить вреднючий брат. Я аж вздрогнула и едва не подавилась пирогом.

– Да-а-а? Ты мне хотя бы имя одного из них скажи! – едва ли не взмолилась мама, у которой после общения с Настасьей настроение очень улучшилось.

– Да врет он все, – медленно прожевывая кусочек пирога, сказала я. – Никого у меня вообще нет. Ни одного парня, ни другого. Я одинока и несчастна.

– Ну-ну, я сама слышала, как ты с утра с двумя мальчиками разговаривала с моего телефона. И одну называла Дианой.

– Это и была Диана, – рассердилась я, а они втроем стали улыбаться.

Выждав, пока родительница заговорится с Настей, брат наклонился ко мне и прошептал, сделав страшные глаза:

– Когда познакомишь-то меня со своим осликом?

Вместо ответа я сунула остатки пирога в рот и быстренько свалила в свою комнату – одеваться. Через сорок минут мне следовало быть уже в кафе, а я опять безбожно опаздывала! Чащин нетерпеливый, ждать не любит, и если сейчас приеду с опозданием, он будет издеваться надо мной, припомнив все случаи моих опозданий.

Эх, и откуда мне было знать, что они сегодня познакомятся, мой брат-обезьян и идиот Смерч? И не только с Федькой...

Я натянула удлиненную футболку из «Камелота» с изображением развеселого зверя неопределенной породы и к тому же в очках, хотела найти джинсы, но оказалось, что все джинсы и штаны в стирке. Естественно, постаралась мама, которая вчера решила устроить генеральную стирку всего, что можно, нужно и нельзя.

– Ма-а-а-м! – завопила я. – Мама!

– Что такое? – с недовольным видом человека, которого оторвали от жутко важных дел,

появилась она на пороге. – Чего кричишь, Мария?

– Где мои вещи, мам? – большими глазами посмотрела я на нее.

– Там, где ты их оставила, а остальные сушатся. К вечеру высохнут, – невозмутимо отозвалась она.

По-моему, в жизни каждой девушки бывает такой момент, когда она понимает: надеть нечего. Нечего, и все тут! Я тоже оказалась в этой ситуации. И даже растерялась. Как мне идти-то теперь? Шорты, что ли, летние искать или бриджи?

– Юбку надень, – предложила мама. – И блузочку.

– Но мама, какая юбка! Какая юбка? На фиг блузочки!

– Начинается. Ты что, пацанка законченная? Ты же девочка.

– А обувь к юбке? – волком посмотрела я на нее. – Я кеды с ней не надену.

– Так у тебя же босоножки есть. Которые я тебе покупала, Маша. Те, на высоком каблуке, которые ты отказалась носить, – было мне ответом. Кажется, мамочка моя обрадовалась возможности запихнуть меня в одежду, которая нравилась ей.

Минут пять она и Настя уговаривали меня надеть эту самую юбку, а я рьяно отказывалась. Потом мама вспомнила, что у меня есть «великолепное молодежное платье» – его мы покупали не так давно, специально к свадьбе Федьки. Причем родительница моя так воодушевилась, что потащила меня в модный магазин для всяких там гламурных девиц и заставила перемерить едва ли не целую тонну одежды. В результате мы приобрели целых два наряда: к маминой радости и к моему горю. Теперь оба платья весят в моем шкафу: одно нежно-голубое, короткое, коктейльное, второе длинное, темно-синее, элегантное. Сами по себе они симпатичные, но на себе я особо их не представляла.

– Платье я точно не напялю, – отрезала я, страдая душой и телом. На зловредную маму и Настасью мои уговоры не произвели никакого впечатления.

– Я сейчас его найду, то, голубое, оно как раз не такое торжественное, но очень и очень милое, – полезла было мама в шкаф, который и так едва не трещал от количества набитых в него вещей.

– Я сама! – Птицей взлетела я с подоконника к многострадальному шкафу. Она его сейчас откроет, и весь хлам на маму и вывалится, придется опять убираться – мне за такую уборку настучат по шее! Я тогда к Чашину точно не попаду.

– Выйдете, я его надену сама, – хмуро сказала я и, оставшись в одиночестве, не без труда извлекла на свет голубое, как весеннее небо, платье, едва не получив сноубордом в лоб. С недовольным видом примерила наряд и повертелась около зеркала. Трикотажное, свободного силуэта и с большим округлым вырезом, через который выглядывало одно плечо и предплечье, платье, казалось, неплохо смотрелось на мне. Низ был собран на широкую резинку. На спине красовался принт в виде абстрактных черно-синих нотных дорожек, между которыми оказались вышитые излишне пафосные (или просто ни к месту) слова: «Помнить дыхание музыки... помнить тебя».

Правда, мне не очень нравилась мини-длина, неплохо открывавшая ноги (как я их вовремя в порядок привела, как будто знала об этом ужасе!), но ничего поделать я уже не могла. Мои мучительницы впорхнули в комнату, оглядели меня и остались очень довольными.

– У тебя ножки красивые, а наряд прекрасно фигурку подчеркивает. Ну, ты гламурная бестия прямо, – сказала Настя, приближаясь ко мне со своей большущей косметичкой. – Присядь, я тебе ресницы подкрашу...

– Может, и так сойдет? – робко спросила я.

– Я быстренько, Маш, за пять минут управлюсь. Я как-то на курсы визажистов ходила, еще когда в универе училась... Так что знаю, что делать.

В результате будущая невестка подкрасила не только ресницы, но и поработала над глазами, губами, бровями, не оставила без внимания и кожу – кажется, кисточкой с пудрой даже по лбу помахала! Она мне вообще все лицо раскрасила!

Однако результат мне неожиданно понравился. Вопреки ожиданиям, макияж казался не ярким, а естественным. Настя немного подчеркнула глаза, брови, скулы, а кожу сделала матовой и на вид какой-то бархатистой. Я как-то незаметно преобразилась – и в лучшую сторону, а мама сказала, что я стала «мягче и женственней». Обрядила меня в платье, накрасила и уже рада! Странная она у меня, мама...

Пока, кстати, Настасья меня красила, едва ли не вытащив наружу кончик языка от усердия, мама притащила расчески, фен, новую плойку, лаки и пенки и попыталась сделать мне прическу.

– У тебя будут легкие волны. Волосы у тебя короткие, как раз нужный объем создадим, – пропела мама, забыв о готовке. – Эта плойка – чудо.

– Мама, не надо!!

– Сиди и не рыпайся, – строгим голосом велела мне она. – А то вообще никуда не отпущу.

– Но я всего лишь в библиотеку, мам!

– Да-да, и не забудь попрощаться с библиотекой до шести часов вечера, – пригрозила мама, орудуя на моей голове. – Хоть перед родственниками покажешься в нормальном виде, а не в вечных джинсах и вытянутых кофтах.

Задуманного в полной мере у мамы не получилось, но волнистыми волосы у меня стали, это да. А от количества лака, которым прическу фиксировали, я так расчихалась, что Настя едва не оставила тонкую линию черной подводки у меня на виске.

Они не слишком долго мучили меня, между делом ловко вдели мне в уши мамины серьги из серебра с белым жемчугом, а на шею нацепили почти невесомую цепочку с крохотной подвеской из этого же набора. Настя к тому же вытащила из сумочки духи и хорошо меня ими побрызгала.

– Это «Кензо», новая коллекция. Актуальный для юных девушек аромат. Ой, тебе бы еще сумочку какую-то подходящую, Маша...

– У Маши белый клатч есть, только она с ним никуда не ходила, – вспомнила тут же мама и торжественно вручила мне его в руки.

Я, обняв орла и собрав всех головастиков в ладони, чуть не заплакала. И с содроганием всунул ноги в белоснежные босоножки на высоких каблуках, украшенные синими и голубыми стразами. И тут же стала выше ростом. Боже мой, как же низко ты пала, дорогая Мария, поднявшись вверх всего на десять сантиметров. А Димке, однако, Кондратий обеспечен.

Я смотрела на себя в зеркало и не очень-то узнавала. Это я? Что со мной сделали? Зато мама едва не прослезилась, Настя похвалила меня и себя за только что созданный имидж, а котэ – я уверена! – хихикало, усевшись на пороге и задрав полосатый хвост.

Орел чувствовал себя несчастной птицей, на которую некто очень недобросердечный и жестокий напялил кружевной чепчик и розовые панталоны, головастики язвительно обзывали меня «гламурной», «стильной» и даже «модэ-э-эльной», надрывая животики, а

когда в переднюю вывалился Федька, то застыл, с интересом обвел меня с ног до головы изумленным взглядом и, присвистнув, сказал:

– Ого! Прямо принцесса. Что с тобой, Машка? Пошла третьего женишка ловить?

– Отстань от меня. Мог бы и чего-нибудь другое сказать, – рассердилась я, пробуя ходить туда-сюда на каблуках. Уж не знаю, почему твердят, что многие с непривычки на них ходят с трудом и абы как. Я лично ступала по линолеуму совершенно нормально, не спотыкаясь и не падая с воплями: «Держите меня все и сразу!» Хотя, конечно, босоножки не были таким же удобными, как привычные кеды или кроссы – здорово «держали» ногу, не давая ей расслабиться. Да еще это короткое платье, в котором страшно наклоняться. Но, честно признаться, эксперимент стал мне нравится.

– А ты что от меня хотела? Такой реакции? – Федька почесал репу и, воздев руки к потолку, прочувственно и с воющими нотками, возопил: – Боже мой, Боже мой, моя сестренка так повзрослела! Стала такой красавицей! Какая же она женственная и хорошенькая! Я не могу отпустить тебя на улицу одну! Вдруг мужчины начнут приставать к тебе? Я должен защитить свою маленькую сестричку.

– Мам, он меня оскорбляет.

– Федор, замолчи, – погрозила ему та.

Я, перекидывая из рюкзака вещи в маленькую прямоугольную сумочку, возрадовалась.

– Милый, ну что ты как маленький? Маша прекрасно выглядит, – улыбнулась мне Настя. Брателло фыркнул, но перед тем, как я вылетела за дверь, все же показал мне большой палец, поднятый вверх, молча выражая одобрение.

Я приободрилась, взглянула на модные и, кажется, дорогие наручные часы, которые перед выходом нацепила на руку щедрая Настя, сняв их с себя, и едва не сказала неприличное слово!

Пять минут, как за пять минут мне добраться до Димки?!

Дэнни, которого короткий разговор с Марией не только приободрил, но и как-то даже охладил, словно он побывал в ледяном душе, вернулся к ждущей его светловолосой девушке, капризно надувшей губы. Сел на кровать, вытянув длинные ноги, успокаивающим жестом погладил Нику по мягким волосам (ему тут же вспомнилось, что у Бурундучка они намного жестче).

– Кто это был, Денис? – осторожно спросила она, понимая, что не может давить на парня, с которым так мало знакома.

– Один важный человек.

Ника потянулась к нему, но Дэну вдруг показалось, что Чип, став невидимкой, теперь находится в комнате в компании с клыкастой Совестью и смотрит на него своими озорными светло-кариими глазами. Все желания, которые властвовали над парнем еще пятнадцать минут назад, пропали.

– Да-а-а? А я хочу, чтобы мы с тобой со временем тоже стали немножко важными друг для друга. – Ника игриво подергала парня за ремень. Она все еще была в плену наваждения, которое ласково обнимало ее за плечи и шептало на ухо, что этот синеглазый молодой человек – ее ожившая мечта. А мечту надо ловить за хвост, пока она не ускользнула.

– Наверное, было бы неплохо, – расплывчато отвечал Дэнни. Теперь ему хотелось не на кровать, чтобы забыться в женских объятиях, а на улицу, под лучи просыпающегося утреннего солнца. Там монстрик точно растает, оставив после себя лишь облачко темного

пара, а глаза Марии перестанут быть насмешливо-презрительными.

Брюнет, откинув волосы, прислушался к своим ощущениям. После разговора с Чипом тело словно бы сделалось нечувствительным к поцелуям и ласкам привлекательной и проворной Ники, по крайней мере, на какое-то время. И Дэн решил использовать это время с умом.

– Ты знаешь, мне здесь не нравится, – объявил он вдруг подружке, вскакивая с кровати.

– Что-о-о? Котенок, ты о чем? Что там тебе такое сказали, что ты... больше не хочешь? – Глаза у Ники тоже были красивыми – миндалевидными, большими, может быть, даже немного непропорционально большими для ее худого лица, с длинными загнутыми ресницами, а цвет радужки имел яркий голубой оттенок, «приправленный» серо-желтыми крапинками вокруг зрачков. Дэн точно знал, что это не линзы: он долго всматривался в глаза сегодняшней спутницы, чтобы понять это.

– Здесь скучно, Ника, очень скучно. Нет, здесь обыденно, – произнес он, послал ей воздушный поцелуй и вышел из комнаты, прихватив футболку, едва слышно проговорив, мысля вслух: – I'm tired of all this. And Den's conscience armed dangerous. Пора становиться честным, – оставив недоумевающую девушку вновь в одиночестве.

– От чего ты устал? – прошептала Ника, которая с английским языком была знакома довольно хорошо, приподнимаясь на колени. Она совершенно не ожидала, что он возьмет и уйдет после такого многообещающего знакомства. И губы ее до сих пор горели... – Что с тобой, Дэн?

Молодой человек, частенько живущий душевными порывами, а не здравым смыслом, ее не слышал. Он, желая оказаться вновь в людном месте, а не наедине с милашкой Никой, подошел к полукруглому окну в конце коридора, распахнул его створки, явно наслаждаясь теплым уличным ветерком, и вновь достал мобильный. Найдя в длинной записной книжке номер какого-то приятеля, позвонил ему.

– Хай, это я. Ты сейчас где? Вновь веселитесь? Да, я знаю это место, мы сейчас подъедем. Нас девять. Да, на машинке. Большой, удобной. Я за рулем. – Смерчинский рассмеялся. – Ты же знаешь, что мне нельзя пить. Ждите, ребятки.

Он заглянул в комнату к Нике, которая, стоя перед зеркалом, застегивала платье и поправляла растрепанные волосы, и сказал ей таким жизнерадостным тоном, будто бы между ними вообще ничего не было:

– Эй, собирайся. Ника, сейчас мы поедem в одно славное место.

– Куда? – широко раскрыв глаза, спросила девушка. Этот красивый высокий парень притягивал ее, как магнит, хотя и вел себя невероятно странно! – Дэн, да что случилось-то? Я что-то не то сделала?

– Нет, конечно, ты делала все то.

– Но...

– Собирайся-собирайся, – сказал он ей и совершенно искренне добавил: – Ты красивая. Особенно когда у тебя такая хулиганская прическа.

– А? – Ника, уже ничего не понимая, вдруг едва ли не зарделась от комплимента как маков цвет. – Денис, ты и впрямь...

Но договорить она не успела, потому что Смерчинский уже исчез. Из-за приоткрытой двери подул ветер – Дэн так и не закрыл окно.

Он спустился на первый этаж.

– Ты чего? – подняли на него глаза друзья: один оставался в джинсах, другой только что

проиграл и их, а теперь стаскивал с пьяным смехом. Девушки уверенно лидировали и хихикали, глядя на своих полураздетых спутников.

– Парни, – на лице Дэна появилась загадочная улыбка, – махнули на афтепати в «Венеру»?

– Ку-да? – по слогам спросили они, прекратив игру.

– Клуб «Венера», – мечтательно прикрыв глаза, тут же сообщила одна из девушек. – Закрытый клуб за городом! Говорят, там всегда работает фонтан из шампанского!

– Я там никогда не была, – подхватила ее подруга очарованно.

– Нет, – запротестовали дружно его полураздетые друзья. – Нет-нет-нет! Смерч, ты с ума сошел? Какого фига нам туда тащиться?

– Иди ты со своим афтепати, Дэнав! Нам и тут хорошо, правда, леди?

– Неправда, – вдруг сказали представительницы прекрасного пола. – Мы хотим в «Венеру»! Туда же не попасть!

Дэн рассчитал верно: эти девочки не были в закрытом элитном клубе, слава о котором ходила по всему городу. Лично он туда попасть мог, хотя и посещал «Венеру» очень редко: обычно в этом клубе были в ходу всевозможные виды наркотиков, особенно завсегдатаи любили разноцветные экстази, далее шли марки ЛСД, спид, лед, реже – почему-то теперь реже – кокс. Дэн, естественно, пару раз, еще давно, наркотики пробовал, но особой любви к ним не питал. Вернее, вообще никакой любви не питал. Да и отходил от них куда хуже, чем от того же алкоголя. Может быть, поэтому и не слишком ценил закрытый загородный клуб. Зато точно знал, что там постоянно проводятся «вечеринки после вечеринок», после которых приехать домой можно было аж на следующий вечер, а не утром.

После недолгих уговоров (девочки оказались отличным подспорьем) парни все же согласились ехать в «Венеру». Компания вновь загрузилась в джип и направилась к выезду из города, по дороге заглянув на бензоколонку. Самым сложным оказалось уговорить покинуть дом бушующего Черри, который ночные клубы терпеть не мог.

– Е... к-хм... любил я ваши клубы, – ворчал уже в автомобиле зеленоволосый парень, которого друзья оторвали от весьма занятого дела. – Дэнав, ты тот еще козел! Ты больной мудака. Зачем ехать в это чертово пристанище мажоров?

– Я хочу еще веселья, приятель! – не оборачиваясь, громко, перекрикивая музыку, отвечал Дэни.

– А почему у меня никто не спросил, чего я хочу? – вызверился парень и стукнул кулаком по прозрачной крышке люка.

– Ты это... поосторожнее с моей тачкой, – заплетающимся языком сказал ему хозяин машины, развалившийся рядом с водителем. – Отец за нее убьет...

Смерчинский только увеличил громкость музыки.

В автобусе со мной захотел познакомиться миловидный парень, усевшийся рядом, хотя свободных мест было великое множество. Он словно невзначай коснулся своим коленом моего, и я тут же отодвинулась к окну, так близко, насколько это было возможно. Парень, не стесняясь, тут же вновь подвинулся ближе. Меня не радовала перспектива сидеть бок о бок с незнакомым типом, взгляд которого мне совсем не нравился, поэтому я решила отыгаться.

– Девушка, можно с вами познакомиться? – дружелюбно произнес парень, не переставая смотреть на меня самоуверенно и игриво.

– Зачем? – включила я дурочку.

– Думаю, вдруг вам одиноко одной?

– Почему мне должно быть одиноко в автобусе? Я ведь просто еду, – возразила я, еще плотнее прижимаясь к окну, чтобы этот тип не касался меня предплечьем.

– Ну, мало ли. У вас грустное выражение лица.

– У меня-то? Ну, не знаю даже.

– Вы очень привлекательная, – сделал он комплимент, а я невольно вспомнила, как клеит своих жертв, то есть девушек, Смерч, и поняла, что этот парень проигрывает Дэну сто очков.

– Кто вам сказал такое?

– Я сам это прекрасно вижу. Так... как ваше имя? – Он видимо, не понимал, что я не настроена на знакомство. Я немного подумала и выдала:

– Кабриолета.

– Как-как?

– Кабриолета я. Нравится?

– Ну да... необычное... имя, – согласился он.

Автобус резко повернул, и парень вновь ко мне прижался, вызвав бурю раздражения. Вроде бы вполне ничего и лицом, и фигурой, голос приятный, одет аккуратно, а вызывает почти отвращение своими прикосновениями, а от едва уловимого запаха одеколона неприятные ощущения. Когда мы были почти незнакомы с Дэном и нам приходилось физически контактировать – например, в коридоре университета, когда я прогуляла лекцию, ничего подобного я не чувствовала. Я возмущалась, злилась на его обаятельную наглость, но не ощущала даже какого-либо намека на отвращение.

– Ну, это мой псевдоним вообще-то, – с серьезной миной заявила я. – На самом деле я – Трупнина, – вспомнилась мне одна история. У парня приподнялись брови.

– Трупнина?? Вы что, смеетесь надо мной?

Вообще-то если быть честной, то да, совсем чуть-чуть.

– Зовут меня Нина, а фамилия моя – Труп. Труп Нина. Что тут непонятного? Да, мои родители пошутили надо мной. Всю жизнь мечтаю поменять фамилию. На красивую и изысканную, – размышляла я. – А вот у вас какая?

– У меня? Ну, как раз не очень красивая. Это, ладно... приятно было пообщаться, Нина! Пока.

И он пересел на другое свободное место. Я торжественно вздохнула и разгладила юбку на коленях. Какой коварной и стервозной я могу быть, если захочу! Но на самом деле мне просто не нравилось поведение этого типа.

От осознания собственной важности, гордый орел горделиво оглядел автобусный салон, не забыв при этом стащить крылом с глаз огромные черные гламурные очки, украшенные не просто стразами, а кристаллами Сваровски. Гордый птиц чувствовал себя превосходно.

А если серьезно, я и не задумывалась никогда о том, что наряд может играть большую роль в жизни современной девушки. Честно сказать, когда я ходила в своей обычной и крайне любимой удобной одежде, со мной пытались иногда познакомиться ребята, да и я сама это делала без стеснения, когда была в компании девчонок. Однако сейчас, выпорхнув из родового гнезда, своего дома то есть, наряженная, как на праздник, мужского внимания я стала получать заметно больше.

Вообще-то сначала я злилась, что вынуждена сегодня выглядеть вот так необычно для себя, да и одежда эта причиняла некоторые неудобства, но потом решила, что из всего нужно получать только положительные эмоции.

Представляю, как Димка удивится, когда меня заприметит в таком одеянии! Может, даже сфотографировать на память захочет! Я, когда пришла на выпускной бал в платье с корсетом и пышной короткой юбкой, стала самым популярным человеком на какое-то время: обалдевшие одноклассники то и дело звали меня для участия в совместных фото. И все это потому, что нарядной и красиво причесанной они никогда меня раньше не видели, поэтому жутко удивились. И посмеялись же мы тогда с ними!

С Чащиным, думаю, тоже вместе поржем, он хоть и изрядный балбес, но свой парень.

До Димки, кстати, я добралась быстро – всего-то с опозданием в полчаса. Нет, в тридцать шесть минут сорок восемь секунд – это сам Чащин так сказал, когда не вытерпел и позвонил мне. До этого просто каждые пять минут писал эсэмэс, в которых настойчиво интересовался, где меня черти носят и какие именно. Я, чувствуя свою вину, так же неизменно писала ему, что еду и буду через пару остановок. Когда я написала ему это в четвертый раз, он прислал мне сообщение, в котором вопрошал: *«Еще пара остановок? Бурундукова, ты знаешь, что такое «пара»?»* Пока я думала, что ему напечатать в ответ и пока беседовала с парнем, он мне и позвонил.

– Ты собираешься приезжать? Ты где вообще? – сердито спросил он у меня. А я как раз стояла около выхода из автобуса, дожидаясь, пока он примчит меня к нужной остановке – нужна, слава богам, была следующая.

– Сейчас буду, – отозвалась я, глядя на стоящего рядом парня, который зачем-то пялился на мои открытые ноги.

– Что, еще пара остановок? – с явным скепсисом поинтересовался Чащин. – Я устал тут, как идиот, сидеть.

– Нет, я уже выхожу. А, идиотские каблуки! – Едва не зацепилась я высокими тонкими каблуками за ступеньки, решив сбежать в них так же быстро, как я делаю это в кроссах.

– Каблуки? Неужели появились кеды или кроссы с каблуками? – искренне удивился одноклассник.

– Ага. Специально для меня, Димочка. Называются «кроссуки», – скомбинировала я два слова.

– Вечно от тебя маты одни слышны, – проворчал он.

– Это ты не расслышал, озабоченный мой друг. Жди меня, сейчас буду. – Я осторожно спустилась на асфальт, проигнорировав протянутую руку какого-то дядьки лет сорока. С ума сойти, что могут с окружающими сделать коротенькое платье, умелый макияж и женственная прическа.

«А приятно, блин!» – однозначно решили головастики, став, как и мое платье, лазурными.

А кто спорит-то?

«Сырное и ледяное чудо», то самое кафе, где мы договорились встретиться, находилось не слишком далеко от остановки, но и не совсем близко. Чтобы добраться до него, нужно было пересечь широкий проспект и пройти метров триста-четырееста по тихой, узкой улочке, вдоль одной стороны которой были высажены пышные цветущие яблони, словно подернутые кремово-розовыми облаками, а вдоль другой – яблони белоснежные: вокруг них вся яркая зеленая трава была усыпана снегом из лепестков.

Ко мне почему-то пришло умиротворение. Как же здесь здорово, в этом месте! Здесь только парочкам гулять и нужно, наслаждаясь видами: ведь улица наклонная и по ней можно постепенно спуститься к набережной. А стоя на высокой части, можно лицезреть

серебристую водную гладь реки внизу, и многочисленные деревья, и резные каменные беседки на берегу, и даже остров, затаившийся посередине широкой реки, как головастики-мысль у меня в подкорковых структурах мозга.

Я улыбнулась, чувствуя слабый, но приятный и сладкий цветочный аромат, витающий между домами. Для меня это яблочное и свежее благоухание и есть истинный символ начала лета, наравне с цветением сирени.

Заглядевшись на всю эту красоту, я даже остановилась на пару секунд, и, проведя пальцем по тонкой веточке ближайшего цветущего дерева, сорвала себе белый хрупкий цветок яблони: попробую им умаслить сердитого Смерчинского... Стоп! Какого еще Смерчинского? Я же с Чащиным встречаюсь сегодня. Вот Дэн, прилипала, я так привыкла, что в последнее время так часто с ним вижусь, что мне показалось на пару мгновений, что я спешу к нему, вновь что-то задумавшему относительно «объектов». Кажется, больше мы Ника и Тролля выслеживать не будем. Из-за упоминания о Дэнни у меня на лице появилась дурацкая улыбка, и двое мальчишек-школьников, идущих мне навстречу со скейтбордами в руках, приветливо заржали, подумав, что улыбка адресована им. Эх, жаль я сегодня, такая милая, нарядная, с легкой изящной прической, не увижусь со Смерчем. Он бы точно упал, увидев меня, и еще больше бы захотел «продолжить знакомство», как сам выразился.

Гадство, натуральное! Вот бы он еще меня поревновал. Эх, мечты. Правильно говорят, что в них смысла нет.

И я поспешила дальше, на ходу проверяя, не задрался ли подол совсем уж неприлично высоко. Чем ближе я, стараясь как можно быстрее шагать, приближалась к «Чуду», тем прохладнее становилось – сказывалась близость к реке: я даже слышала, как гудит какой-то пароход. И мне тоже хотелось гудеть так же радостно, потому что сегодняшний день я уже считала отличным!

Вход в кафе, которое было расположено на первом этаже крепкого пятиэтажного здания, построенного лет сорок назад, но все еще выглядевшего элегантно, прятался в тени высоких душистых сиреней, и я, вдохнув теперь уже аромат светло-фиолетовых цветков, ворвалась в помещение подобно урагану. Просторный зал был декорирован справа в зелено-голубых тонах, а слева – в желто-оранжевых. Как я узнала чуть позже, из слов разговорчивого друга, кафе специализировалось, с одной стороны, на самых разнообразных изделиях, в состав которых входил сыр, а с другой – на самых различных видах мороженого, поэтому и оформлено оно было в двух стилях: теплом и холодном.

Я не без труда разглядела за одним из квадратных прозрачных, с темно-сапфировыми ножками столиков Димку. Он сидел на голубой, холодной, половине, спиной ко мне, заложив ногу за ногу, и недовольно посматривал на телефон, лежащий на столике.

Я, предвкушая его реакцию, на цыпочках подкралась к однокласснику, ловко опустила белый цветочек на коротко стриженное русое темечко и закрыла лицо парня ладонями. Обожаю так делать! Некоторые не могут понять, кто стоит сзади, и мучительно пытаются, перечисляют имена всех подряд.

– Бурундук? – не дал мне повеселиться Димка, сразу безошибочно отгадав, кто его беспокоит. – Совсем рехнулась? Ты знаешь, насколько ты опоздала?

– Приф-фет, – прошептала я, склонившись к Димкиному уху, не отрывая ладоней от его лица, – приф-фет, мой маленький принц. Малыш-ш-ш-ш-ш. Я больше опаздывать не буду.

– А больше и не надо. Что у тебя с глухими звуками? И убери руки, – тут же отреагировал Чащин. – Пока я не назвал их граблями.

– Прости меня, я, правда, торопилась, – искренне извинилась я, не подчиняясь его словам. – Прощай, давай, а потом уберу.

Он тяжело-тяжело вздохнул, словно сидел около постели больной старушки, и, осторожно отняв мои пальцы от собственного лица, повернулся ко мне, задев носом мой подбородок.

Так мы и встретились взглядами. В моих глазах хороводы водили любопытство, веселье и просьба не злиться, а оценить мой наряд, да и в его глазах тоже читалось любопытство, но его упрямо вытесняли и удивление, и радость, и даже затаенный страх, и что-то еще, мне, глупой, тогда не понятное.

Со стороны мы, наверное, смотрелись странно, уставившись друг на друга, как два голодных таракана, соперничающих за крошку хлеба, но меня это мало волновало. Я хотела сказать Чащину: «Димыч, не злись на меня, я не хотела деньги зажабить! Ты отдал мне тетрадь, я угощаю тебя – все по-честному!». Но только улыбнулась: никогда еще не видела его лицо так близко от своего. И заметила, что радужки у него необычные: я всегда думала, что они очень темные, насыщенного кофейного цвета, но, оказывается, в них есть искры – около самых зрачков, и искры эти светлые. Как будто бы кто-то щедрой рукой насыпал в горький горячий шоколад горсть несладкой кокосовой стружки, не успевшей еще полностью стать коричневой, но уже и не белой.

– Что с тобой? – вымолвил Чащин, не отпуская моих рук.

– А с тобой что? – спросила и я.

– Со мной – ничего. А ты... Ты почему сегодня такая... красивая? – продолжал он вглядываться в мое лицо и в волосы, как пират в добытую у недругов старинную карту сокровищ, совершенно не мигая.

На мгновение орлу, хвастающемуся всем вокруг фирменными модными очечками, показалось, что около русоволосого парня с высокими скулами и короткой мужественной прической мелькнуло что-то, напоминающее полупрозрачную красно-оранжевую искру – искра пропала за спиной Дмитрия, изрядно удивив птицу.

– Что с тобой, Маша? Почему?.. – повторил он, переводя взгляд на небесно-голубое коротенькое платье и на глубокий вырез, открывающий плечо.

– Я всегда красивая, – торжественно объявила я, вытащила, наконец, руки из его ладоней, хихикнула и села на стул, скромно вытянув ножки, которым порядком надоела новая обувь.

Димка, откинувшись на спинку своего стула и сдвинув брови, оглядывал меня с ног до головы, особенно долго задержав пристальный взгляд как раз именно на ногах. Честно сказать, я неожиданно смутилась от его внимания и тут же спрятала конечности под стул. От Чащина не укрылось мое изумление, и он неожиданно улыбнулся, как будто бы захотел этим разрядить ситуацию.

– Ого. Ну-ка, встань, – велел он мне внезапно.

Белый цветочек с головы свалился к нему на плечо. Я протянула руку и, взяв его, положила на стол перед едва заметно вздрогнувшим Димкой, сказав:

– Это тебе, в знак примирения. Ну не хотела я опаздывать. Давай уже заказывать что-нибудь!

– Какого примирения? – еще больше обалдел парень, вертя цветок в руках с большой осторожностью, как будто боялся повредить его.

– Нашего. Я думала, ты меня из-за опоздания задушишь, Чащин. Но я не виновата!

Серьезно, Дим.

– Маша, я в шоке. Ты, – взгляд его темных глаз сделался подозрительным, – ты так задержалась, потому что прихорашивалась? – Видно было, что Димке нелегко выговорить это слово, когда он говорил обо мне. Я и прихорашивалась: нонсенс!

– Так вышло.

– А... ясно. Ну, встань же, – вновь попросил одноклассник.

– Зачем? – недовольно спросила я.

– Встань-встань.

Я с неохотой поднялась на ноги.

– Ну? Что хотел?

Димка, который вновь напялил на себя маску компанейского парня, дурашливо захлопал в ладони, а потом схватился руками за голову, выдав шикарно-ехидно:

– Детка, ты просто космос!

– Че-го? Чашин, допрыгаешься, я тебя в космос без ракеты летать и отправлю, – беззлобно пригрозила ему я, радуясь, что произвела своим внешним видом такой эффект. Правда, космосом-деткой мне быть не улыбалось.

– По-моему, я уже... допрыгался, – трагическим шепотом оповестил он меня. – Боже мой, Бурундукова преобразилась! Бурундукова стала Золушкой! И не в лом ему феей быть?

– Кому ему? – совершенно неграциозно опустилась я вновь на свой стул.

– Смерчу.

– А он-то каким боком здесь? – не поняла я, оглядываясь по сторонам и гадая, кому в голову пришло сделать кафе именно таким.

– Ну, он, наверное, тебе сказал так наряжаться, – тонкие губы Димки недовольно изогнулись. – Иначе я даже не знаю, кто или что смогло бы заставить тебя одеться в это!

– Ох, Чашин, думай мозгами, а не пяткой, – вздохнула я жалостливо. – При чем здесь Сморчок, то есть, конечно, мой котенок Дэнка? Я так оделась, потому что... м-м-м... – Мне не хотелось рассказывать ему эпопею о том, что все мои вещи оказались выстираны коварной мамой. – Потому что сегодня у нас вечером будет торжественное приветствие родни будущей жены брата. Я же говорила! А вообще, – я коварно почесала ему подбородок, нахватавшись всяких глупостей у Дэна, – я от тебя без ума, и нарядилась так ради тебя. Я сегодня косплею принцессу. Называй меня Ваше Высочество.

– Ничего себе, мне аж страшно стало. – Пальцы у Димки затряслись, словно от ужаса. А я засмеялась. – Видишь, у меня тремор. Ваше Высочество, дайте мне свою руку.

– Зачем? – продолжала я буравить парня подозрительным взглядом.

– Хочу поприветствовать вас, как положено.

Я протянула руку, делая вид, что жутко смущаюсь, а он взял и поцеловал мне ладонь – легонько коснулся ее губами, и впрямь представив себя каким-нибудь герцогом или графом! Я тут же ее выдрала назад со смехом.

– Обалдеть, Бурундукова... То есть Маша, ты здорово выглядишь! На себя не похожа. Бурундукова, черт, я даже теперь не могу называть тебя Бурундуковой...

– Ваше Высочество все еще остается в силе, Чашин. И чего ты на меня так смотришь странно? Переквалифицировался из приматов в людоеды, съесть возжелал бедную меня? – подозрительно спросила я, подвинула стул ближе к Димке и, по-свойски хлопнув его по плечу, сказала: – Заказывай, парень. Все, что душе угодно – но в пределах разумного, а не безумного.

– Хорошо. Вот меню. – И хотя я предложила ему заказывать, он протянул мне одно из двух ярко-синих меню и даже раскрыл его, прежде чем вручить. – Делай заказ сама. Буду то же, что и ты.

– А если я ничего не буду?

– Дурочка ты, Бурундукова, – покачал он головой. – Я плачу. Пируй. Я-то знаю, как ты любишь поесть. И как в тебя столько вмещается? У тебя, наверное, желудок в трех измерениях существует, да? – попробовал Дима меня подколоть.

– Ты? Совсем того, падре? Кажется, это должна делать я. – Я даже возмутилась, забыв за такие слова угостить тумакон. – Платить!

– Я же все-таки мужчина, – величественно отозвался Дима. – Давай, Машка, заказывай, что твоей бурундучковой душе угодно, я вообще-то есть хочу.

– Но я угощаю! – возопила я. – А не ты! Я – твоя должница.

– Да брось ты, – махнул рукой одноклассник. – Мы же друзья.

В результате, немного попрепивавшись, мы все же сделали заказ, подозревая прехорошенькую официантку, и мне оставалось только спросить у Димки:

– Слушай, а чего ты так расщедрился?

– Я всегда такой, – отвечал он мне, ухмыльнувшись, – щедрый и хороший. С девушками, правда, – уточнил он.

– Да у нас прямо свидание получается, Чашин, – важно сказала я, поправляя Настины огромные часы на запястье.

– Точно, – согласно кивнул парень. – Хорошее местечко, уютное и даже отчасти романтическое, ты премило одета – да и вообще кажешься лапочкой, я поступаю по-джентльменски...

– Да и ты ничего сегодня выглядишь, – не преминула заметить я.

Дмитрий сегодня выглядел и впрямь несколько необычно: надел белую рубашку с вертикальными синими полосами, рукава которой были закатаны чуть ниже локтя, натянул темно-серые джинсы с белым широким ремнем, на ногах его красовались начищенные до блеска ботинки. Ему шел этот стиль – это точно, но я никак не могла взять в толк, зачем ему так наряжаться. Не ради меня же?

– Спасибо, дорогая, – притворно важно склонил голову Чашин.

– Пожалуйста, милый, – продолжила я игру. – Твоя девушка на нас не обидится?

– А твой парень? – тут же спросил Дима. – Моя – нет. Она даже и не знает ни о чем. Она такая глупая у меня, – с неожиданной горечью добавил он. – Вообще ничего не знает.

– Вот и Смерчинский не догадывается, – ответила я, захихикав. – Совершенно ни о чем. Дома дрыхнет, наверное.

Кто-то едва не сбил официантку около нашего столика, и мы на мгновение прервались, а потом я решила еще раз обрадовать друга новостью об англичанке и билетах на мюзикл. Наверное, только Чашин может понять весь мой восторг по этому поводу! Вот мы и восторгались вдвоем, пока нам не принесли заказ, да и во время трапезы тоже никак не могли успокоиться и не ржать на все кафе.

– Вот блин, – поморщилась вдруг я, прервав наш разговор о том, как здорово мы будем сдавать экзамен по английскому.

– Ты чего?

– Соринка в глаз попала.

Димка перегнулся через стол и сказал, приглядевшись к моему глазу:

– Это не соринка, это у тебя в ресницах волос запутался.

– Какая разница, – пыталась я потереть глаз, но всякий раз боязливо одергивала руку, потому что не хотела размазать тушь и подводку с тенями телесного цвета, – все равно больно, глаз слезится.

– Давай помогу, – предложил свою помощь сокурсник.

Я кивнула. Он встал из-за стола, подошел ко мне и со словами: «Доктор Чащин щас тебе поможет», – наклонился, подумал, повернул за подбородок мою голову на свет, падающий от окна, и очень осторожно, по-моему, стараясь даже не дышать, двумя пальцами убрал с ресниц этот проклятый волос. С интересом изучил его, а потом протянул мне.

– Заправь салатик, – предложил Димка-дурак, вспомнив название моего салата, – и будет твой салат не «Полосатый», а «Волосатый».

– Спасибо, что помог, но салат мне и такой нравится, – отозвалась я степенно. – Давай, я лучше плюну тебе в тарелку?

– Красивая одежда, хороший макияж и даже высокие каблуки никогда не прикроют полностью твою грубую зубастую натуру, – со вздохом сказал Дмитрий и предложил, подняв бокал с гранатовым соком, похожим на вино, произнести какой-нибудь тост.

– Какой?

– Давай, – в шутку предложил Чащин, – за нас?

– Давай за успешную сдачу английского! – заговорщицки прошептала я, не расслышав его слов. – Чин-чин!

– Камп ай.

– Сам капай, – расхохоталась я, перевирая слово японского происхождения. – Говори, как я: чин-чин.

– Чин-чин...

И мы продолжили болтать и ржать на все кафе, постепенно заполняющееся людьми. Было весело, хорошо и в меру уютно, пока нам не помешали.

– А меня в свою компанию примете? – раздалось через полчаса, а может, и через минут сорок, над нашими головами.

Димка резко замолчал.

Я подняла взгляд и увидела над собой загадочного Дэна, который умильно взирал на нас сверху вниз.

Орла тотчас отнесло к противоположной стене порывом ветра, и он недовольно забил крыльями.

– Я сейчас ревновать начну и бушевать, если не пригласите к себе, ребята, – предупредил он, лучась счастьем и здоровьем. Эти лучи тотчас достигли рядом стоящего столика, и на Дэнва обернулась девушка лет двадцати шести, сразу же заинтересовавшись парнем.

– Э-э-э... – протянула я в замешательстве, механически перемешивая в вазочке кашицу растаявшего орехово-малинового мороженого, – ты чего тут делаешь, Смерчинский?

– Машенька, как ты здороваешься со своим почти что женихом? – деланно обиженно спросил меня Смерч, медленно, не сводя блестящих глаз, наклонился, чтобы поцеловать, и вместо этого получил ложкой по лбу. На слегка растрепанных темных волосах остался светлый след от мороженого. Дэн на меня так посмотрел, что я занервничала.

– Чащин, сваливаем? – серьезно предложила я ни с того, ни с сего онемевшему Димке.

Орел закутался в искру, как в шарф, и попытался спастись от негодующего ветра.

– Стоять. – Опустилась рука Смерча мне на плечо. – Куда решила сбегать, моя

маленькая?

Пока Маша и Дмитрий беззаботно болтали, активно жестикулируя и, как всегда, громко смеясь, длинноволосая девушка за столиком около большого панорамного окна на желто-оранжевой территории негодовала и все больше бледнела от переполняющего ее праведного гнева. С этой девушкой Мария была немного знакома – она до сих пор не могла забыть теплый и радушный сюрприз друзей Смерча, где эта светловолосая была одной из «главнокомандующих».

– Инга, спокойнее, – сказал парень в очках, сидящий с ней за одним столиком. Именно он в тот же день отвечал за техническо-музыкальное сопровождение «дружеской шутки». Поэтому Машу тоже знал.

– Спокойнее?! – возопила длинноволосая Инга. – Как я могу быть спокойнее?? Ты только посмотри на нее! Распутница! Мерзавка!

– Тише ты, услышит.

– Неверность – самый большой грех любви, Иван, – сердито свела у переносицы светлые брови девушка и залпом выпила бокал с молочным прохладным коктейлем, причем не свой, а своего спутника, но он тактично промолчал. Иван вообще для себя решил, что с этой девчонкой лучше не спорить.

День у Инги начался вполне хорошо: она отлично выспалась, и, пребывая в чудесном настроении, приехала в любимое кафе «Сырное и ледяное чудо», где наедине встретилась с Иваном, который ей с недавних времен очень нравился. Инга во что бы то ни стало решила завоевать флегматичного, но умного парня, который был гордостью технологического института.

Пара сидела за столиком, наслаждалась хорошим кофе и мороженым, болтая о ерунде (вернее, вовсю болтала девушка, Иван ее только внимательно слушал, не совсем понимая, как вообще поддался на уговоры прийти сюда), как вдруг Инга настороженно посмотрела в окно.

– Смотри, это же Мария Чип Бурнудукова! – выпалила она радостно, прилипнув к стеклу.

– Девушка Дэна, – не спрашивал, а констатировал Иван, видя, как по улице, ведущей к кафе, быстрым, но мелким шагом направляется Маша. Только несколько преображенная – он с трудом узнал в ней избранницу Дэнни. Особенно Ивану понравились ее ножки. Но при своей спутнице он не рискнул рассматривать Бурнудукову в открытую.

– Ой, какая она миленькая, – воскликнула Инга, когда пассия ее троюродного брата – именно таким приходился ей Смерчинский, подошла ближе. – Наверняка ей Дэн стиль поменял. У них тут, интересно, свидание?

Как оказалось, у Марии действительно здесь было свидание, да вот только не с Дэном! Когда светловолосая девушка в голубом воздушном платье подошла к одиноко сидящему парню на другой половине кафе и кокетливо закрыла ему глаза руками, длинноволосая сестра Смерчинского только глаза округлила. Чип подсела к этому миловидному улыбчивому парню в полосатой рубашке, и они принялись довольно мило болтать. По крайней мере, так все восприняла Инга.

– Что это они творят? Это ее новый парень? Она бросила Дэна? Она ему изменяет! – Девушка пребывала в шоке от увиденного.

– Может, это ее брат или друг, – медленно предположил Иван, который был куда более разумным.

– Ну да, – фыркнула импульсивная Инга, которая только пять минут назад всей душой Марию любила, а теперь хотела ее удушить. – И вообще, Дэнну и так тяжело пришлось, чтобы какая-то... какая-то макака в голубом и с напмаженной рожей его обманывала! Он что, не заслуживает счастья? – требовательно спросила она у Ивана.

– Заслуживает, – кивнул тот, вполне искренне так считая.

– Как же она убого поступает! Я была о ней куда лучшего мнения! Профурсетка! Бедный Дэнни, – сокрушалась длинноволосая, продолжая наблюдать за тем, как парень совершенно возмутительно целует Бурундуковой руку.

Понегодовав вволю, Инга решила разведать обстановку детальнее. А вдруг это действительно брат Чипа? Троюродная сестра Смерча оставила Ивана, пребывающего все в том же флегматичном спокойствии и даже видимом безразличии, и, стараясь оставаться незаметной, подошла к столику с Машкой и русоволосым.

Услышанное повергло девушку еще в большее негодование.

– ...свидание получается, Чащин, – услышала Инга, стоя за пластмассовой пальмой с голубыми искусственными бананами.

«Свидание, значит?» – подумала сестра Смерча с негодованием.

– Точно. Хорошее местечко, уютное и даже отчасти романтическое, ты премило одета – да и вообще кажешься лапочкой, я поступаю по-джентльменски...

– Да и ты ничего сегодня выглядишь, – сделала Мария комплимент парню.

«И как можно встречаться с девушкой, у которой уже кто-то есть? То же самое, что... что за кем-то одной и той же зубной щеткой пользоваться! – кипела Инга. – Наверное, он не знает, что эта Бурундукова занята, а то бы не стал встречаться с ней».

Однако, как оказалось, парень все знал.

– Спасибо, дорогая.

– Пожалуйста, милый, – тоном любящей женушки отозвалась Мария. – Твоя девушка на нас не обидится?

– А твой парень? Моя – нет. Она даже и не знает ни о чем. Она такая глупая у меня. Вообще ничего не знает.

«Вот сволочь! Пудрит кому-то мозги!» – ахнула правильная Инга, прячась все за той же пальмой.

– Вот и Смерчинский не догадывается. Совершенно ни о чем. Дома дрыхнет, наверное, – противно захихикала мерзкая Бурундукова.

Инга не выдержала и бросилась в свой конец зала, едва не сбив официанта.

– Девушка, осторожнее! – крикнул тот ей вслед, чудом удержав в руках поднос с десертами.

– Простите! У меня друга морально убивают! – отозвалась Инга. Минута, и она уже сидела за своим столиком, бледная от гнева. В руке она сжимала мобильный телефон. Иван только молчаливо взирал на свою слегка буйную подругу.

– Алло! Дэн? – зачастила длинноволосая, с трудом дозвонившись до брата. – Дэн, это я! Ах, узнал? Ну, хорошо! – Она вздохнула, замерла на мгновение и выдала трещоткой: – Денис, немедленно приезжай в кафе «Сырное и ледяное чудо»! Срочно! Срочно приезжай! Пожалуйста, я тебя прошу! Да нет, просто приезжай, в течение десяти минут! Ах, в течение десяти не сможешь... А в течение сколько сможешь?! Получаса?? Господи, вдруг не успеешь... если что, я их задержу! Дэнчик, братик, как можно быстрее! Ты на машине? Вот и отлично. Ждем!! Приедешь – и узнаешь что. Это важно!

И она выключила телефон.

– Ты не слишком его... подначила? – осторожно спросил Иван, поражаясь энергии девушки.

– Да нет, нормально, сейчас приедет. Смерч на машине, – довольным голосом сказала Инга.

– А телефон зачем отключила? – все тем же тоном продолжал юноша в очках.

– Чтобы приехал быстрее, – улыбнулась Инга, но ее взгляд снова упал на Машку и ее парня, и тут же ее лицо исказилось от новой волны праведной ярости.

– А почему ничего не сказала про его девушку? – недоумевал ее спутник.

– А вдруг бы он мне не поверил или не пожелал бы ехать? – отозвалась Инга. – У него разные заскоки могут быть. Он же Смерчинский. Они все слегка необычные.

– А ты какую фамилию носишь?

– Светлова. Я по маме Смерчинская. Ух, утопила бы эту Бурундучиху. Врушка и кокетка! – У Инги прочно сложилось в корне неправильное мнение о Маше.

– А у вас что, во всей семье по жилам течет манипуляторская кровь? – осведомился Иван несколько устало.

– Ты еще дедушку Смерча не видел, Данилу Юрьевича, – многозначительно отозвалась Инга. – А мама у Дэна, моя тетя, получается, самая настоящая актриса – столько шарма и блеска в ней. Это мне моя мама рассказывала. Потому что я тетю видела только в глубоком детстве... Хотя, Денис, конечно, просто уникам даже в пределах своей семьи. Слушай, Иван, а во мне шарм есть?

– Определенно, – согласился молодой человек, добавив про себя: «Очень странный и порой шокирующий».

Еще чуть позднее активная Инга не сдержалась и, по-шпионски, почти незаметно подобравшись к парочке чуть ближе, сделала на мобильный телефон фото, на котором парень в полосатой рубашке подходит к Маше и наклоняется к самому ее лицу. Из-за неудачного угла обзора ей плохо было видно, что они там делают, но на какое-то время ей показалось, что эти двое нагло целуются. То, что Димка просто-напросто убирает волос с ресниц Маши, ей в голову опять же не пришло.

Только потом уже Инга задавалась про себя вопросами: идиотизм или судьба двигали ее эмоциональными поступками?

Казалось, что на улице сейчас не солнечное утро, а поздняя-поздняя ночь. По крайней мере, такое ощущение было у тех, кто находился в «Венере». Не успевшие оторваться за ночь, молодые люди продолжали веселиться под громкую электронную музыку и резкие, мажущие всполохи световых шаров, похожих на миниатюрные светящиеся планеты, подвешенные под высоким куполообразным потолком. Любители афтепати не обращали никакого внимания на тот факт, что в реальном мире, за пределами клуба, давно наступил полдень, а время медленно, но верно приближается к обеду. Многие из этих энергичных любителей клубной жизни не уставали веселиться и желали уехать отсюда только к вечеру.

Дэн тоже не собирался домой, по крайней мере в ближайшие пару часов. Он, как солнечная батарейка, подзарядился на раннем солнце, продолжая быть энергичным и после бессонной ночи. Смерч не покидал танцпол дольше чем на полчаса и, казалось, полностью погрузился в атмосферу этого шикарного места, словно был заядлым тусовщиком с

впечатляющим стажем.

Он, казалось, забылся настолько, что не обращал внимания на окружающих: и на девушек, пытавшихся потанцевать с ним, и на нетрезвых друзей, и на Нику, которая не без задних мыслей никак не могла надолго утащить его в зарезервированную компанией комнату и которой уже порядком приелся танцпол. Ребята как раз расположились в небольшой комнате в стиле модного хай-тек, одна из стен которой представляла собой огромное затемненное снаружи окно, выходившее на танцпол и круглую сцену перед ним.

Да, сначала она танцевала вместе с Дэном, все таким же веселым, но уже более отстраненным, а потом, уставшая и раздраженная, уселась на кожаный удобный диван в комнате их компании. К тому же модные туфли натерли ей ноги, и теперь Нике было некомфортно даже просто ходить. Естественно, она не подавала виду, что с ней что-то не так, но все равно осталась разочарованной, когда Дэн сквозь грохочущую музыку прокричал девушке, что готов танцевать с ней хоть весь день, но просто сидеть у него сейчас нет никакого желания.

– Или есть другое желание, – усмехнулся один из парней, на несколько секунд оторвавшийся от поцелуя со своей подругой, – которое кое-кто пытается глушить. Ребят, давайте закажем виски с колой, а?

Черри внимательно посмотрел на друга, похмыкал, как огромный ежик с зелеными колючками в тумане, и авторитетно сказал на это, что у Лаки бывают нехилые завихрения извилин и на это не стоит обращать внимания. Мол, иногда на парня находит, и он творит всякую чушь. А потом зеленоволосый куда-то удалился вместе со своими подружками-прилипалами, пробурчав в спину уходящему в музыку Дэну, что он-то, Черри, заменителей никогда не ищет.

– Если я хочу пиво, то пью нормальное пиво, а не покупаю безалкогольное. И мне плевать, что алкоголь вреден, черт возьми. – чуть заплетающимся языком сказал он, обнимая Кристину. – Но Дэн у нас упертый козел, неделю, даже больше... не пил ни с кем.

– Если только в одиночестве? – подмигнул ему желающий виски с колой.

И парни громко заржали.

Ника проводила трио задумчивым взглядом: девушкам друзей Дэна она слегка завидовала. Сейчас они с парнями, а она в одиночестве. Ее сегодняшний избранник (или это она его избранница?), правда, понял это почти сразу и мило, но крайне своеобразно, позаботился о том, чтобы светловолосая девушка не скучала в одиночестве.

– На танцпол, леди? – весело спросил у нее Дэн, в очередной раз оказавшись в комнате – чтобы глотнуть холодной воды.

Она отрицательно покачала головой, почти не мигая глядя то на его лицо, то на плечи, которые про себя в шутку прозвала шикарными. Ей хотелось продолжения «банкета», прерванного дома у Черри чьим-то звонком. Так некстати позвонившего утром девушка успела даже пару раз проклясть про себя.

– Ника, какие парни тебе нравятся? – спросил в самом начале странного афтепати Дэн у светловолосой девушки, нависнув над ней и упершись ладонью о стол.

Она удивленно взглянула на парня, подумав вдруг, что он опять заигрывает с ней, немного обрадовалась и ответила, надеясь подразнить его:

– Светловолосые и сероглазые. Хотя бы немного выше среднего роста и с хорошей спортивной фигурой!

– Отлично, – отозвался Дэн с улыбкой и исчез в толпе, заставив девушку еще больше

изумиться его поведению.

– Милый идиот, – подняв голову, задумчиво сказала своему отражению в зеркальном потолке его сегодняшняя спутница. То, что она оказалась в закрытом дорогом месте, радовало ее лишь поначалу. Дизайн клуба, конечно, был выше всяческих похвал, но, честно говоря, контингент в нем был на первый взгляд абсолютно таким же, как и в остальных прочих ночных заведениях. Да и атмосфера была совершенно обычной для подобных мест – особенной она становилась только лишь тогда, когда Ника видела Смерча.

– Что случилось, почему не танцуешь? – спросила у нее одна из девушек, чей молодой человек заснул, перебрав с алкоголем. С ней у Ники были приятельские отношения. В комнате кроме них троих больше никого не осталось.

– Устала, – отвечала Ника, вертя в руках высокий бокал с соком. Она не слишком любила алкоголь.

– Он тебе понравился? Да?

– Кто?

– Этот Дэн?

– Красивый мальчик, – кивнула подружке Ника.

– Это да! Я никогда не встречала таких, как он! Веселый, душа компании, не грубый, не пьет... Ника, он вообще не пил сегодня! Или умничка, или закодированный, ха-ха-ха! Но он опасный мальчик, – засмеялась она нетрезво.

– Почему же?

– Чувствую. А ты никогда не была разборчива в парнях, – отвечала девушка. – Тебе вечно идиоты попадают. Как твой Саша.

– Что ж, знакомиться с плохими мальчиками – моя карма. Знаешь, мы знакомы несколько часов, но он мне безумно нравится, – призналась Ника, наблюдая за танцплощадкой из панорамного окна. Денис стал вызывать в ее душе симпатии едва ли не с первого взгляда, девушка и сама удивлялась себе. Она даже поступилась своими принципами и согласилась поехать с незнакомыми парнями к ним домой – только из-за высокого красивого Дениса, у которого были очень ласковые руки, ресницы, как у девчонки, и невероятные глаза. Нет, не из-за цвета, а из-за исходящего от них магнетизма.

– У вас ничего не было?

– Мы... не успели, – тут же рассерженно отвечала Ника. – Но, думаю, будет, – самоуверенно добавила она.

Когда дверь открылась и в проеме показалась фигура Дэна, девушка радостно улыбнулась в предвкушении, но ее улыбка стала угасать, когда за спиной парня появился еще один молодой человек.

– Вот, я привел тебе то, что ты заказывала, Ника, – обрадовал опешившую девушку Смерч. – Светловолос, сероглаз и не вылезает из качалки. Хороший парень, мой друг.

Ника закатила глаза. Ее подружка захохотала. В результате именно она отбыла из комнаты под руку с сероглазым, не дождавшись, когда же проснется ее перебравший друг. Ника и Дэн остались наедине.

– Дэн, – подошла к парню девушка, не подозревая, что сегодня она всего лишь «безалкогольное пиво». – Дэн, ты что, дурак?

– Есть немного. – Он так улыбнулся ей, что на миг девушка чуть не потеряла контроль над собой и не обняла парня. Она еще ближе, решив не терять времени, приблизилась к нему, положила одну руку на плечо.

Сейчас в комнате стояла бархатная полутьма, и Дэну на мгновение показалось, что перед ним не миленькая незнакомка, а его глупый Бурундучок, только выраженный в женственном платье. Смерчинскому тут же захотелось увидеть Машу в платье, желательно коротком. Он всегда верил в силу мысли, а она, эта самая сила, зная это, решила обрадовать брюнета, преподнеся ему в скором времени и сюрприз, и осуществление желания в одном флаконе.

– Дэн, почему друзья называли тебя Смерчем? – провела по его груди ладонью Ника.

Парень с интересом проследил за ее рукой. Из подполья высунула острый крысиный носик Тревога, которая умело переквалифицировалась в яркое, похожее на звезду, Желание. Орден Сомнения тоже вновь активно заработал.

– Из-за фамилии. Моя фамилия – Смерчинский, – пояснил он любезно.

– А, ясно. Красивая фамилия, запоминающаяся. А я – Карлова, фамилия совершенно простая, без изысков... Ты и вправду похож на смерч. Примчался и сорвал мне крышу, – все же поддавшись порыву, обняла его Ника.

– А ты похожа на малину, – серьезно сообщил ей парень, так и продолжая стоять неподвижно.

Ника лукаво взглянула на него снизу вверх, глядя по лицу, а потом и по шее – ее пальцы остановились на ящерке, которая ей безумно нравилась.

– Почему, Дэн?

– У тебя губы малиновые. И ты такая же привлекательная. Думаю, многие были бы не прочь сорвать тебя, – отвечал ей тот задумчиво, все же проведя ей в ответ ладонью по волосам. – Малиновое варенье – неплохая вещь, которое может помочь при болезни.

– Это точно. Так почему же ты не... пробуешь малину?

– Я не люблю ее, – все так же серьезно сказал парень, вновь опуская руку.

– А что же ты любишь? Черешню? – слегка рассердилась девушка. – Клубничку?

– Арбузы, – расхохотался вдруг Дэн. – Честно говоря, они считаются не ягодами, а тыквами. Ягодообразными тыквами.

Он подумал, что одной милой особе будет невероятно «приятно», если он ради разнообразия назовет ее «тыквиной». Он даже представил на мгновение, как раздраженно, но одновременно и с хитринкой Мария взглянет на него, деланно презрительно сощурится, по-особому изогнет уголки не накрашенных губ, скорбно покачает головой, как будто бы перед ней стоит душевнобольной, а потом начнет кричать на него, придумывая милые и совершенно необидные ругательства. Эта защитная реакция, грубить или ругаться, казалась Смерчу изюминкой Бурундука, не лишенной своего детского обаяния.

Ника не слушала парня, а, заметив лишь отстраненность и задумчивость в его лице и неправильно, в свою пользу, истолковав ее, вдруг решила, что неплохо было бы продолжить прерванный поцелуй. В дальнейших планах у нее было утянуть молодого человека на мягкий кожаный диван.

– Ника, не надо, – уставшему и не спавшему больше суток Дэну вновь показалось, что перед ним Чип.

– Мне – надо, молчи, – ловко запустила руку ему под футболку девушка, касаясь живота.

– Эй-эй, перестань! – возмутился Дэн. – Я и так сегодня герой! Хватит меня мучить, прекрасная женщина!

– Может быть, и герой, – жарко прошептала ему на ухо девушка, – только сегодня ты – мой герой!

– Ты точно этого хочешь?

– Да.

Вина тут же уютным клубочком устроилась на его плече, дав пять рыцарям ордена Сомнения и для порядка глухо поворчав на пульсирующее Желание, которое стало таким ярким, что затмило всем присутствующим глаза.

А вот желание светловолосой, внешне так похожей на Марию, почти исполнилось – пара через несколько минут действительно оказалась на диване. В этот раз сверху оказалась не Ника, а Дэн. Девушка видела в нем повелителя самой прекрасной стихии на свете – воздуха и ветра, а он даже с широко открытыми глазами видел Машу.

Желание все же потеснила Судьба.

Дэн всегда считал, что у него мало силы воли, особенно если соперник – милая девушка, поэтому он искренне обрадовался, когда у него зазвонил телефон, заставивший Нику вздрогнуть, а Вину с шипением, достойным дикой кошки, отлететь к потолку.

– Мне нужно ответить на звонок, Ника, подожди... – только и сказал он девушке, вытаскивая надрывающийся мобильник из кармана джинсов и вставая.

Она же только беззвучно прошептала не совсем подходящее для уст юной леди ругательство, тоже зачем-то встала и со всей силы вновь бухнулась на диван. Отчего-то у нее горело не лицо, а губы, как будто бы на них кто-то, с явными садистскими наклонностями, небрежно налил обжигающий малиновый сироп, медленно стекающий с них по шее.

Смерчинскому звонила Инга, его дальняя родственница холерического темперамента, которая требовала немедленно приехать к черту на рога со скоростью, равной второй космической.

– Зачем я должен туда приезжать? – спросил Смерч, вздыхая. Троюродная сестра не обращала внимания на то, что ее звонок показался парню странным, и на то, что его частое дыхание – тоже. – Что случилось? Что-то серьезное? Я за городом, в «Венере», за десять минут не успею. Полчаса – это минимум. Я на машине. Да что у тебя случилось, можешь сказать? Эй? Эй?

– Произошло что-то? – спросила с дивана Ника. Ей неожиданно стало смешно от «повторного облома». Да что же это такое?

– Вероятно.

Честно говоря, Дэн ненавидел такие неожиданные звонки и, наверное, старался помочь звонившим потому, что, лишь однажды проигнорировав подобный звонок несколько лет назад, не успел даже попрощаться с одним дорогим человеком. А ведь тогда тоже звонили друзья, а не посторонние люди. Он проигнорировал звонок, потому что отсыпался после шумной вечеринки.

К тому же последний раз с такими же истерическими нотками в голосе Инга звонила ему в прошлом году, когда ее младший брат едва не потерпел фиаско на сдаче ЕГЭ. Учительница, которая должна была решать парню задания по математике, неожиданно сильно заболела ночью, и Дэнни ранним утром пришлось искать человека, знающего предмет, который взялся бы помочь троюродному брату. Такого человека нашли. К тому же щедрый и продвинутый Смерчинский обеспечил родственника микронаушниками, программируемым калькулятором, куда были запиханы многочисленные формулы, и даже миниатюрной камерой, встроенной в наручные часы. В результате кучи хитрющих манипуляций на экзаменах младший братишка ЕГЭ все-таки сдал, получив довольно неплохое количество баллов – и это при том, что сам был кем-то, весьма близким к бодрому

званию дегенерата.

Сейчас Дэн понятия не имел, что случилось со слегка сумасбродной Ингой. Понял только, логически прикинув, что она находится в любимом кафе, куда ходит только с хорошими друзьями, и что находится там не одна. Кого сестричка хочет задержать и для каких целей, оставалось загадкой даже для мощного мозга Смерчинского.

Со звонившими ему за помощью могло случиться все, что угодно. Любой абсурд и неприятность: серьезная или смешная.

Черри постоянно ошивался в КПЗ. И не только он, нужно признать. В ближайшее к его дому отделение Дэнни порой входил, как к себе в квартиру – после звонков Черри, естественно. Хорошо, что деньги многое решали. Ланде один раз потерялся в лесу около коттеджа с празднующими друзьями, когда решил ночью прогуляться под звездами. Поплутав по лесополосе и попередразнивая птичек, он позвонил Смерчинскому, потому что никто больше трубку не брал. Тот его нашел. Парень, которому принадлежали и сегодняшний джип, и тот самый коттедж, однажды направился в гордом одиночестве на рыбалку, оседлав велосипед. На озере он непонятным образом сломал не только удочку, но и собственную ногу и тут же позвонил Смерчу – чтобы тот приехал его спасать. Почему именно другу, а не отцу, финансовому директору одной крупной компании, молодой человек так объяснить и не смог. Одна из девушек-приятельниц, увидев своего любимого в объятиях другой, вызвала Смерча с целью, чтобы он немного поиграл перед изменщиком роль ее парня, видите ли никому больше не доверяла. Друг-барабанщик перед концертом потерял барабанную установку, и Дэну пришлось помогать ему искать замену инструмента – опять же после дребезжания мобильного. Преподаватель по китайскому в университете не нашел ничего умнее, как обратиться к Денису, когда узнал, что пара студентов по обмену из Китая приехала в Россию не совсем легально. Смерч обещал хорошенько их спрятать от суровых представителей миграционной службы, потому что эти студенты были одними из основных докладчиков на Конференции, посвященной Стране восходящего солнца. Друг, входящий в пятерку самых близких Дэну приятелей, находящийся сейчас за границей и играющий в одной очень популярной рок-группе, приехал в Россию инкогнито с коллегой-музыкантом. И умудрился зимой, в минус тридцать пять, забуксовать посередине дороги из-за сильнейшего снегопада. Эвакуаторы, у которых работы было немерено, обещали приехать только утром, поэтому Смерчу и Черри пришлось гнать полночи по заснеженным дорогам, чтобы забрать застрявших и замерзших парней. Зато американец по имени Марс вволю насмотрелся на бескрайние пейзажи России-матушки, ее погодные условия и некоторые национальные особенности, а после заявил, что еще раз приедет в эту страну. Кстати, этот же друг-музыкант в шутку называл Смерча добрым волшебником, мечтающим глубоко в душе стать властелином зла.

В общем, Дэну пришлось ехать в город. И он уцепился за звонок троюродной сестры как за хороший повод покинуть это место.

Недолго думая, часто немного безрассудный, Дэнв целомудренно поцеловал Нику в лоб, едва не заставив ее нервно засмеяться, и сказал ей так, словно обращался к плюшевому медвежонку:

– Мне нужно ехать, моя сладкая малинка. Не грусти без меня, слышишь? У друзей проблемы.

– А ты-то при чем?

– Должен помочь, они меня ждут. Так, Ника, – произнес он, склонив голову набок, –

отсюда бывает сложновато уехать. Возьми мой номер, и когда соберешься домой, позвони мне, я вызову тебе безопасное, хорошее такси. Вот деньги.

– Не стоит, прекрати, – тут же удивленно отозвалась девушка, поправляя задравшееся изумрудно-зеленое платье. То, что парень не бросает ее просто так, только разозлило – ведь она увидела еще одну положительную черту в облике этого обаятельного синеглазого брюнета! И как она его сможет теперь назвать скотиной, к примеру?! – Дэн, а ты едешь в город, да?

– Да, Ника.

– Можно, я поеду с тобой? – вдруг спросила она.

– Конечно, – рассмеялся он, подавая руку, чтобы Ника встала с дивана. – Тогда за мной, у нас мало времени.

Они почти выбежали из комнаты – двигался парень очень быстро и порывисто, как ветер. На ходу Дэн позвонил Черри, выслушал пару nepотpeбных выражений на свой счет, и сообщил, что уезжает на джипе, а взамен пришлет чуть позже кого-нибудь с машиной, чтобы та забрала нетрезвых друзей из клуба. Тут же набрал по памяти чей-то номер и договорился с каким-то парнем об этой услуге. Позвонил второму сегодняшнему другу, сказав, кто приедет за ними и напомнив о приятеле, который спал в оставленной ими комнате. Затем сделал дозвон еще на чей-то номер – но там Смерчу так и не ответили.

Ника только поражалась деятельному Дэну. Буквально за пару минут тот умудрился решить сразу несколько проблем.

Уже около входа ее спутник, от которого она тихо млела, жестко ругая себя за это, вдруг пригляделся, без труда пробрался сквозь толпу уезжающих ребят, явно вступивших в близкое знакомство с каким-то веществом, и хлопнул по спине парня чуть ниже его ростом, одетого в модный, но неброский клубный пиджак и черные джинсы.

– Никита? – даже с каким-то задором спросил Дэн. – Какая встреча!

– Здорово, – пожал ему руку тот, удивленно глядя на Смерча.

Ника тут же подметила, что вроде бы этот симпатичный парень со светло-русыми волосами и слишком уж равнодушным ко всему взглядом серых внимательных глаз не пьян как и Дэн, что странно. Он показался ей абсолютно трезвым и вменяемым человеком, от которого просто-таки несло каменным спокойствием. Конечно, потом ее мнение резко изменилось, и произошло это очень даже внезапно.

На стоянку, окутанную солнцем, они вышли вдвоем, где Дэн мельком познакомил Нику и Никиту.

– Не ожидал тебя здесь увидеть. Часто заводишься в «Венере»? – спросил Смерчинский. Он и не думал встретить этого человека здесь. Да и не думал, что этот вежливый и правильный с виду парень будет зависать до двух часов пополудни в клубе. Дэн все больше и больше хотел поговорить с малышкой Ольгой.

– Нет. Не признаю клубы. У друга сегодня была днюха, пришлось приехать. Я не любитель таких мест, – вдумчиво отвечал Никита. – Вчера мы с Ольгой решили не... беспокоить вас, когда вы остались под дождем. Оля решила, что будет лучше, если мы уйдем. А я не хотел, чтобы она промокла и простудилась.

– Как мило с вашей стороны, – улыбнулся ему Дэн. – Кстати, ты правильно делаешь, что заботаешься о ней. Поверь, она того стоит.

– Я знаю. У меня в отношении Оли серьезные намерения.

Смерчинский кивнул в ответ, заметил, как Ник что-то ищет глазами, и тут же спросил:

– Подвезти?

– Было бы неплохо, – вымученно улыбнулся парень. – Никак не могу дождаться друга. А ты почему уезжаешь?

– Мне позвонили и сказали срочно, – объяснил брюнет. – Случилось, наверное, что-то.

– Помощь нужна? – вдруг предложил Ник. Дэн внимательно посмотрел на него, изучая. – Если что, я могу помочь.

– Думаю, я сам справлюсь.

Дэнни выключил сигнализацию джипа, галантно открыл дверь перед Никой, кивнул Нику, чтоб тот садился вперед, пристегнулся и завел автомобиль. Тот плавно двинулся к выезду.

– У тебя есть машина? – спросил Смерч, уже выезжая на пустую трассу и включая кондиционер – в нагретом солнцем салоне было душно.

– Нет, – отозвался Ник с полуулыбкой, – есть только права, машины пока нет. – А это твой зверь?

– Не-а, Ник, я байки больше люблю. Это чужой. Друга.

– Хорошая тачка. «Jeep Commander»? – продолжал осматриваться внутри салона в три ряда Никита.

– Ага, точно, прошлого года выпуска, – отвечал Дэн.

Ника заметила, что хоть парень и сильно спешил на встречу с неведомыми друзьями, все равно выглядит спокойно и собранно. Его холодный друг тоже был спокойным, но активно Нике не нравился.

– Хороший разгон у машинки. И подвеска мягкая. Всегда думал, что, наоборот, жесткая. Сколько здесь литров в двигателе?

– Рабочий объем пять и семь, мощная тачка. Триста двадцать шесть «лошадок», – вспомнил Смерч слова хвастающегося приятеля, хозяина джипа. Совершенно некстати вспомнились «важные» слова друга о том, какое его авто вместительное. – И пятнадцать вариантов размещения пассажиров и багажа.

– Занятно.

– Сиденья быстро расправляются – почти мгновенно. Но если третий ряд расправить – для багажника места почти не будет.

Ника даже уснула ненадолго, пока парни обговаривали все технические характеристики черного авто-гиганта.

– Как у вас с Ольгой вчера прошло, кстати? – осведомился Денис, стоило только Кларскому замолчать.

– Все прошло хорошо. – Он только улыбнулся, словно бы подтверждал улыбкой, что у них действительно все было отлично. – А у вас?

– Превосходно. Просто отлично. Романтично. – Тут же вспомнились Дэну поцелуи под дождем. Он тогда прошептал Маше о том, что за много лет это первый раз, когда он рад дождю – по-настоящему рад. И он не лгал.

– А почему ночь ты провел не с Марией, а с этой девушкой? – спросил вдруг Ник и пристально взглянул на Дениса. Тот со смехом понял, что Кларский, правильный мальчик, его осуждает. Но совсем ли он правильный мальчик?

– Так вышло. У нас ничего и не было. Просто были в одной компании, а теперь вместе едем домой. А Ольга, – мелькнула в синих глазах смешинка, – знает, что ты сам всю ночь и утро провел в «Венере»?

– Весьма смутно, – отозвался Ник несколько натянуто. – Давай оставим втайне от наших девушек то, где мы провели сегодняшнее темное время суток, Дэн? Не скажу, что я делал что-то... предосудительное, но не хочу, чтобы Оля знала. «Венера» – не лучшее местечко.

– Легко, – тут же согласился Смерч. Его персональная крылатая Вина захохотала, захлопав крыльями так громко, что Ника проснулась.

– Что легко? – спросила сонно она с заднего сиденья. – Мы скоро подъедем?

– Да, мы уже в черте города, – кивнул Дэн.

Ник просто промолчал. Он и светловолосая девушка в зеленом платье не обращали друг на друга ровно никакого внимания, даже парой слов не перекинулись, хотя ей вдруг на какое-то мгновение показалось, что это, должно быть, забавно: в машине сидят девушка и парень с похожими именами. Ника никогда не встречала Ников. Никит – да, а вот Ников...

Под разговоры Дэна и Ника все о тех же автомобилях они подъехали почти к самому кафе – Кларский едва разглядел глупую сине-желто-оранжевую вывеску через густую сирень. Девушка, впрочем, тоже. Однако спрятанная вывеска не была поводом для того, чтобы в кафе находилось мало посетителей. Напротив, их было очень много, а дорога перед входом была заставлена не только автомобилями, но даже и мотоциклами.

– Ника, сейчас я разберусь с проблемами и довезу тебя прямо до дома, – пообещал напоследок Дэн. – И тебя, Ник. Ты же на Пристани живешь?

Тот только кивнул.

– И я тоже там живу, – тут же встряла девушка.

– Отлично. Сидите, ребята. Включите музыку, если что, поколдуйте с кондиционером, – улыбнулся им на прощание Смерчинский, выпрыгивая из огромного внедорожника.

– Может, мы сами доберемся? – спросил Ник вежливо.

– Все в порядке, доставлю вас в лучшем виде. Просто подождите немного, – отозвался Дэн.

Ника тут же неосознанно поставила еще один плюсик напротив его образа в голове.

«Я знаю его меньше десяти часов, но он уже кажется идеальным. Это неправильно!» – подумала про себя девушка. На самом деле она мечтала об идеальном принце – как и миллионы других, и ей казалось, что она нашла его, того, с кем сможет быть счастлива.

Безразличный Никита, казалось, поймал ее мысли, ухмыльнулся и потянулся, разминая затекшие мышцы спины.

Инга встретила Дэна около самого кафе, взволнованная так, словно единственная знала правду о начале третьей мировой войны и о том, где находятся надежные бомбоубежища. Дальний родственник быстрым пружинистым шагом подошел к ней и тут же потребовал объяснений. В его синих глазах, становящихся необычайно яркими на солнце, горели тревожные огоньки.

– Дэнка! Вот ты где! – взвизгнула длинноволосая девушка, чуть не запрыгав вокруг парня. – Быстрее!

– Что случилось? – посмотрел на стоявшего тут же Ивана Дэн, обмениваясь с ним рукопожатиями, и тут же стал выслушивать гневные слова Инги о том, что в этом кафе ему, Дэну, «нагло и коварно изменяют»!

– Боже, какой ужас, – хмыкнул молодой человек, поняв, что ничего ужасного не случилось. – Кто посмел?

– Кто? Как кто? Дэнни, это же твоя Маша сидит и изменяет!

– Чип? Изменяет мне? – засмеялся ее кузен звонко на пол-улицы и даже по колену себя

хлопнул. – Инга, ты что? Мой Чип сейчас сидит дома.

– Вы оба считаете, что сидите по домам, – насупилась та. – Сам-то где был? Выглядишь пожеванным.

– В клубах.

– Всю ночь?

– Еще и весь этот день.

– Не спал?

– Нет.

– Ну ты и дурак, Дэн. Так... побоку это. Что ты будешь делать с Марией своей? – уперла руки в боки принципиальная девушка.

– Ничего. А она нашла кого-то себе? Какая Чип прыткая. – Дэну не верилось, что Мария действительно «изменяет» ему. Заявление сестрицы его только развеселило.

– Нашла! Это ее одноклассник. Я его узнала, – отозвалась Инга важно. – Иди и разбирайся с ними. Борись за свое счастье!

– Борюсь. Надо же, Чащин активизировался, – потер подбородок парень. – А, пусть дети развлекаются. Слушай, меня люди в тачке ждут, мне пора.

– Она твоя девушка! – воскликнула Инга.

– У нас свободные отношения, – зевнул ее троюродный брат. Опять его потревожили из-за ерунды. – Ладно, я пошел.

– Ты куда? – разочарованно возопила Инга. И даже флегматичный Иван вопросительно уставился на друга.

– Пусть Маша развлекается, – устало отозвался тот. – Думаю, она просто встретилась со своим другом. Не делай из ничего трагедию. – Он мягко улыбнулся сестре, не зная, то ли сердиться на нее за то, что она оторвала его от дела и заставила волноваться из-за какой-то чуши, то ли благодарить как раз за то, что оторвала. – Все хорошо.

– Никакой он ей не друг. Маша твоя для него разрядилась, как на парад!! Ты бы ее видел! Платьице – во, – махнула ребром ладони Инга, обрисовывая в воздухе предполагаемую длину платья Бурундуковой.

– Чип в платье? – расхохотался еще громче Дэн. – Невероятно!

– Не веришь? Вот, смотри, фото, – показала длинноволосая ему не слишком качественное, слегка размазанное фото с изображением Маши и Димки, наклонившегося к ней и закрывающего ее лицо.

– Что это? – вгляделся в экран мобильного парень. – Это вообще кто?

– В голубом – твоя великолепная Машенька. Не признал? Иди, посмотри, она как раз таки одета – в коротенькое платье. А это ее друг. И они целуются! – обличающе произнесла Инга.

Вообще-то Смерч хотел сказать, что, может быть, они вовсе и не целуются, может, Дима просто наклонился к Маше, но неожиданно ему на плечо положило когтистую лапу еще одно из его личных чудовищ – Ревность. Безумная полупрозрачная женщина с сумасшедшим взором алых белков без зрачков, худыми ладонями с невероятно длинными когтями, острыми белоснежными клыками и темно-бордовыми губами, светящимися на миловидном бледном лице, слегка коснулась губ Смерча. Поцелуй Ревности – что может быть хуже для человека, который влюбляется по-настоящему?

– Где они сидят? – спросил он тихо, все никак не желая признавать, что девушка в платье цвета чистого летнего неба – его Бурундучок.

– В кафе, где еще. В «голубой» зоне. Я покажу, Дэн, – засуетилась его троюродная сестра и поежилась: с реки подуло ветром, и ногам сразу стало холодно.

– Хорошо. Подожди, – вдруг сообразил парень, что около кафе находится его небольшой компромат – Ника. Он открыл дверь автомобиля, в котором без него царило молчание, улыбнулся Нике и попросил сидевшего там парня вылезти наружу.

– Все в порядке? Помощь нужна? – спросил Ник тут же, оказавшись рядом со Смерчинским.

– Все в порядке, это личное. Сейчас... разберусь. Ник, будь другом, уведи куда-нибудь эту девушку, – попросил самым серьезным тоном Смерч. – Похоже, у меня намечается встреча с моей милой Марией, присутствие Ники будет немного лишним. А мне нужно доставить ее домой, потому что в «Венеру» ее увез я.

Никита, секунду поколебавшись, кивнул. Он не любил быть должником. А то, что Дэн самовольно взвалил на себя ответственность по поводу светловолосой Ники, ему даже пришлось по душе.

– Я отгоню тачку на противоположный конец улицы, мы посидим там. Я присмотрю, чтобы она не помешала тебе, – кивнул Кларский Денису.

– Спасибо, брат, – хлопнул его по спине тот. – Выручаешь!

И, вручив ему ключи от автомобиля, брюнет скрылся в дверях кафе, последовав за молчаливым Иваном и торжествующей Ингой.

Ник только головой покачал. Дэн умел заставить работать на себя всех окружающих, и делал это с непринужденной легкостью и даже шармом – он признавал это, хотя Кларскому и не нравилось, когда им манипулируют.

Он сел на переднее сиденье и завел машину. Дэн водил очень плавно, Никита, напротив, резковато.

– А Дэн где? – с беспокойством спросила у него Ника, глядя, как Смерч вновь скрывается в дверях кафе. – Мы куда едем-то?

– Отгоню машину подальше. Он сейчас решит свои проблемы и вернется, – отозвался Никита сухо. Ника ему не то чтобы не нравилась, но он оставался к ней совершенно равнодушен. Ему вообще редко нравились девушки, но если это все же случалось, тогда он испытывал сильные чувства. Девушка с похожим именем, перелезающая прямо на ходу на переднее сиденье и задевшая его пару раз то локтем, то боком, совершенно не цепляла его, скорее несколько нервировала.

Минут десять или пятнадцать они сидели в автомобиле в молчании, взаимно друг друга игнорируя, тишину разбавляла лишь музыка, играющая по радио. Достав из сумочки косметичку, Ника придирчиво поизучала собственное лицо в маленькое прямоугольное зеркальце с изображением игривой кошки на крышечке, попудрила носик, провела блеском по всегда и без помады красным губам, краем глаза заметив, как скользнул по ней не самым приятным взглядом ее спутник, предпочитающий молчать. Девушка фыркнула про себя – ну и тип. Неприятный.

Потом Нике надоело это однообразное ожидание. Обычно она была веселой и жизнерадостной, со всеми находила общий язык и умела быть душой компании, но из-за последних событий стала озлобленной на полмира.

– Включи что-нибудь приличное, – сказала она слегка раздраженным тоном.

– Что? – повернулся к ней парень.

– Что угодно, эта долбежка надоела еще в клубе, – отозвалась Ника.

Никита ткнул в кнопку на панели управления, и в салоне заиграл шансон: печальная песня о тяжелой воровской доле в местах не столь отдаленных.

– Это тоже выключи, – поморщилась девушка тут же. – Эй, парень, переключи, слышишь?

– Слышу.

– Я хочу другую музыку. Найди что-нибудь стоящее по радио. Нет, лучше включи диск какой-нибудь.

– Я тебе не прислуга, – огрызнулся Ник, вообще не обращающий внимания на музыку и думающий о чем-то своем.

Светловолосая шумно выдохнула и состроила скорбную мину, показывая всем своим видом, что она думает о парне, сидящем сейчас за рулем.

– А я тебя и не называю прислугой. Переключи, пожалуйста, этот тюремно-воровской бред, – твердо сказала она, думая о том, какой же Дэн по сравнению с Ником милый. Пожалуй, ее тон был грубоват, а «пожалуйста» звучало вовсе не вежливо, а насмешливо.

– Тебе надо, ты и переключай, – даже не пошевелился Ник. В отсутствие Дэна он стал еще более холодным и равнодушным, не считая нужным вести себя вежливо при девушке легкого поведения. А именно такое мнение сложилось у него о спутнице. К тому же она не являлась его одноклассницей или хорошей знакомой, чтобы он вел себя прилично и тактично. Всего лишь была одной из тех, с кем, или кто-то из его друзей развлекался этой ночью. Той, кого в народе называют не слишком приятно и тактично.

– Так радио около тебя находится. – Нике же парень казался не только черствым, но и донельзя скучным и высокомерным типом.

– Не мои проблемы.

Светловолосая девушка попробовала перегнуться через недовольного чем-то Ника, только он отстранил ее от себя, сказав:

– Без объятий. Сиди спокойно.

Ника одарила его нелестным взглядом и только фыркнула.

– Ну ты и козел, парень. Я пойду, наверное, к Дэну.

– Сиди, – холодно отвечал ей Ник.

– В смысле – сиди? – тоже придав голосу необходимого льда, спросила Ника. – Мне надоело с тобой сидеть, умник.

Девушка попробовала открыть дверь, но Ник, который прекрасно ориентировался в управлении этой большой машиной, заблокировал тут же все двери. Было бы очень интересно посмотреть, как Маша и эта стервочка будут ругаться из-за Смерчинского, если вторая прибежит в кафе, но обещание он нарушать не собирался.

– Дверь мне открой! – не на шутку рассердилась Ника.

– Нет. Сиди, жди.

– Ты это своей собаке говори, урод, – начала в открытую хамить Ника. Она редко хамила, но этот парень ей очень и очень не нравился. – Я говорю, дверь открой, ты идиот, что ли?

– Сиди.

– Тупоумием не страдаешь? Открой.

Ника занервничала.

– Разблокируй двери!

– Я же сказал, заткнись, детка, – раздраженно бросил ей Ник. Если бы в эти минуты его

видела бы Чип, она бы обрадовалась, что вроде как успела разлюбить кажущегося ей элегантным и вежливым парня до того, как стала свидетельницей этой не совсем приятной сцены.

– Ты кто такой, мальчик, чтобы мне так говорить? – никогда не страдала отсутствием смелости его собеседница.

– Какой я тебе мальчик? – оскалился вдруг Кларский. – Следи за словами.

– Да пошел ты.

И они с каким-то мазохистским удовольствием принялись ругаться. Девушка пригрозила, что вызовет сейчас полицию, а лучше своих крутых друзей, которые ему, слабаку, наkostenяют. Таких друзей, конечно, не было, но очень уж хотелось поставить зарвавшегося придурка на место.

Кларский, не выдержав, через пару минут вдруг развернулся к девушке лицом – от его взгляда она даже замолчала, – схватил ее за плечи, резко тряхнул и сквозь зубы произнес слова угрозы, близко наклонившись к ней. Ника тут же поняла, что от парня волнами исходит не равнодушие, а хорошо скрываемая злость:

– Если ты сейчас не закроешь свой очаровательный красный ротик, маленькая дрянь, ты очень пожалеешь. Я тебя... – ему вдруг пришло в голову, что светловолосая будет забавно сопротивляться, если он ее поцелует. Наверняка станет смешно бить его кулачками по плечам и по груди и сжимать до боли зубы. Может, тогда поймет, что стоит опасаться незнакомцев? Не все такие добрые, как он. И не стоит так призывно красить губы, на которых сейчас так заманчиво сияет блеск. Ник наклонился к Нике так близко, что она даже его дыхание почувствовала на своей щеке и дернулась в сторону. Какого ему надо? Что он делает?

Она в панике попыталась высвободиться из его рук, но у Никиты хватка была поистине железной – у нее ничего не получилось, только чуть не стукнулась своим лбом о его лоб. Тонкие губы Кларского, решившего немного проучить эту вызывающую девицу, которая специально задрала свое платье так высоко, растянулись в легкой неприятной улыбке. Девушка оцепенела, испуганно глядя не на Ника, а в сторону.

Третий раз за последние часы телефонный звонок помешал Нике поцелую с парнем, которого она только-только узнала. Только первые два раза она страдала от этого, а третий должна была радоваться, да только даже и не поняла, какие мысли кружатся в светло-русой голове симпатичного молодого человека с очень жесткими пальцами, властно впившимися в ее плечи.

Он медленно убрал руки, и Ника вздохнула. Ей было не по себе, а еще она чувствовала злость. Да как он посмел?! Еще и дурацкое платье так сильно задралось – и она поспешно дернула вниз тонкую сочно-зеленую ткань.

Едва глянув на номер, отобразившийся на экране, Ник очень нехорошо посмотрел на замершую девушку и сказал ей:

– Если ты хоть слово произнесешь, пока я буду разговаривать по телефону, ты очень пожалеешь. Поняла?

И Ника, испугавшись его взгляда, только кивнула. В душе она несколько раз успела обозвать грубияна нецензурными словами. Ей вдруг пришло в голову, что это вообще очень странно – познакомиться с таким неменяемым кретином в совершенно чужой машине! Поскорее бы Дэн пришел! Спас ее, что ли...

– Привет, милая, – улыбнувшись по-особенному, почти по-доброму, вдруг сказал в трубку

Никита, а Ника едва не подавилась от изумления. – Нет, я не дома. Вышел в магазин. Да, конечно. Как твое настроение? Ты не сможешь сегодня? – с грустными нотками в голосе спросил молодой человек, и теперь его невольная соседка по салону авто едва не расхохоталась – она и не думала, что этот гнусный тип может выглядеть печальным. – Олечка, все в порядке. Я понимаю, что ты готовишься к зачетам. Хорошо, целую, милая. – Кларский даже улыбнулся, услышав ответ звонившей. – До встречи в универе. Ты все сдашь, девочка моя, не переживай. Я знаю, какая ты у меня умная. Пока, я позвоню тебе вечером.

– Какие сюси-пуси, – сказала тихо Ника. Она и не подозревала, что у этого индюка есть девушка, с которой он будет так ласков, этот двуличный подонок, обозвавший ее дрянью.

– Что ты там промяукала? – склонился к ней Ник. Эта глупая девица его раздражала. – Я же попросил тебя заткнуться. Помнишь?

– Я говорю, я хочу пить, – соврала вдруг девушка, высматривая Дэна. Его друг – настоящий осел!

– А я хочу в сауну или массаж, – поднял на нее свои светлые глаза Ник. – Что делать будем?

– Купи мне что-нибудь попить? В машине ничего нет.

– Потерпишь, – не собирался выполнять ее прихоти Ник. Ему вдруг стало приятно мучить светловолосую обладательницу красного блестящего ротика.

Она откинулась на спинку сиденья и скрестила руки на груди, но спорить больше не решалась.

– Ладно, сиди в тачке. Не уходи, – вдруг сказал ей Никита. – Ну, ты и не уйдешь, – добавил он со смехом, – я тебя здесь закрою.

И он действительно это сделал, вновь напугав девушку, которой вдруг показалось, что ей придется сидеть в этой чужой машине весь день!

Но, честно говоря, Ника оказалась не только пугливой, но и очень мстительной девушкой с уязвленным самолюбием. Как только ее оппонент покинул машину, она схватила его оставленный мобильник, нашла номер последнего входящего звонка, записала его в свой телефон и довольно хмыкнула. Раз он так боится, что драгоценная Олечка, которая продинамила его сегодня со свиданием, узнает, что он находится с другой девушкой, то почему бы не позвонить через пару дней этой Оле и не представиться, к примеру, какой-нибудь подружкой Никиты, раз он ей так нахамил?

Ник, не подозревая о коварных планах девушки, вернулся с двумя банками газированной воды и одну небрежно кинул Нике.

– Что, я тебе нравлюсь? – сама не зная зачем, спросила она. – Даже попить купил.

– Безумно, – вдруг рассмеялся парень, уже не так зло. Видимо, прогулка пошла ему на пользу. – Я люблю другой тип девушек. Шумные, крикливые, капризные – это не мой типаж.

– А я такая? – открыла банку Ника.

– Ага. Только в тебе есть еще и стервозность, девочка. Мне это не нравится. Да, и что-то я не слышу: «Спасибо, Никита», – замою любезность.

– Спасибо, Никита, за твою прекрасную любезность, – послушно повторила она, точно решив позвонить его девушке.

– Тон попроще сделай, – вновь начал сердиться Кларский. – Решила меня еще позлить?

– Спасибо, Никита, – послушно протянула его спутница. – Спа-а-асибо за...

– Это... что? – вдруг взгляделся в лобовое стекло Ник и даже вперед подался.

Ника последовала его примеру и перевела глаза в ту же сторону.

– Вау, разборка намечается.

«И без тебя, козел, беги к ним, а то непорядок», – добавила про себя она.

– Ой... Что это они? – вдруг разглядела она действующих лиц.

– Хотят повеселиться? – сам у себя спросил Никита.

Из кафе «Ледяное и сырное чудо» медленно и уверенно выходили четверо крепких парней в кожаных косухах с заклепками, шипастых украшениях и тяжелых ботинках. Следом за ними появились Дима, Дэн и еще один парень в очках, похожий на компьютерного зяблика. Лица у всех этих людей были не самыми доброжелательными, и, кажется, они обменивались резкими репликами, явно готовясь к чему-то более жаркому, чем просто разговоры.

Глаза Никиты еще больше расширились, брови приподнялись. Он удивленно склонил голову набок, оценивая ситуацию и участвующих в действе людей. То, что сейчас будет что-то интересное, он нюхом чувал. Иногда ему говорили, что у него есть хорошее чутье на драки.

Кстати, господа Чашин и Смерчинский и их слабый с виду дружок были не одни. Перепуганной одnogруппнице Ольги и Димы по имени Маша, в руку которой вцепилась испуганная белобрысая девица, путь из кафе преграждал еще один здоровый парень с растрепанными волосами, собранными в хвостик. Девушки застыли перед ним, правда при этом, как мог видеть Ник, первая, то есть Бурундукова, что-то без устали кричит. Позади девушек торчала еще одна представительница женского пола – миниатюрная брюнетка в зеленом. Кто она и кто такая белобрысая, Ник не знал. Ему было, как говорится, фиолетово.

Судя по всему, назревал серьезный конфликт, который мужики из вневедомственной охраны решат только через пять – десять минут, в зависимости от того, где сейчас находится ближайшая машина – если их, конечно, сразу же вызвали официанты. Если же вызвали только ментов, то надо было приготовиться к тому, что ждать их можно бесконечно долго, а патрулей поблизости в этом тихом райончике Ник пока не наблюдал.

– Вот черт, и на кого они нарвались? – хлопнул с силой по рулю ошеломленный Никита, чуть подумав, вытащил ключи из зажигания, машинально, а может быть, и нет, засунул их в карман брюк, выбрался из джипа, кинув Нике пару скупых слов, чтобы она оставалась в машине, стянул зачем-то пиджак, случайно кинув его прямо в обалдевшую девушку, и побежал к арене разворачивающихся военных действий.

Четверо на четверых куда справедливее, чем четверо на троих, не так ли?

По крайней мере, так считал сам Кларский. Он видел, как Дэн и Дима продолжают препираться с парнями в брутальном то ли рокерском, то ли «металлическом» прикиде. Ник не слишком сильно разбирался в субкультурах, да и вообще не слишком любил их многочисленных представителей. Однако первому по лицу двинули почему-то не им, а скромно молчавшему парню в очках – да так, что он упал на асфальт под вопли девчонок, путь которым до сих пор преграждал еще один парень в кожанке.

На самом деле Никита Кларский с детства ненавидел драки.

Ника во все глаза смотрела на начинающуюся драку. Она уже было вылезла из автомобиля, как телефон в пиджаке Ника зазвонил. Девушка машинально достала его, не отрывая взора от того, как один из высоченных парней с длинными волосами сцепился с незнакомым ей парнем, вышедшим вместе с Дэном, и как последний тут же, и сам защищаясь от противника, бросился на помощь другу.

– Никки, – раздалось в трубке раздраженное и грубоватое. – Ты где, придурок? Все в «Венере» сделал? Уладил траблы, олень?

– А? – проговорила Ника в трубку. – Вы кто?

– А ты кто? – мигом насторожилась трубка.

– Я – Ника.

– Оу, да хоть Петунья Васильевна, – хохотнул обладатель грубоватого голоса. – Где Ник, девочка-припевочка?

– Дратся ушел только что, – честно призналась девушка, видя, как Ник подбегает к компании любителей решать дела при помощи физической силы и с ходу умудрился повалить одного из рокеров. Двигался он на удивление грациозно, как тигр, попавший в засаду к охотникам.

– На стрелку, что ли? – удивилась трубка и грязно выругалась. – Где?

Ника послушно назвала адрес, глянув на угол ближайшего пятиэтажного здания. Хотя она и сидела в машине, ей все равно было страшно.

– Обалдел малой, уже в центре разборки устраивает, – зло произнес молодой мужчина. – Тут ребята поблизости есть, через пару минут подкатят, подсобят. Эй, девочка, – вдруг позвал он Нику, которая совсем не понимала, что происходит. Голос его стал мягче. А интонации обольстительнее, как у притворившегося котенком тигра.

– Что?

– Ты подружка малого?

– Чья подружка?

– Никки, чья. Он обычно ба... женщинам свой телефон в руки не дает, значит, ты его подруга. Я ведь знаю, что у него в последнее время кто-то появился. Как бы он ни скрывал это от меня. – Голос даже потеплел отчего-то и показался девушке интересным. – Не бойся, хочу с тобой познакомиться. На неделе организую.

Ника пробовала протестовать, но незнакомец бросил трубку. Она выбралась из машины, не выпуская из пальцев пиджак Ника, в который обратно засунула мобильник, громко хлопнула дверью и зачем-то помчалась к месту основных действий, видя на лицах некоторых из участников нежданной драки кровь.

Никита, фаталист с задумчивым взглядом и руками со сбитыми костяшками, хоть и верил в судьбу, но никак не мог предполагать, что она преподнесет ему один забавный сюрприз. О том, что его старший брат желает познакомиться с его первой официальной избранницей, парень узнал только в тот самый момент, когда этот самый брат привез Нику к ним домой. Произошло это почти через неделю. Правда, до этой встречи со многими участниками этой истории.

– Не ходите за мной, посидите за своим столиком. Я сам во всем разберусь, – сказал Дэнни Инге и Ивану.

Девушка, которая хотела пойти обличать подлую Машу вместе с братом, возмутилась, но Иван, глянув на серьезного и немного потерянного друга, взял ее за руку, оттащил за столик и даже заказал ей еще мороженое.

Ревность улыбнулась жутковатой улыбкой и взяла Дэна за руку. Они беззвучно подошли к нужному столику, оставив позади нервную Ингу и нахмурившегося Ивана, которым было действительно жаль друга, и остановились в паре метров от Чипа и Чашина.

А они не видели темноволосого и его полупрозрачную безумную спутницу, болтая о чем-то своем, тогда как сам Смерч мог наслаждаться довольно милой картиной. И со стороны они действительно казались парой: парень в стильной рубашке, с доброй,

искренней улыбкой, сидящий напротив веселой симпатичной девушки в лазурно-голубом одеянии, открывающем стройные ноги и точеные, еще не загорелые плечи.

Маша сидела в полуанфас к Дэну, не замечая его и болтая ложечкой в вазочке с растаявшим мороженым. Косметика, украшения, милая прическа, босоножки – все это Дэн впервые видел на этой взбалмошной девчонке, которая частенько напоминала ему подростка. Она вела себя, как большой ребенок, и он старательно подыгрывал ей, потому что так было намного проще общаться. А как и с кем нужно правильно общаться, знал, наверное, не сам Дэн, а его подсознание, или, может быть, ДНК.

Молодой человек, не отрываясь, с внезапно нахлынувшей из солнечного сплетения нежностью, не слишком ему свойственной в последние пару лет, зачарованно смотрел на обладательницу голубого платья. Казалось, новый образ придал девушке изящество, которое раньше можно было принять за спортивность, задорность и в то же время кокетливость. Не явное и пошрое, присущее многим представительницам слабого пола, а то самое, которое так ценил в девушках Дэн: очаровательное, может быть, слегка неумелое, легкое, похожее на касание взмахивающей крыльями бабочки.

К тому же цвет платья пробуждал в душе Смерча давние, изумительные воспоминания, которые многие посчитали бы сентиментальным идиотизмом, а сам Денис бережно хранил. Ланде говорил ему, что он похож и на Петрарку, и на Данте – но не умением складывать божественные рифмованные строки, а умением ожесточенно (отдавая всего себя, в первую очередь) любить – умением не модным, не актуальным, практически неприсущим сверстникам парней. Но все же имеющем место даже в нашем мире и в наше время. Лазурный цвет очень о многом говорил Дэну – так уж получилось.

Наверное, в его взгляде было что-то особенное. Бабушка с тремя внуками-близняшками, сидевшая за соседним столиком, только головой покачала, увидев немигающие глаза красивого парня с темными волосами, и сообщила невестке, с которой ехидно беседовала по телефону:

– Вот, Карина, послала ты нас с детьми в это твое хорошее кафе, а тут наркоманы. Какие наркоманы? Откуда я знаю, какие. Вероятно, разные. Тот, что передо мной стоит, – красивый и молодой. Взгляд стеклянный! Хоть сам собой хорош, что есть, то есть. Где остальные наркоманы? Ну, знаешь ли, дорогуша, я за ними не смотрю. Где судьба их разброса... А-а-а, вон они как раз сидят, – заприметила пожилая женщина пятерых шумных молодых людей очень и очень неформального вида, сидевших в дальнем углу синей зоны. – Увидела. Другие, Карина, наркоманы волосатые, в кожаных отвратительных одеждах и мерзкие с виду. Мы сейчас с детьми докупаем и пойдем в Музей естествознания. Хоть бабушка займется их воспитанием. И больше мы в это твое «Чудо» ни ногой.

Дэн не слышал разговор почтенной леди в возрасте со своей невесткой. Он до сих пор не мог заставить себя отвести взгляд от Бурундука. Нет, Чипа. Вернее, Марии. Его девушки, в конце концов! А почему бы и нет? Он часто думает о ней, и хочет проводить время с ней, а не с... скажем, Никой. К тому же все вокруг, включая собственного деда, думают, что он влюблен в Бурундучка.

Но почему она сегодня так выглядит? Специально для несчастного влюбленного, а это не было огромной тайной для проницательного Смерча. С каких пор девочка одевается, как на лучшую и самую ожидаемую вечеринку в городе, ради одноклассника, который всегда оставался в ее френдзоне? А что не замечала – Денис был уверен. Для нее существовал иллюзорный Ник, а потом появился он сам, господин Д.О. Смерчинский, во всей своей красе

и вооруженный всем своим харизматическим убойным набором.

Ей совершенно точно нравилось прикасаться к нему (вчера Бурундучок вцепилась ему в плечи так сильно, что Дэнни стало немного больно, но все равно было невообразимо приятно чувствовать ее руки на себе) и нравилось целовать – парень это не просто чувствовал, он знал это. И сейчас бы он был не прочь забрать преобразившуюся девушку с собой и махнуть с ней куда-нибудь: на берег реки, или к нему домой, или в тот же отель. Уж тогда бы он точно не стал отвлекаться на телефон.

Когда Маша звонко рассмеялась, глядя в лицо довольного Димы, а потом ловко засунула ему в рот кусочек пиццы, в собственническом сердце парня что-то оборвалось. Пожилая женщина только пальцем у виска покрутила: мол, стоит тут уже пять минут, как столб дорожный, и не моргает почти. Даром, что высшие силы его яркой внешностью наградили, дуб дубом.

Ревность вновь коснулась губ Дэна своими полупрозрачными алыми и невероятно холодными губами, как будто бы перед этим целовала могильную плиту, и в его приоткрытый от удивления рот она с особенной нежностью вдохнула серебряное облачко, представляющее собой опасный коктейль чувств, приготовленных Ревностью на досуге. Обида, злость, непонимание, оскорбление, страх... Все это смешалось в серебристом облачке, которое тут же скользнуло в пищевод, подобно глотку воды, а затем оказавшись в желудке, немедленно всосалось в кровь, делая ее все горячее и заставляя густеть. Вскоре все эти эмоции прочно обосновались в сердце, опутывая его светло-серыми нитями, под каждой из которых немедленно образовывался ожог.

Дэн, естественно, не знал, что происходит внутри него, и, по обыкновению, отогнал от себя непонятно откуда взявшуюся злость, и только клыкасто-ушастая Вина, ставшая похожей на помесь совы и летучей мыши с каким-то милым монстриком из адских горнил, видела госпожу Ревность.

А Смерч видел своего глупого Бурундука, внезапно повзрослевшего и еще больше притягивающего его, того, кто и сам был отличным магнитом!

«Иди, – шепнула Ревность ему на ухо и провела когтистой ладонью по его лицу. – Иди».

И он пошел.

Кажется, его появление вызвало за столиком Чащина и Маши настоящий фурор. Они были удивлены – и это слабо сказано! В черных глазах Дмитрия появилась вполне предсказуемая злость, в глазах девушки – опасение.

– Машенька, как ты здороваешься со своим почти что женихом? – сразу обозначил парень свои права на Чипа и дружелюбно, как старому другу, улыбнулся Димке. Дэн, повинувшись шепоту Ревности, тут же захотел поцеловать глупую девчонку, чтобы еще и действием показать сопернику, что вообще-то тот сидит за столиком с его девушкой и поэтому может ни на что не надеяться.

Однако наклонившийся Смерчинский неожиданно получил ложкой по лбу от самой Машки и вновь замер, теперь уже обалдев сам.

Опасение, спрятавшееся в глазах Бурундука, немедленно подтвердилось вербально. Веселым, но напряженным голосом девушка предложила Чащину убегать, а Дэнв привык любое сказанное слово анализировать с точки зрения «в каждой шутке есть лишь доля шутки» и «каждая произнесенная фраза содержит в себе тайные намерения или страхи объекта».

– Маш, тычто несешь? Куда бежать? Лично я – я никого не боюсь, – ответил Дима, не

сводя мрачных глаз с незваного гостя.

– Да я так, Чащин. Я просто испугалась, что Дэн ревновать начнет. Но вовремя вспомнила, что у нас отношения... свободные, – смущенно отозвалась она и широко улыбнулась Денису, недоуменно поднесшего пальцы к испачканным неровным прядям челки.

– А они у вас свободные? Ты не шутишь? – изумился Дмитрий, как маленький мальчик, которому добрый маг продемонстрировал самое настоящее волшебство.

– Нет... – Маша перевела виноватый взгляд на Дэнва и сказала осторожно: – Смерчинский, то есть, милый, прости, у меня рука дернулась.

Пока Маша с интересом и все с тем же смущением, прячущимся в уголках светло-карих глаз, глядела на результат собственных действий, то есть на грязные волосы своего «любимого», Димка взял себя в руки, вытащил из салфетницы ярко-синюю бумажную салфетку с логотипом кафе и несколько небрежно протянул ее Дэну. Тот, не растерявшись, протянул руку для рукопожатия, и Димке пришлось спешно положить салфетку назад для того, чтобы пожать ладонь Денису. А потом вновь подавать этот «дрянной аналог туалетной бумажки», как назвал русоволосый про себя ни в чем не повинную салфетку.

Смерчинский кивнул, уже вполне владея собой, и уселся на один из свободных стульев. Ревность грациозно опустилась рядом, так и не отпустив его руки. Так они и остались сидеть вчетвером.

– Ты здесь откуда? – спросила любопытная Маша. – А?

– Да, – вставил и Димка, – что, следишь за своей девушкой? Не доверяешь? Боишься, что изменит?

– Точно, солнышко, не делай этого. Не изменяй мне. Я расстроюсь и сойду с ума. Тогда твоей доброй душе, котенок, придется действительно быть со мной всю жизнь и кормить с ложечки, – отозвался с дежурной улыбкой «Обаяние № 5» Дэнни.

– Зайка, не называй меня котенком, – кинув смущенный взгляд на Димку, огромными глотками пьющего сок и глядящего в собственную тарелку, произнесла Маша. – Называй меня по имени.

– Было бы круто сказать: хорошо, котенок, но это все же слишком банально. Кстати, я прощу тебя за твою выходку с ложкой только в том случае, если ты подаришь мне поцелуй. Идет?

Смерчинский имел одну очень удобную способность: одновременно говорить и размышлять, анализировать и обдумывать ситуацию или ход действий. К тому же он практически всегда мгновенно принимал решения, какими бы сложными они ни были.

Тут же вспомнился голос, который он слышал в последний раз давным-давно:

«Он такой подвижный! Можно сказать, и телом, и умом! Активный такой, жизнерадостный и о-о-очень любопытный!»

И второй, который навсегда остался в памяти:

«Я не успеваю за тобой, но все равно люблю. Мне идет это платье?»

Денис тут же отогнал от себя некстати залезшие в голову голоса-воспоминания и полностью переключил внимание на Марию. Совершенно некстати перевел взгляд на ее ножки, мысленно вздохнул и положил руки на стол, чтобы ненароком «случайно» не коснуться ее колен.

– Не идет, – заартачилась девушка в лазурном платье, которую ему хотелось обнять, как и вчера, под дождем.

– Или это сделаешь ты, или это сделает он, этот сопляк, – тут же согласилась Ревность,

постукивая когтями по бокалу, в котором плескалась огненная текила.

– Да... Ты сегодня ослепительная, – сказал Дэн, отмахнувшись от Ревности и глядя на Марию с ободрением. – Отличный наряд. Ты и он – гармония. Сама подбирала, Чип?

– С мамой, – покачала она головой, и Дэн теперь убрал руки в сторону, чтобы не коснуться ее волос. Что-то ему подсказывало, что ей не понравится, если он будет портить ее воздушные локоны.

– Скажи своей маме, что у нее замечательный вкус, – только и сказал молодой человек.

– Сам скажешь.

Смерчинский исполнил ее желание этим же вечером. Вера Павловна очень любила комплименты.

– Ты, правда, красивая, как ангел. – Дэн послал Чипу необычный воздушный поцелуй: коснулся губами кончиков своих пальцев, а потом дотронулся ими до ее щеки.

Маша, совершенно неожиданно для нервного Димы, тепло улыбнулась Смерчу.

– Сегодня я сравню тебя с радугой над водой: яркая, появляется внезапно и притягивает к себе взгляды не только яркостью своих цветов, но и их отражением в водной глади, – задумчиво произнес Лаки Бой обворожительным бархатным голосом. – Видишь, до чего ты меня довела: не могу оторвать от тебя взгляда, моя маленькая. Я требую поцелуй!

Чашин только фыркнул.

– На, откушай, – угостила Дэна добрая Маша кусочком пиццы под названием «4,5 сыра», на самом деле преследуя цель заткнуть словесный фонтан Смерчинского, который ее немало смущал. И перед Димкой ей отчего-то было неловко, как будто бы он стал свидетелем слишком личной сцены.

– Спасибо. Но думаю, что я сейчас что-нибудь закажу себе, – отказался парень.

Проходящая мимо него девушка-официантка услышала его слова и тут же оказалась рядом. Дэн по памяти (он пару раз бывал в этом кафе) выбрал себе завтрак, удивив в который раз присутствующих, а Маша, пришедшая в себя, наконец обратила внимание на его слегка помятый внешний вид:

– Чего ты такой уставший, как будто бы мешки с углем таскал всю ночь? И глаза блестят подозрительно. – В голосе ее переплетались интерес и откуда-то взявшаяся абсолютно женская тревога. – Мало спал?

– Много пил? – буркнул Дмитрий, продолжая изучать свою тарелку.

– Он не пьет, – отозвалась Чип тут же, словно в этом была ее личная, бурундуковская, заслуга. – Ну, Смерчинский, алло? Прием!

– Не спал всю ночь, – признался он, глядя на девушку взглядом романтика, понявшего, что он – новый Ромео «Поколения *Next*».

– И что делал? – удивилась девушка, прищурившись и подозрительно уставившись ему в глаза.

Смерчу тут же на ум пришло сравнение Машки и серо-бурого бурундучка, который, заглянув в свою кладовую, обнаружил там в очередной раз пропажу орехов и теперь обеспокоился – кто же его нагло обворовывает?!

Ревность по-мужски сняла и приподняла элегантную черную шляпку с серебряной вуалью:

«Отличное сравнение с девушкой, которая нравится».

– В клубе был, – взглянул на Марию лукаво Дэнв, подперев рукой подбородок. Рассказывать, как и с кем он провел время, брюнет не собирался. Да и спать ему тоже пока

не хотелось. Зато нравилось смотреть на новую Бурундучку, – так, кажется, называла ее Аннет.

– Во-о-от оно что-о-о. – Эта информация не совсем понравилась Марии. – И что ты там делал, котенок?

– Танцевал, рыбка.

– С кем, пушистик?

– Один, ангел мой.

– Точно один, моя прелесть?

– Совсем один, принцесса. Но видел тебя рядом с собой. – Про то, что он видел в Нике ее образ, парень не лгал.

– Ты? И один? Не смейся мои плюшевые панталоны! – скептически искривив губы, покрашенные хорошей водостойкой помадой, ответила Мария. – Да ты со всеми девк... девушками там зажигал. И не только зажигал! Да, умник?

Смерч хлопнул себя по коленке и засмеялся. И даже Димка заржал. Машины слова про панталоны обоих парней изрядно развеселили.

– К этому наряду больше стринги подходят, – заметили они едва ли не хором.

– Молчите, – велела им Бурундукова, сверкнув глазами, как обиженная на хозяина кошка. Ей не понравилась реакция собеседников, вернее, она немного смущала. – Может, вам их еще и показать?

Оба молодых человека действительно замолчали, внимательно оглядели Машку, а потом опять захохотали.

– Психи, – шумно выдохнула она, расправляя на платье несуществующие складки.

Какое-то время Дэн с совершенно честными глазами убеждал отчего-то разгневавшуюся Марию в своей честности. Чащин взял тайм-аут и сидел задумчивый, как Бог перед сотворением мира. Затем к ребятам подошла с подносом официантка. Смерч, по традиции, заказал на всех большую, горячую, только что приготовленную пиццу и десерты. Диму это обозлило, но сдержался и не подал вида.

– Приятного аппетита, – улыбнулась работница «Чуда» посетителям и пошла к следующему столику, за который пришли новые посетители: компания девчонок. Чтобы дойти до них, девушке пришлось идти обходными путями. Дело в том, что в углу, у стойки бара, бушевала небольшая, но крайне заметная компания парней-рокеров. Они размахивали бутылками с пивом и что-то бурно обсуждали не без использования ненормативной лексики. Официантке, которую не слишком трезвые длинноволосые личности успели пару раз хлопнуть пониже спины и отвесить сальные шуточки, не хотелось проходить мимо них вновь.

– Нет, серьезно, как ты тут оказался? – вновь не выдержал Димка. Что-либо есть он отказался, заявив, что сыт.

– А ты как думаешь? – серьезно спросил Дэн и посмотрел на парня, ожидая услышать хоть одну версию.

– Думаю, ты все-таки боишься, что Бурундукова тебя кинет. Да, я так думаю, – с нотками мальчишеского чувства собственного превосходства произнес Чащин. Он вроде бы подтрунивал над Смерчем, но на самом деле говорил то, что думал.

– Забавно. А знаешь, Гаутама Будда, тот самый, который был одним из основателей буддизма, говорил: не доверяйте догадкам. Тем самым, которые фактами не подкреплены, – с удовольствием откусил кусок от пиццы Смерч.

– Да он, наверное, много чего говорил, твой Гаутама, – беззаботно отозвался Димка.

– Много.

– И все не в кассу.

– Может быть.

Чуть помолчав, Дмитрий под Машиным сердитым взглядом добавил:

– Ну, прям как ты, парень. Ты не реинкарнация ли этого Гаутамы?

Вместо ответа на эту реплику Смерчинский по памяти процитировал еще одно древнее индийское высказывание, и делал это с таким непринужденным лицом, будто бы читал стих Пушкина, а не мудреные слова неизвестного восточного философа.

– «Как на куче мусора, выброшенного на большую дорогу, может вырасти лотос, пахнувший сладко и радующий ум, так ученик поистине просветленного выделяется мудростью среди слепых посредственностей, среди существ, подобных мусору». Я в тебя верю, парень, – сказал Дэн, вспоминая строфы из Дхаммапады^[4] и продолжая свой поздний завтрак. Ревность не ела, а сидела рядом, удерживая его за локоть, и парень время от времени бросал на Чипа странные взгляды. По крайней мере, в процессе разговора он выяснил, что она оделась так не из-за Чащина, а из-за вечернего праздника в семье.

– Ты меня с кучей сравнил, что ли? – нахмурился Дмитрий. Ревность с улыбкой заметила, как искра внутри него все больше превращается во всепоглощающую черную дыру.

– Нет, с лотосом, – отозвался Денис. У него зазвонил телефон, и молодой человек, извинившись, встал из-за стола. Он все же не выдержал, подошел сзади к Марии, коварно утаскивающей из его пирожного клубнику, и, легко приобняв ее, поцеловал в макушку. Димка чуть не лопнул от злости, но промолчал.

Головастики млели, дружно изображая радугу, и порывались написать дифирамбы Дэну, к которому тянулись всей своей одной общей душой.

Орел недовольно косился куда-то в сторону четвертого пустующего стула и изредка точно таким же взглядом одаривал синеглазого парня, как будто бы тот был добычей-ящеркой.

А я не знала, злиться мне или радоваться.

Нежданно-негаданно мальчик-ветер порадовал нас своим присутствием. Чуть не довел меня до инфаркта своим, честно признаюсь, эффектным появлением! Он то ли испортил нам дружеские посиделки – по крайней мере, Димыч больше не был таким веселым, то ли, напротив, осчастливил своим присутствием и, конечно же, щедростью. Сердце вроде бы радовалось – вот он, мой личный партнер и все такое, а с другой стороны, я чувствовала, как между ним и Чащиным сгущается атмосфера. Точно так же общались в подростковом прошлом Федька и один парнишка, когда мы все были на дне рождения одной девчонки, которая, по ходу, Федьке нравилась. В конце концов, Федька и этот пацан подрались и уничтожили праздничный торт, бухнув его прямо на именинницу.

Странная ситуация у нас складывается. Нет, правда, как Смерчик тут оказался-то? Случайно пришел или рассказал кто? Неужели случайно кто-то из его дружков заметил и тут же доложил своему «идейному вождю»? Но мы же вроде как ненастоящая пара, значит, Дэн не должен был приезжать сюда. Или он просто и дальше продолжает играть на публику? С ума сойти, коварный какой. И футболка у него такая прикольная, плечи так мило обтягивает. Я вновь едва заметно улыбнулась. Он даже под дождем умудрялся быть теплым и греть меня, как будто бы это не я была его Клубничной феей, а он моей.

Смерчинскому, гаду, кто-то позвонил, и он смылся от нас, не забыв мило коснуться губами моих волос. Я облегченно вздохнула. Честно сказать, я чуть не упала, когда увидела Дэнни над собой. А когда треснула по голове ложкой, у него такой взгляд стал странный, что на мгновение мне показалось, будто у него белки глаз покраснели, а лицо, напротив, побледнело.

Зато... Как я и недавно хотела, он увидел меня в таком наряде, и стыдно признаваться даже самой себе, мне очень понравилась его реакция! Неужели я, всего лишь напялив другой наряд и накрасившись, выгляжу совсем иначе?

– М-да. Принесло же моего любимого нежданно-негаданно. Маша в ауте. Эй, Чашин, у тебя мобила местный вай-фай ловит? – спросила я парня.

– Ловит, – процедил одноклассник сквозь зубы. Недовольный, как индюк, которому подошла очередь почтить вниманием суп, так сказать, изнутри.

– Дай сюда, будем Смерчинскому мстить. Обнаглел уже вконец со своими умными фразочками! Специально их учит, что ли? – И я самым наглым образом отобрала у Димки его сотовый. Залезла в поисковую систему и набрала там что-то вроде «буддистские афоризмы».

– Сейчас что-нибудь умное найдем и тоже покажем, что не лыком шиты. Так, это не то... Это тоже не то... Это заумно... Вот! «Как дождь пронизывает крытый соломой домишко, так и похоть проникает в неразвитый ум», – процитировала я громко одну из найденных фраз. – Запоминайте, Дмитрий. Похоть и неразвитый ум – это как раз про нашего общего друга.

– Мне он не друг, Бурундукова, а тебе парень. – По-моему, одноклассник считал, что я занимаюсь не его защитой, а ерундой.

– Не придирайся к словам, – примирительно отвечала я.

– И как я ему должен про похоть сказать? Спросить, не хочет ли он переп... уединиться с девушкой? – фыркнул парень.

– Да хоть это спроси. Он ответит «да», а ты ему с умным видом эту фразу скажешь, поставишь на место, – отозвалась я. – Она куда круче, чем фраза про помойку и лотос.

Димка внимательно посмотрел на меня, едва заметно улыбнулся не слишком весело и сказал негромко:

– Маша, Маша, глупая ты.

– Наверное. – Я пожала плечами. – Мне просто хочется помочь, потому что Денис сегодня тупит и говорит ерунду. А ты хоть и достаешь меня, но вроде как мой друг, а я не люблю, когда моих друзей обижают. Это неправильно. Хотя ты тоже виноват, – добавила я справедливости ради. – Но если что, можешь ему врезать, когда он тебя совсем достанет. Я пойму. Он меня порой тоже просто выбешивает.

Димка хотел что-то сказать, но в это время вернулся Дэнни, и Чашин только телефон на стол бросил, с силой. Чего-то с ним не так сегодня. Настроения нет? Я, конечно, люблю всяческие перепалки и дружеские подколы, но сейчас мне хотелось, чтобы эти двое сидели тихо-мирно! Какие у меня последние сутки сумасшедшие, однако...

– Так почему вы тут встретились? – через какое-то время начал задавать вопросы брюнет радостным тоном человека, который встретил старинных друзей спустя пару лет после расставания.

– Просто так, – отозвалась скучающим голосом я. – Димка мне очень помог. Принес потерянную мной тетрадь по английскому, где у меня домашка была списа... сделанная. Хм... я ее много часов делала, обложившись словарями.

– Вот как? – поднял задорный взгляд на Димку Дэн. Тот сунул руки в карманы и криво улыбнулся Смерчу. Боже, неужели это еще один человек, кроме меня, на которого обаяние Смерчика не всегда действует? Может быть, мы с Чащиным духовно связаны?

– Да. Поход в кафе – моя благодарность, но раз ты тут, ты и будешь платить, – обрадовала я Смерчинского. Тот только кивнул. Человек-щедрость.

– Я сам заплачу, – поморщился мой однокурсник, ведущий себя крайне вредно. Если бы я точно не знала, что этот парень-приколист никогда мною не заинтересуется, я бы решила, что он ревнует. Но нет, не думаю, что это могло бы когда-нибудь случиться. К тому же у него есть девушка – кто-то типа Тролля, пушистый и элегантный, у которой коленки не разбиты после езды на велосипеде, а в наушниках играет умиротворяющая музыка.

Мне вспомнилось, как Никита вчера сказал, будто думал, что я встречаюсь с Димкой. Вот глупый.

– Я привык платить за своих девушек, даже если они пошли с кем-то в кафе из чувства благодарности, – отозвался на слова Чащина Смерчинский, беспечно отстукивая пальцами по столу веселый ритм. – Так что все нормально, тебе не стоит напрягаться.

– Нет уж, я напрягусь. Я сказал, что заплачу, значит, заплачу я, – исподлобья глянул на Дэна мой приятель.

– Давайте чуть позже этот вопрос решим? – поморщилась я, с затаенной тревогой поглядывая то на одного, то на другого. Как надоели!

– Лучше расскажи, как ты тут оказался, Смерч? – поинтересовался вновь Димка. – Следил за нами или на Машку жучок поставил.

Мои догадки подтвердились.

– Частных сыщиков нанял, – погладил меня по голове, как маленькую, Денис. – Ну а вообще все просто. Мне позвонили друзья и сказали, что мое нежное солнышко коварно изменяет. Я приехал. Примчался на крыльях любви. Дим, почему ты выбрал именно это место? – любопытствовал Дэн внезапно, оглядывая помещение. При слове «друзья» я аж дернулась. Заранее терпеть не могу всех этих шляпников-шпионов.

– А какая разница? – удивился Чащин, не знающий, что Смерчинский просто так ничего не спрашивает. – Машка предложила, мы и приехали. Да и я пробил это местечко – друзья сказали, что здесь нормально, и отзывы неплохие читал.

– Так ты мне что, на слово не поверил, что здесь хорошо? – подивилась я такой заботливости одногруппника.

– Поверил, но проверил. Название хоть и глупое, но здесь уютно и готовят вроде неплохо. Маше паста с сыром понравилась, – добавил он зачем-то.

Я тут же закивала. Маше вообще многое нравится. Особенно на халяву. А кафе, кстати, действительно было милым и, как говорится, «атмосферным». Единственным темным пятном в этом светлом, вернее, сине-желтом, месте были радостно вопящие, ржущие и бухающие рокеры. Что их сюда принесло – не знаю. Пошли бы лучше в какой-нибудь кабак, так нет, тоже в цивилизацию хотят. Или кабаки в это время пока закрыты и откроются ночью?

– «Сырное и ледяное чудо»... А ты сыр любишь? – любопытствовал Смерч вновь.

– Ну да, а что? Запрещено, что ли?

Дэн хлопнул Димку по спине и рассмеялся:

– Бурундук, в нашем полку прибыло, – и театральным полусшепотом произнес, заинтриговав меня: – Знакомься, Рокфор.

– Кто-кто? – чуть не подавилась я от неожиданности.

– Рокфор. Рокки. Усатая австрийская мышь, которая в «Чипе и Дэйле» была без ума от сыра, – тоном, которым можно было бы мультики озвучивать, добавил Денис. – Назван в честь знаменитого сыра с плесенью, воспитан кенгуру, сыр любит безмерно и своего друга Вжика тоже... любит.

Я рассмеялась, но, посмотрев на недовольное лицо приятеля, замолчала. Где он сегодня свое чувство юмора потерял?

– Парень, оборзел? – вроде бы в шутку, но с недобрыми глазами спросил Чащин-Рокки. Быть сырманом ему, похоже, не улыбалось.

– Ну, сам посуди, Мария – Чип, я – Дэйл...

– Тот самый бурундук-идиот в гавайке, который все портит, – вставил Димка тут же, но Смерча ему перебить не удалось.

– А ты – Рокфор, – продолжил, как ни в чем не бывало, Дэн.

– А Гайкой будет Князева, – ляпнула я.

Дмитрий несказанно удивился, как только я произнесла фамилию Гоблинши. Хм, вроде, если я не буду претендовать на Ника, я не должна испытывать к ней неприязнь, но, по-моему, от нее мне будет труднее избавиться. Ну не люблю я ее, и все тут! Слишком мы разные.

– А она здесь при чем, Бурундукова?

– Ну, так они ведь похожи. Блондинки, волосы длинные. Писклявые. И вообще, она меня еще в мультике раздражала, – отозвалась я тут же. – Чип с Дэйлом за ней бегали постоянно.

– А тебя что, Оля раздражает? – заинтересовался этим животрепещущим для меня вопросом Димка.

– Нет, – отрезала я. – Я от нее без ума. Жизнь за нее отдам.

– Она просто ревнует ее ко мне, – спокойноотреагировал на изумление Чащина Сморчок. – Мы с Олей со школы знакомы.

– Даже так? – еще больше поразился Димка.

– Да. А ты, говорят, хорошо знаешь Никиту? – продолжал Смерчинский тем же самым тоном простого любопытствующего.

– Какого еще Никиту?

– Кларского, третий курс эконома.

– И что? – слегка напрягся Димка.

Я удивленно посмотрела на него.

– Как что, – невозмутимо продолжал Дэнни, – Вжиком будет. Мелкой мухой. Вот и команда нам подобралась.

– Слушай, Смерчинский, – непонятно чего обозлился еще больше мой одноклассник, – может, заткнешься уже?

Мой якобы парень с вызовом посмотрел на приятеля и согласно кивнул головой.

– Вот и отлично. Давай ешь и проваливай. Я заплачу. Оставь нас в покое, Смерчинский. Без тебя было куда лучше, – с вызовом произнес Чащин.

Искра окончательно превратилась в черную дыру.

Орел решил убраться куда подальше от двух гигантов и очутился на барной стойке. Рядом примостилась летучая полумышь-полусова. Орел неодобрительно на нее покосился, но гордо промолчал. Летают тут всякие, смотрят, изучают...

– Что ты мне сказал?

– Я сказал...

Они начали огрызаться друг на друга.

Чтобы разрядить обстановку, я решила все же поблистать своими знаниями афоризмов и поспешно повернулась к Смерчинскому, который, как оказалось, может и психовать: он при словах Димки, который, к слову сказать, недавно кидал свой телефон, так бросил вилку, что она перелетела через стол и упала на пол с бодрым звоном.

Ну, давай, Маша, используй фактор неожиданности! Твои друзья не должны ссориться!

– Смерчик... Эй, Смерч!

Он отвлекся от Димки и повернулся ко мне.

– Смерчинский, тебе это... секса хватает? – выпалила я громко. Какая-то бабка, сидевшая в окружении трех одинаковых на лица пацанов, только покачала головой и начала тараторить что-то по сотовому телефону. Девушки за столиками рядом прыснули.

Сейчас он скажет, что да, и я ему расскажу про пошлость и неразвитый ум.

– А что, девочка, – медленно перевел на меня слегка затуманенный взгляд темно-темно-синих глаз Дэн, – согласна пойти со мной и изменить дефицит на профицит?

– Эй, не хаами! – окликнул его Димка тут же, пока я беззвучно и, вероятно, комично открывала рот. Нехорошие слова вертелись у меня на языке, но озвучивать я их отчего-то не могла. Хм, другой наряд и все – не могу как следует за себя постоять. Только ноги в туфлях с непривычки затекли и ноют слегка.

– Это моя девушка. Ты что, запретишь нам... – Смерчинский, мерзкий тип, не договорил. А ведь я уже готовилась к активным действиям со своей стороны! Сказала афоризм на свою голову!

Где-то сзади вновь раздался взрыв смеха – нет, настоящего гогота. Может быть, именно это и спасло меня от просмотра увлекательного кинофильма в режиме онлайн под названием «Разборка обладателя черного пояса по тхэквандо Дэна и мастера айкидо десятого дана Дмитрия». Ехидны-головастики тут же написали это на большом растяжке-плакате.

Но эти пьющие рокеры, сами того не желая, все отменили, заставив пару ушлых головастиков, уже поставивших на победителя, отказаться от ставок. Эти здоровенные парни, захохотав, что-то прокричали, и Дэн вдруг оглянулся. Его темно-коричневые брови чуть сдвинулись к переносице, а глаза слегка прищурились. Он зачем-то поднялся с места.

И я, начавшая было читать проповедь, и Димка, говоривший Смерчу что-то нелицеприятное и поэтому не замечающий ничего вокруг, заткнулись и молча уставились на брюнета. А он, медленно махнув нам рукой, мол, подождите, ребята, я сейчас, развернулся и за пару секунд преодолел едва ли не добрую половину зала. Он оказался около двух сдвинутых столиков, за которыми пировали с пивом и портвейном, вероятно, принесенным самостоятельно, те самые шумные ребята-рокеры, которым даже охранник делал замечания очень вежливо и тактично.

Уж не знаю, что принесло этих парней в такое цивильное место и что они там праздновали, но нефоры не только ржали на всю округу, но и умудрились поймать за руку миловидную брюнетку лет двадцати в летнем светло-зеленом брючном костюме и усадили ее к себе на колени, несмотря на все протестующие и гневные выкрики девушки.

– Кажется, девушка с вами не хочет сидеть, – обратился приятным голосом к рокерам Дэнни, приближаясь к их столику.

– Че ты сказал? – тут же осведомились у него нестройным хором.

Я от ужаса аж застыла. Подозревала, что Дэнни – дурак, но не подозревала, насколько

шикарная шиза властвует над его мозгами. Вероятно, она поссорила его полушария между собой, и теперь он вытворяет такие глупости.

– Парни, это девушка. Думаю, не стоит с ней грубо обращаться, – продолжал он довольно дружеским голосом.

– А как с этой малышкой нужно обращаться, ты, попугай? – зло спросил самый высокий и мощный из них, на чьих коленях девушка и имела честь сидеть, вернее, пытаться с них сползти. Вид, если честно, у нее был испуганный. – Объясни-ка мне?

– Вот черт, Смерчинский – задница! – вскочил и Димка, увидев эту великолепную картину маслом.

«*Hem!!*» – истошно завопили письменами на всех языках мира мои головастики. В смысле, они были согласны со словами Чащина, но они, как и я, не хотели, чтобы там еще и Димка пострадал!

– Ты-то куда? – вцепилась я ему тут же за пояс сзади. Парень остановился и оглянулся на меня. – Не лезь, пусть его одного побьют! Чащин, эти ребята сейчас ему точно врежут! Ты посмотри на них, – с горящими глазами тараторила я, действительно испугавшись. Вот за брата я никогда не боялась, потому что он действительно сильный, а вот за этих двоих – испугалась. Особенно за Дэна, Димка-то точно хоть пару раз в жизни нормально дрался на улице, а этот подсолнух с шоколадными волосами, возвращенный в солнечной теплице, скорее всего, нет! Он ведь говорил, что не любит дела кулаками решать. Не признается же прямо, что слабак!

– Маша, отцепись, – отвечал резковато Димка. Его душа уже была там, около начинающих наезжать на Смерча рокеров. А эти ребята, похоже, как раз таки имели неплохой опыт в драках – с такими-то кровожадными харями! Или они просто выпили лишнего? Идиотское кафе! Как этих алкашей вообще сюда пустили? И где охрана? Хотя что сделает этот дяденька...

– Да отцеплюсь-отцеплюсь! Чащин, иди, извинись и уведи Смерчинского оттуда! Сделай что-нибудь. Они его убьют на фиг. Он же на них бросился, как шавка императрицы на стадо боевых слонов... – взмолилась я. – Защити Дэна!

Вот ведь он идиот, надо ведь сначала противника оценивать (это мне еще Федька говорил!), прежде чем бросаться в его объятия сломя голову!

– Что шавка – согласен, – было мне ответом от одноклассника. И он все равно свалил. Спасать, наверное...

– Чащин, ты куда поперся? Блин...

Мне не оставалось ничего другого, как тоже броситься за этими двумя рыцарями, не читавшими, наверное, «Дон Кихота» и не знавшими, сколько тот из-за своей доброты натерпелся – мне его в детстве до слез жаль было, между прочим!

Двое из рокеров, облаченных в кожанки с заклепками и шипами на плечах и рукавах, с угрожающими ухмылочками на не совсем трезвых лицах, подошли вразвалочку к Смерчу. Остальные пока что оставались сидеть, развалившись на стульях, словно бояре в своих светлицах, и глазели на умника, решившего защитить девицу в зеленом костюме. Она, кстати, успешно свалила от длинноволосых, внимание которых к себе привлек излишне дерзкий Дэни. Да, они ему сейчас точно накостыляют.

«*Ой, беда, беда. Че делать будем?*» – осмелился пошутить особенно умный нежно-салатовый в фиолетовую крапинку головастик, но братья-коллеги утащили его куда-то в закрома головы.

Когда я близко подбежала ко всей этой честной компании, на которую уставились едва ли не все посетители и персонал, один из рокеров положил Дэну руку на плечо, а второй что-то ему говорил – опять же очень нецензурное, что в переводе на нормальный язык звучало бы примерно так: «Дорогой господин Хороший. Мы не знакомы ни с вами, ни с вашей почтенной матушкой, ни с прочими уважаемыми вашими родственниками, поэтому, будучи посторонним джентльменом, вы не должны вмешиваться в наши сугубо личные дела, связанные с затейником-амуром и его странным свойством влюблять друг в друга совершенно разных людей с первого взгляда. Но если вы не понимаете наших благоразумных доводов и будете продолжать гнуть свою линию и в дальнейшем, то нам не останется ничего другого, как пожаловаться на вас и ваше самоуправство в местную ратушу, или, в самом крайнем случае, дать вам достойный и невероятно честный отпор на дуэли».

Дэнв, дослушав все это со спокойствием, воистину достойным самого Темного Лорда, довольно-таки резко сбросил руку парня. А затем, склонив голову, тоже что-то заговорил, но Ветерок делал это очень тихо, и что он там болтал, я не расслышала, хоть и стояла, взволнованная, с оружием от страха сердцем, прямо за его спиной. Его лица я не видела, однако заметила, с каким неожиданным задором и яростью блеснули глаза Смерча, обернувшегося к сосредоточенному и сердитому Чашину, похожему на готового к прыжку взъерошенного зверя. Все, Димка – оборотень! Оборотень-бобер, например.

Мой одноклассник речь Смерчинского слышал и теперь кивал в подтверждение его слов с нагловатой улыбочкой, которая появлялась у него в моменты злости или сильнеешего раздражения. Даром что они сами только что чуть не разругались. Теперь как одна команда стоят!

Рокера, видимо, насмешливые слова Дэнни и насмешливая мимика Димки так впечатлили, что он, недолго думая, рванув на себе куртку на манер принявшего на грудь десантника – жаль, не порвал, она оказалась расстегнутой, сбросил ее на пол, едва не наступив на шипованный рукав тяжелыми ботинками со шнуровкой, а потом заорал, как оскорбленный ехидным Аидом Зевс-Громовержец:

– Я тебя сейчас укатаю, сука, за твои слова! И твоего дружка в ад пошлю!

– Попробуй, малышка, – отозвался Дэн таким непринужденным тоном, как если бы разговаривал со своей подружкой, проснувшейся с ним утром в одной постели. – Я буду не прочь увидеть это.

– А мне и пробовать нечего, урод *запрещено цензурой*! – Сделал шаг вперед обозленный длинноволосый парень, подходя вплотную к спокойному Смерчинскому. – Я тебя сейчас *запрещено цензурой*, а потом добавлю...

– Эй, – толкнул локтем в бок Смерча Димка, – посмотри, как девочка наша беседует. Сразу видно, интеллигентная малышка.

– С такой деткой так и хочется уединиться где-нибудь. – Не стесняясь, Дэн небрежным жестом ценителя женской красоты коснулся кончиками пальцев длинных темных волос рокера. Красивые, кстати, волосы, до середины спины, не грязные и не спутанные, как это обычно бывает у парней, решивших выделиться прической, а гладкие и густые, волосок к волоску. И сам парень ничего так... И фигура просто отличная! Злой только очень.

– Я тебе сейчас ши на ноги натяну, крысья морда! – пообещал оскорбленный парень, крылья носа которого уже раздувались от злости, и этому немало способствовал алкоголь. Было видно, он едва сдерживается, чтобы не ударить Дэна прямо здесь и прямо сейчас. Но пока что он ограничился только тем, что ткнул ему кулаком в солнечное сплетение.

– Сделай его, Скайд, – поддержали парня его друзья-рокеры.

Персонал и прочие посетители продолжали загадочно отмалчиваться. Парни, что находились в «Чуде», делали вид, что жутко заняты, старательно отворачивались (двое мальчишек лет семнадцати, которые сидели, уставившись в ноутбук, даже выскользнули за дверь, решив, что им тут делать нечего) и не спешили помочь разругать ситуацию. Охранник, щуплый мужик лет пятидесяти с гаком, мялся около ребят, не решаясь активно вступать в разговор, а его окриков: «Молодые люди! Молодые люди, разбирайтесь в другом месте!» никто не слышал. Основной персонал кафе был представлен девушками и женщинами, поэтому от них тоже не ожидалось никакой особой помощи.

– Мы полицию вызовем! – пообещала женщина в деловом костюме, вероятно менеджер заведения. – Молодые люди! Немедленно успокойтесь! Прекратите! Вернитесь на свои места.

Кажется, парням в эти минуты не было никакого дела до какой-то там полумифической и еще не вызванной полиции. Между ними, беззвучно хохоча, летало взрывоопасное напряжение, готовое от любой вспышки гнева трансформироваться в самую настоящую драку. Теперь уже все парни-рокеры стояли напротив Дэна и Димки, готовые проучить их за дерзость и хамство. Брюнетка в зеленом костюме их уже не интересовала никаким образом.

Засада!

Я стояла, заламывая от бездействия руки – только не трагично, патетично и красиво одновременно, как героиня романтических фильмов, а нервно и с таким выражением лица, словно меня посадили в клетку ко льву. Пятеро на двоих! Металлисты моих дураков растопчут сейчас!

– Смерчинский, не смей драться! Димка, скажи ему! И тоже не смей драться! – попробовала я остановить Дэйла и Чашина-Рокки. Ненавижу чувствовать себя никчемной.

– Маша, уйди, не мешайся, – обернулся на меня Димка.

Дэн вообще не расслышал – в этот момент ему не без помощи все тех же матов грозили жестокой физической расправой, а он внимательно слушал, кивал и вставлял смешные замечания. На фоне рокеров он смотрелся самоотверженно и даже благородно, отвечая им только не агрессивным громким тоном, а тоном все того же хорошо воспитанного Темного Лорда, в уме уже расправившегося с противником и приготовившего из него жаркое. К тому же Смерч – подумать только! – умело владел обеденной лексикой и вставлял в свои шуточки забавные оскорбления. Вот дает!! Только его остановить надо, не то получит. Их же пятеро! Все молодые, сильные, под властью алкоголя.

«*Не подходи ближе!!*» – враз стали очень здравомыслящими мои головастики.

Но смелая я не послушалась их и оказалась совсем рядом с напряженно застывшими парнями, прямо напротив озлобленных и нетрезвых рокеров. Коснувшись предплечья Смерча и почувствовав, как сильно напряжены мышцы его руки, я чуть не взвыла. Сходила в кафе, называется!

– Дэн, успокойтесь, – жалобно произнесла я, когда он машинально обернулся на меня, – пойдемте отсюда! Они же тебя покалечат. Я сама за всех заплачу... Пойдемте! Дим, прекрати на них орать.

– Так, Чип, немедленно отойди, – прошептал мне Денис. – Я кому говорю, уходи. Тебе здесь не место. И закрой уши.

Он наклонился, поцеловал меня в нос и ловко развернул назад.

– Что, вас девка защищает? – заржали парни в кожанках, увидев меня. Сам ты девка! Я

уперла руки в боки и с вызовом посмотрела на длинноволосого. Была б я парнем, я бы вам всем накостыляла!

– А голубых всегда девки защищают, – тут же кто-то остроумно завопил в ответ. – Эй! Девушка в платице! Они типа пара? Кто активен, а кто у них за женщину? Лохматый, ты в паре телка, да? Или меняетесь?

Димка тут же огрызнулся, сообщив, кого из присутствующих он считает лицами нетрадиционной сексуальной ориентации, а также добавив, является ли это наследственным фактором, который передается по генам каждому второму лицу в родословной некоторых личностей, находящихся в этом не самом отменном кафе, которое раньше наверняка было не менее отменным борделем...

– А она хорошенькая, смотрите, какие ножки аппетитные, – вдруг обвел меня заинтересованным взглядом парень с выбритыми наголо висками и низким хвостиком, на чьей черной майке был изображен логотип одной очень известной российской рок-готик-команды.

– Гламур-гел, иди к нам, мы тебя... Ам-м-м, – разинул пасть он и плотоядно облизнулся, не отрывая от меня все того же внимательного взора, – съедем, птичка!

– Сам себя съешь, ублюдок, – я от злости то ли побледнела, то ли покраснела. Страх немного уменьшился под напором этого нового чувства в моей крови.

– Какая горячая. Мы сейчас твоих невоспитанных мальчиков проучим, и я возьмусь за тебя. Развлечемся, красавица, – пообещал этот кретин мне, не забыв подмигнуть. Я послала его в краткое пешее паломничество с маршрутом через центр земли и на всякий случай спряталась у Дэна за надежной широкой спиной, к которой, несмотря на напряженность ситуации, тут же захотелось прикоснуться, а лучше всего повиснуть.

А раньше я так же хотела дотронуться до руки Ника...

– Тронешь ее, я тебя убью, – без каких-либо ругательств, простыми словами сказал Дэн, отвернувшись от главаря рокеров и повернувшись к парню с выбритыми висками. Тот весело засмеялся.

Смерчинский, не оборачиваясь, нашел мою ладонь и крепко ее сжал, как будто бы хотел сказать мне, чтобы я не боялась. В ответ я на миг коснулась щекой его спины, чувствуя с новой силой, как мне хочется прижаться к Денису крепко-крепко и не отпускать. Дэйл все же посмотрел на меня, и в его глазах я заметила растерянность, хотя, с другой стороны, готова была поклясться, что в них была еще и нежность.

Даже в бескрайних просторах полярного круга орлу было бы тепло, если бы от лютых морозов его защищал один знакомый его смерч...

Димка, который ничего этого не видел, продолжал нагло и умело качать права, поняв, видимо, что рокеры их все равно побьют, а так хоть пооскорблять противников можно всласть.

Я же, вновь набравшись смелости непонятно из каких внутренних запасников своей пошатнувшейся психики, попыталась утихомирить не слушающих меня Смерча и Чащина. Но мои негодующие крики потонули в мужской ругани, и вся эта сумасшедшая толпа точно бы устроила погром в кафе прямо в эту минуту, потому как Скайд уже замахнулся было на Дэна, если бы не эффект неожиданности в лице Инги – той самой клуши, которая организовывала романтический сюрприз Дэну. Вот кто меня сдал!!

– Иди и дерись! Покажи им! – услышала я сначала отдаленно знакомый торжественно-испуганный голос, а после узрела сбоку высокую длинноволосую девушку, похожую на

Полоумную Лавгуд. Белобрысая тащила за собой опешившего парня среднего роста и в очках. Миг – и он, взмахнув руками, оказался в самой гуще сердитых любителей тяжелой музыки, умудрившись заехать кулаком по уху одному из них, а второму, ни много ни мало, двинул прямо по алкогольной раскрепощенной харе. Но вроде бы не сильно.

– Иван! Молодец! Ты сможешь! Ты же настоящий мужчина! – возопила Инга, которая его и толкнула в спину. – Помоги Смерчику!

Смерчик такой помощи явно не ожидал, он вообще опешил, увидев этого Ивана, и тут же махнул ему раздраженно рукой, чтобы тот убирался назад. Однако было поздно.

– Очкарик! Твою мать!! Я тебя сейчас прикончу, – прорычал слегка покалеченный длинноволосый рокер, не ожидавший такого коварного нападения со стороны, а второй пострадавший добавил пару непечатных выражений.

– Извините, я не специально, вы... Меня... Я... Извините! – сам ошалел от произошедшего Иван. – Я вовсе не хотел! Давайте мирно разойдемся, мы же культурные лю...

– Ты меня еще дразнить будешь, гаденыш? Культурный пень! – вызверился парень с подбитым ухом. – Я по тебе сейчас мирно разойдусь, хорек четырехглазый!

– Еще одна дэ-э-эвушка! Какая кошечка. Кис-кис, иди ко мне, блонди? – Бритые Виски узрел Ингу и нахально подмигнул и ей. Она картинно закатила глаза.

– Все, мать вашу, давайте, выйдем, – с кривоватой хмурой улыбкой предложил этот самый Скайд. Его внушительный вид, а особенно глаза, слегка покрасневшие, с большими расширившимися от ярости зрачками, меня пугали. Он явно не сомневался, что победа будет за ним и его крепкими парнями. Я, впрочем, тоже.

– Если дама с такой шикарной прической этого желает... – все никак не мог оставить в покое длинные волосы парня идиот Дэн.

– Желание дамы – закон для любого мужика, – вновь подхватил игру и кретин Димка. Я только по лбу себя ударила от отчаяния.

– На улицу, петушки, – отрывисто отдал приказ своим Скайд, резким движением поднял свою куртку и, с силой оттолкнув Дэна плечом, первым зашагал по направлению к выходу. Обернувшись, он нехорошо посмотрел на будущих противников, прикидывая, видимо, кому что сломать.

– Мы вам щас зад надергаем, малыши, – весело сказал один из его друзей.

– Я тебя сам надергаю, – с отвращением произнес Димка. – Пошли, Смерч, – сказал он Дэнву.

– Гоу, – тот уверенно уставился на парня с выбритыми висками. – Поучим кое-кого вежливости и обращению с девушками.

Капец! Он еще и хвастается, что проучит кого-то. Все, Смерчинского похоронят...

– И очкарика я сейчас проучу, – никак не мог успокоиться один из агрессивно настроенных рокеров.

И парни, не забывая на ходу переругиваться и огрызаться друг на друга, как беспризорные псы в уличной стае, двинулись на улицу. Бедный Иван, кстати, невольно был втянут в эту процессию и, кинув прощально-обиженный взгляд на Ингу, поплелся вслед за Смерчинским, как будущий висельник на плаху.

Половина кафе облегченно вздохнула, другая половина уже готовилась бежать к окошкам, чтобы поглазеть на драку оттуда. В ее эпичности мало кто сомневался, даже я. Сейчас обоим обладателям начальной буквы «д» в именах так настучат по умным репам, что

они пару месяцев точно в реанимации проведут.

Орел тоскливо покачал головой, протянул растопыренное крыло куда-то влево, шепнул слова-заклинания и вытащил из-под ткани мироздания серебряный шлем и грозное оружие – остро заточенное копье.

Я со всхлипывающим сердцем поспешила за парнями, а за мной тут же двинулись, как будто бы на автопилоте, испуганная девушка-жертва и бледная Инга, повторяющая, как заведенная: «Ой, что сейчас будет, что сейчас будет!»

Сейчас будет воистину кровавая бойня. Потому что трое наших не смогут противостоять пятерым чужим, даже если им каждому вручить по лопате.

– Полицию вызывай! – услышала я вновь рывканье тетки в строгом пиджаке. А вот в самом начале конфликта они не могли додуматься до этого?

– Уже вызываю! – пискнула какая-то девушка-официантка.

– Да не по телефону, дура! Кнопку быстрого реагирования жми! Она под баром!

– Сейчас, Галина Олеговна, сейчас!!

– И почему ты раньше ее не нажала, рядом же стояла! Хорошо, что они хоть не в кафе удумали драться! – возмущалась Галина Олеговна. – Малолетние идиоты с разыгравшимися гормонами... Уважаемые посетители, администрация нашего кафе просит прощения за этот ужасный инцидент. Каждому из посетителей будет предложен специальный подарок в качестве десерта...

– Да какие ж они малолетки? Взрослые парни, совершеннолетние, – тут же высказался какой-то интеллигентного вида мужик, до этого с головой закрывающийся газетой.

– Да рокеры бухие, вот и нарываються...

– Безобразие какое! Среде бела дня!

– Эти субкультуры до добра не доведут!

– А я говорю, что они наркоманы, – вновь вмешалась бабка, сидящая за столиком с внуками-тройняшками. – И подруги их такие же, – бросила она придирчивый взгляд в нашу сторону. – Эй, мальчики, – вдруг упал ее цепкий взгляд на собственных внучков, которые, не стеснясь, подбежали к огромному окну в надежде увидеть драку. Ее пока что не было, потому что парни опять затеяли словесную перебранку. Иногда им нужно так много времени, чтобы действительно начать махать...

– Это все из-за меня, – потерянно прошептала девчонка в зеленом костюме.

– Естественно, из-за тебя, – не стала с ней спорить я. – Зачем орать надо было на всю округу?

– Потому что я его ненавижу, – выдохнула едва слышно она, и ее кулачки сжались, а на глазах появились слезы.

– Мой Иван – убежденный пацифист, он сейчас их разнимет, – не слишком самоуверенно, но излишне пафосно заявила Инга, не отстающая от меня. Я посмотрела на нее с сожалением. Это сейчас ее Ивана на ближайшем дереве распнут.

– Так это ты позвонила Дэну и сказала, что я тут сижу и изменяю? – спросила я у блондинки.

– Не об этом сейчас речь! – первой приблизилась Инга к двери. – Нам нужно помочь нашим мальчикам!

Однако на улицу мы выйти не смогли.

– Ку-у-уда, девчонки? – спросил парень с выбритыми висками, преграждая нам путь. В последнем слове вместо звука «в» он произнес глумливое свистящее «ф». Лицо у него было

смазливое и жесткое одновременно.

– На улицу, – хмуро ответила я.

– Зачем? Вашим малышам уже не помочь. – Он вздохнул с притворной жалостью.

– Убери руку, дайнам пройти!! – взвизгнула та, из-за которой все началось.

– Уйди, – твердым голосом сказала и я.

– Такие красивые девочки и общаются с такими глупыми мальчиками. – С задумчивым видом он провел по моим волосам ладонью, затянутой в кожаную перчатку с отрезанными пальцами, которые в народе называются «митенками».

Этот жест заставил меня дернуться и отступить на шаг назад. Я, конечно, человек импульсивный и все такое, но все же сдержалась, чтобы не ударить длинноволосого кретина. Я не Дэн, я понимаю, что мне хватит одного удара этого нетрезвого парня, чтобы упасть.

– Молодой человек, пропустите нас, – величественно произнесла Инга. Больная мадам. Она бы его еще сударем назвала.

– А ты больше ничего не желаешь, крошка? – не собиравшись он убирать руку с косяка.

– Желаю, молодой человек. Скажите своим друзьям, чтобы они успокоились.

– Да, конечно, я обязательно скажу это им, – отвечал ей тут же парень. – Как только они отправят ваших боев в ближайшее отделение пекла, я обязательно передам им вашу просьбу.

– Какого еще пекла? – широко раскрыв глаза, посмотрела на него Инга.

Бритые Виски слегка наклонился к ней и дурашливым голосом ответил:

– Адского. Откуда демоны выходят каждое полнолуние.

– Зачем? – явно удивилась беловолосая.

– Чтобы упиться в ноль и отыскать человеческих красавиц. Демоны их с собой в пекло уносят. Делать демонят, кошечка. – И он заржал.

Всегда не любила парней с хвостами! Они все или тормозы, или жуткие идиоты с извращенными наклонностями.

– Пить меньше надо, молодой человек, – отозвалась Инга, поджав губы. – Знаете, как от вас алкоголем несет?

– Предполагаю, блонди. А у тебя классные духи. Демоны будут в восторге. – Он беззаботно щелкнул ее по носу.

Инга явно обиделась и отвернулась, что-то там бурча насчет Ивана и его суперспособностей дипломата.

– Да пропусти ты нас, что тебе нужно, придурок? – не выдержала я, глядя, как рокер глумится над правильной Ингой. – Отойди!

– А ты отодвинь меня, – предложил он.

Я только выругалась в ответ. Со стороны наше столпотворение у входа выглядело так, будто бы парень не пускает девушек к дерущимся, дабы их уберечь. На деле этот то ли рокер, то ли металлист с выбритыми висками и смазливый подвижным лицом просто играл у нас на нервах. И нас не замечали, ибо все внимание посетителей и немногочисленных прохожих было обращено к тому, что происходило около кафе.

А на улице тем временем все же началось веселье. Орел, наперегонки с ухающим от радости монстриком подлетели к окну, мешая друг другу крыльями. И тот и другой были облачены в неполную экипировку воинов древнеримского легиона.

Вначале, словно разогреваясь, вмазали появившемуся словно бы из ниоткуда охраннику. Не сильно, но тот больше не вмешивался. Потом Скайд врезал бедному парню в очки, который вообще был абсолютно ни при чем. Ивану просто не повезло, да... Инга и девушка в

зеленом, увидев его падение на землю, хором взвизгнули. Рокер с выбритыми висками одобрительно улыбнулся. Похоже, он разрывался: хотел на улицу, но почему-то не желал оставить в покое нас троих.

– Сейчас начнется хорошее месиво. Ваших смелых боев уложат, – уверенно произнес он, – у Скайда черный пояс.

– Судя по длине и ухоженности волос – он у него голубой, – пробурчала я и тут же была одарена прелестной фразой, в которой меня невежливо попросили заткнуться. Да я и сама бы замолчала, потому что в это время на бедного Димку, сказавшего что-то нелицеприятное, набросился один из оппонентов, и они почти тут же повалились на землю. Бедняжка Дэн тоже вступил в схватку, и, против моих ожиданий, не улетел тут же в ближайшие кусты, а четко стал парировать удары и даже помог Димке.

Я попыталась вырваться, чтобы оказаться рядом с парнями и попробовать им чем-то помочь, но Бритые Виски меня удержал.

– Стой тут, – серьезно сказал он мне. – Крошкам в драке не место.

А потом в рядах наших парней вдруг появился новый «воин», когда я увидела его, то чуть с ума не сошла, думая, что у меня жесткие галлюцинации. К дерущимся подбежал Никита Кларский! Он умудрился сразу нокаутировать одного из рокеров и привлек этим внимание Скайда, пнувшего для порядка пару раз начавшего вставать Ивана.

Я аж присела.

Орел и мутант пробили стекло и бросились на улицу, воинственно что-то клекоча. Они еще никогда не видели схватки титанов.

Да где же полиция?! Когда надо, ее нет! А вот прочие гости этого заведения полиции явно не желали. Они наслаждались зрелищем. И даже странно, что никто не стал снимать его на камеру.

– Вот они, это подрастающее поколение! Только бы подраться! Увидели драку и бегут уже!

– Ой, смотрите, еще мальчики в драку лезут!

– Аморально! Ненормально! – услышали мы возгласы посетителей кафе.

Да, действующих лиц становилось все больше. Из все того же запасного выхода появились еще двое парней в форме работников «Сырного и ледяного чуда», которым, по всей видимости, только что сообщили о драке посетителей. Оба, почему-то обрадованно, тут же вступили в схватку, вызвав одобрительные вопли малышни, которых ахающая бабушка с телефоном в руке не могла загнать на место.

Глядя, как Ник умудряется не только парировать удары могучего Скайда, но и наносить ответные, господин Бритые Виски грязно выругался и поспешил к приятелям на помощь, забыв о нас. А мы с девчонками наконец оказались на улице. Но что мы могли сделать, кроме того как кричать? Ничего. Только наблюдать и ждать патрульных машин. К нам почему-то присоединилась еще одна девушка – в ярком зеленом платье, миленькая и испуганная. Я даже подумала на мгновение, что стою рядом с двумя девицами в зеленых одеждах и можно загадывать желание. Новенькая с таким священным ужасом взирала на дерущихся, что я тут же причислила ее к подружкам рокеров.

Иван продолжал лежать, а парни трогательно разделились на пары. Димка дрался с противником, равным себе по силам, но превосходившим по росту и объемам. Дэн – тоже. Боже, мой, его еще не убили!! И, оказывается, хоть немного он к драке пригоден. Я с ужасом наблюдала, как он умело ставит блоки, а сам наносит довольно резкие и короткие удары,

переноса тяжесть тела на переднюю ногу. И Димка, и Дэн старались бить по болевым точкам противника – мне Федька столько про них рассказывал, что я теоретически знала, где они находятся. Чашин даже пару раз умудрился достать противника ногой, и я мысленно за него порадовалась, как болельщица на стадионе за любимую футбольную команду, выигравшую Кубок Лиги чемпионов УЕФА. А на Дэна я вообще едва ли не молилась. Господи, спасибо, что он умеет драться!! Спасибо, что пока еще его не побили! Может, у Сморчка противник слабый? Да нет вроде... Нормальный такой детина, ростом чуть пониже, зато с металлическим кастетом, но вроде бы Дэнни кастетом еще не прилетело, да и не шипованный он вроде, кастет-то...

Орел в порыве шальной радости обнял монстрика и прижал к своей орлиной груди. А тот, воинственно тыкая своим копьём во все стороны, ошалело замер, превратившись вдруг в вихрь, и радостно засмеялся, теребя теплым ветром волосы всем, кто находился на этой улице, и тревожа изумрудные листья.

Правда, Денис хоть и хорошо, ловко двигался, но в полную силу все равно не дрался. А еще он умудрялся что-то кричать своему противнику, но его слова тонули в общем хоре громких голосов, в котором мои чуткие уши то и дело улавливали все новые и новые интересные выражения. Вскоре Смерчинский и Димка отодвинулись чуть дальше от дороги, к яблоням. Ник же и два добровольных помощника из кафе, напротив, переместились ближе к проезжей части, где начала собираться толпа зрителей. И откуда только набежали? Только что никого не было же!!

Никита, кстати, все больше и больше поражал меня. Он взял на себя самого опасного, наверное, противника в этом дурдоме – высоченного главаря рокеров по кличке Скайд. Блин, я и не знала, что Кларский так классно дерется! И так... жестко. Он ведь элегантный, милый мальчик, моя почти бывшая мечта, откуда он знает приемы уличных нечестных драк, которые я имела честь наблюдать во время полушуточных тренировок Федьки и его друзей? Откуда, спрашивается? Он ведь милый мальчик! Жаль, однако, что его длинноволосый соперник ничуть не уступал Нику – они вскоре вообще отделились ото всех остальных парней и увлеченно пытались нанести друг другу всяческие физические увечья.

Я даже на некоторое время восхищенно замерла, умиляясь Ником, а заодно своими сегодняшними спутниками, заварившими кашу ради этой верещащей под ухом девчонки в зеленом. Димка и Дэн, которые пятнадцать минут назад доводили друг друга, не обращая внимания на мое присутствие, умудрялись сражаться чуть ли не спиной к спине и вообще выглядели как лучшие друзья, защищающие друг друга.

Иван с окровавленным лицом (таким, как будто бы ему не один раз вдарили, а стукнули по крайней мере раза четыре, хотя всему виной было то, что первый удар пришелся ему по носу, поэтому и крови так много) вновь поднялся на ноги, но тут же был совершенно случайно сбит оппонентом Ника и вновь шлепнулся на землю, успешно имитируя бессознательность, чтобы ему кто-нибудь еще по балде не врезал случайно. Бесстрашная Инга вдруг зажмурилась, вытянула руки вперед и бросилась к Ивану со смелостью жены декабриста.

– Вернись! – крикнула я ей, но перехватить не успела. Вот дура-то, а! Кто в драку лезет на всех парах?

Зря одна из «шляпниц» Смерча кинулась к парню в очках, зря, потому что господин Бритые Виски, которого оппонент так сильно толкнул в грудь, вдруг отлетел назад и, споткнувшись об эту чокнутую, упал прямо на нее. Хорошо еще, не спиной на Ингу приземлился, а умудрился извернуться в воздухе. В самых лучших традициях идиотизма, они

оказались в весьма пикантной комедийной ситуации: он над ней, оперевшись кулаками о пыльный асфальт и нависая над девушкой так, что его длинные волосы, которые больше не стягивала резинка, закрыли не только его лицо, но и ее.

– Извращенец! – пискнула едва слышно девушка, не найдя ничего более умного, как вцепиться ему в плечи острыми ногтями, не наращенными, а своими.

– А ты милая, киса, – сказал он хрипло, засмеялся, а потом получил хороший удар по затылку и обмяк. Выглядела эта сцена довольно-таки эротично, но оказаться на месте Инги мне не хотелось.

– Мама... мамочки... мальчик, что с тобой? – не нашла вновь лучших слов белобрысая, лежащая под парнем. Мальчик, естественно, молчал.

Я двинулась уже было к замершей от ужаса девушке, чтобы помочь ей выбраться из-под потерявшего сознание рокера (это его Боженька покарал за то, что он нам козни строил и приставал!), как нас посетили господа полицейские. Прошло минут пять или семь, как началась драка, не больше, а они уже прибыли. Тут же, окинув профессиональным взглядом «поле брани» и оттолкнув зевак, люди в серой форме бросались разнимать дерущихся.

Спасибо Скайду и Нику – из-за этих двух «бойцов без правил», оказавшихся ближе всех к патрульным машинам, начавших вдруг оказывать очень бурное сопротивление сотрудникам органов правопорядка, я спаслась от участи посетить местное КПЗ и смерти от руки разъяренной мамочки.

Наверное, из-за того, что мои родители да и многие родственники служат, так сказать, на благо Отечества, я сначала так обрадовалась прибытию полиции, что просто хотела броситься к грозным людям в форме. Однако Дэнни, который по молчаливой договоренности со своим уставшим уже соперником остановился, в момент оценил ситуацию и тут же решил покинуть это место.

– Бежим, Чип. – Он схватил меня за руку, и кивнул подоспевшему к нам Димке – тот тут же цапнул мою вторую руку, и мы втроем понеслись прочь, птичками перелетев кусты и ломясь едва ли не сквозь деревья.

Наряд, кстати, пока занимался другими дерущимися, и только двое полицейских стали нас догонять, крича на ходу, чтобы мы немедленно остановились. Останавливаться мы не собирались. Кстати, вместе с нами улепетывали бодренькой рысцой еще и двое парней-рокеров, с которыми Чащин и Смерчинский только что имели честь сражаться.

Мы впятером, не сговариваясь, завернули под крики полицейских за угол ближайшего дома, пересекли пару двориков, заполненных малышкой, вбежали в детский сад и, явно напугав местного дворника, вихрями пронеслись по аккуратным дорожкам и скрылись за ярко-оранжевым зданием. Погоня вроде бы потеряла нас.

Я, естественно, отставала, бежала медленнее всех, и, если честно, до сих пор не понимаю, как умудрилась нести на каблуках, не сломав ни их, ни своих ног и ни разу не упав, лишь только с десятков раз запнувшись. Наверное, тот факт, что меня за руки тянули парни, сильно помог. Да и адреналин придал дополнительную энергию.

Оказавшись в садике, мы подбежали ко второму выходу, который, к моему счастью, тоже был открытым в этот воскресный день, и оказались в противоположном от «Сырного и ледяного кафе» квартале. Затем пересекли пару дорог и вновь затерялись в тихих зеленых дворах.

Наверное, мы смогли смотаться только потому, что с нами был любимчик фортуны – Смерч.

Успокоилась наша сборная компания только на каком-то тихом школьном дворе, окруженном со всех сторон высокими старыми тополями. На прямоугольной площадке не было ни единого человека, зато высилось много мудреных, нагретых под солнцем разноцветных турников. Дружно усевшись на один из них, парни, тяжело дыша, громко расхохотались. Наверное, это они так от эмоций разряжались.

Я на турник лезть благополучно не стала из-за платья, а скромно присела на низенькую лавочку и, пытаясь отдышаться, стянула порядком надоевшие босоножки, которые умудрились натереть мозоли.

– Пипец, – выдохнула я. Вообще-то я сказала несколько другое, куда более грубое слово, но не будем заострять на этом внимания. Парни мигом на меня уставились.

– Кому? – сквозь смех спросил Дэн. – Что за плохие словечки, Чип?

– Всем.

Я с наслаждением вытянула ноги, критически оглядывая запылившиеся босоножки.

– Это твоя девушка? – спросили мигом протрезвевшие после погони рокеры. По иронии судьбы, с нами были те самые ребята, которым бедняжка Иван вмазал по уху и по лицу.

– Точно, моя девушка, – сверху вниз посмотрел на меня Дэнни.

Я мрачно чихнула и продолжила изучать собственные ноги. Второй раз я, добропорядочная гражданка, бегаю сломя голову от полиции!! И все из-за этого куса обаяния, блин. И только чудом избегаю незавидной участи прокатиться в полицейской машинке в отделение.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

Витрувианский человек – рисунок Леонардо да Винчи, на котором изображена фигура мужчины, иллюстрирующий идеальные (канонические) пропорции тела.

Стихотворение «Пророк».

Сонет В. Шекспира в переводе С. Маршака.

Дхаммапада – одно из произведений буддистской литературы, содержащее изречения религиозно-этического характера.